

Астра

КРЕПИТЕСЬ, ДРУГИ!

роман

Москва
Издательство «БПП»
2009

Часть первая

В просторном зале кафе «Артистическое» играла негромкая танцевальная музыка. После давнего пожара, залитого потоками слез московской театральной богемы, помещение было восстановлено и стало еще краше, как это водится после всех московских пожаров. Особенно уютно бывало здесь зимой, в разгар сезона, когда герои театра и кино приходили сюда запросто и, поптичь мелко оглядываясь по сторонам, проверяли произведенное впечатление. С известностью не шутят, ее приходится нести, как награду или крест, смотря по человеку... Но и сейчас, летом, на склоне дня, артистическое кафе не пустовало. Свободные столики оставались только в середине зала, места же возле окон, оркестра, укромные уголки за выступами и колоннами были полны особенной, присущей лишь этому заведению, узнаваемой в лицо публикой, и на эти лица хотелось смотреть и смотреть. Известность — не шутка.

Близился вечер. В зал то и дело входили пары и одиночки, окликались и подсаживались к знакомым, или пробирались в середину зала, чтобы занять столик для тех, кто явится позднее, но придет непременно. Все здесь были знакомы-полузнакомы друг с другом, все продолжали открытую, ни на мгновение не прерывающуюся, нервную богемную жизнь, полную скрытого труда и показного безделья.

Виктор Селезнев, ведущий артист труппы «Белая звезда», задумчиво смотрел на посетителей. Он сидел за столиком близ музыкантов и ждал друзей. По-обыкновению, на него поглядывали женщины, и он привычно вел с ними сладкую любовь взглядов, мгновенных или долгих ударов затаенных, или откровенных, или насмешливых глаз. Темноволосый, с острой косичкой на затылке, с почти сросшимися бровями, он был одет в грубую черную рубашку и черные брюки, на шее пестрел красный платок, концы которого падали на грудь, приоткрытую до темно-кудрявости, до пуговицы пристойности...

Подойти должны были двое: Вениамин Травкин, главреж «Белой звезды», и Толик, старый друг их обоих по училищу. На последнего возлагались два ответственных поручения.

Для нового сезона в театре ставилась современная пьеса-комедия из времен императрицы Екатерины Второй. Пьеса, разумеется, шумно-музыкальная, многолюдная, костюмная и, разумеется же, безумно дорогая для труппы полунитских актеров. Венька, главный режисер, был также беден, но отличался везучестью, словно поплавок на воде, и ему уже случалось в последнюю минуту вывертываться из таких, казалось, гробовых обстоятельств, когда уже никто ни на что не надеялся. На это полагались и теперь.

Роль фаворита царицы, светлейшего князя Потемкина, Виктор, ведущий актер-любовник, хотел, конечно же, взять себе. Ему казалось, что в присутствии Толика Веньке невозможно будет отказать в его великой просьбе. В этом состояла первая комиссия Толика.

Тому мешали отношения Виктора с первой звездой театра Натальей Румянцевой. *Штормовая страсть* между ними, стоившая ему развода с женой, улеглась еще зимой, к облегчению обоих, тем не менее, уже не любовники, но еще не друзья, они продолжали ревниво и подозрительно следить друг за другом чуть не с супружеской ревностью. В последнее же время стали замечать сближение Натальи с Травкиным. Соперничество таилось в обоих мужчинах, как огонь в зажигалке.

Были и другие причины. Театр! Все открыто, все больно!

... А во-вторых, очередь платить по счетам сегодня была за Толиком, так как на прошлой неделе за него платил Виктор.

Ему уже принесли салат из огурцов и помидоров и графинчик с водкой, похожий на химическую колбу с золоченым ободком, но на всякий случай он ничего не трогал.

Первым появился Толик. Он пришел не один. С ним была подруга, молодая девушка, по виду, цыганка — тонкая, смуглая, одетая в пеструю юбку из мелькающих лоскутов и странный наряд из цепочек, которые ниспадали от шеи к талии блестящей ниагарой, и сквозь которые едва просвечивал красно-синий шелк

по-индийски короткой нижней блузки. Волосы ее черными прядями струились по спине.

Все повернули головы, пока эти двое шли к Виктору. Сам Толик, плотный, лысеющий блондин, был полной противоположностью своей даме.

Виктор поднялся.

— Знакомься, — представил его Толик. — Виктор, мой друг, драматический артист.

— Очень рад, — наклонил голову Виктор.

Толик обнял за плечи девушку.

— А это Зора, самая юная артистка театра «Ромэн».

— Я счастлива, — она подставила щеку, и Виктор коснулся губами свежей кожи близ угольной родинки.

— Что будешь пить, Зора? — спросил Толик, когда все уселись.

— Ничего спиртного, — звучно произнесла она. — Апельсиновый сок со льдом.

— Почему? — улыбнулся Виктор. — Барон не позволяет?

— Может быть, — засмеялась она сочным ртом.

Официант принес сок. Мужчины выпили водки. Виктор смотрел на Зору. За этим столом он более подходил ей по внешности, чем ее невзрачный кавалер, и поэтому он слегка красовался перед нею.

Когда-то гордый и надменный,

Теперь с цыганкой я в раю.

И вот прошу ее смиренно,

Спляши, цыганка, жизнь мою.

— прочитал из Блока и с интересом добавил. — А скажите, вы умеете плясать, как таборные цыганки, как Ляля Черная? Бить плечами, стоя на коленях и отклоняясь назад до полу? По большому счету, это самая зажигательная штука в цыганской пляске. Умеете? Или уже нет? Вы московская цыганка?

— Так? — она мелко потрясла плечами и цепочки ее всколыхнулись, зазвенев.

— Bravo! А гадать можете?

Она повернулась к Толику.

— Твой друг опасно любопытен. Погадать ему?

— Сначала мне, — усмехнулся тот.

На ее смуглом лице проступила серьезность.

— Не боишься?

Толик замешкался, но отступить было поздно, сам напросился. Он открыл обе ладони.

— Правую, левую?

— Сначала ручку позолоти, соколик. Без денег пустой обман, — заговорила она певучим распевом цыганской гадалки.

Толик достал десять тысяч, сущие пустяки по курсу 1997 года. Она взяла его левую руку и внимательно склонилась над нею. Толик напрягся. Видно было, что он не прочь был отшутиться и дать обратный ход, но она уже «работала».

— Хочешь верь, мой золотой, хочешь, не верь, тебя ожидает огромное богатство, — в ее голосе звучало неподдельный цыганский зачин. — Будешь ворочать большими деньгами, мой драгоценный, люди станут уважать тебя. Но прежде пройдешь через лихое испытание.

— Какое еще испытание? Когда?

— Скоро.

— Лучше не надо, — помотал он головой, посерьезнев.

— От судьбы не уйдешь, мой яхонтовый. Людям не доверяй, на себя полагайся. Все.

Наступило молчание. Мужчины подняли тост за ее здоровье. Толик поцеловал смуглую тонкую кисть девушки с тремя перстнями на пальцах. Потом мечтательно вздохнул.

— Чтобы сошлось по-твоему, мне нужен начальный капитал. Эх, бы я развернулся! У меня руки чешутся за собственное дело взяться!

— Какое дело? — пожал плечами Виктор. — Все давно схвачено. Другие управились раньше нас.

— Ты просто не в курсе, Витька. Именно сейчас пошла вторая волна, скопидомы-трудяги, черная кость. Это тебе не торгаши чужими шмотками, их не купишь-не продашь и никогда не разоришь. Потому что они начинают с нуля и сами, слышишь, сами создают все под себя. По кирпичику. Корневые мужики. А дел навалом, работай, знай. В свое место можно встроиться в любой момент, было бы желание. И деньги для начала.

— Возьми кредит в банке.

— Если бы я знал, чем буду заниматься, то да, взял бы. Но я устроен так, что думаю и начинаю от денег, как танцор от печки. Никак не раньше.

Девушке стало скучно.

— Позолоти ручку, мой желанный, — повернулась она к Виктору.

Виктор тоже был не рад собственной затее, но делать нечего, пришлось подвергнуться. Он взглянул на Толика. Вторая купюра легла на стол. Свесив черные пряди, Зора склонилась над его ладонью и едва заметно вздрогнула.

— Сложная кривая судьба ... Это рука преступника.

Виктор потемнел. Зора продолжала.

— Слушай внимательно. У тебя гордая и безжалостная душа, драгоценный мой. Как у великого таланта. Словно ястреб, ты способен взлететь выше всех, и, подобно ему же, брызнуть по ветру горсткой перьев. Очень, очень дерзкая рука, а судьба... вся в твоей душе.

Она с облегчением оттолкнула от себя крепкую ладонь Виктора.

Тот молчал.

— Я хочу танцевать, — обратилась к своему кавалеру.

Толик увлек девушку в танцевальный круг и долго водил медленными шагами, поглядывая в ту сторону. Он видел, как Виктор, словно взъерошенный боевой петух, понемногу успокоился, налил и выпил водки, как встал, приветствуя Вениамина.

— Пойдем отсюда, — попросила Зора.

— Скоро пойдем, — согласился он, продолжая наблюдать.

Беседа за столом была горячей, объяснение шло начистоту. Толику всегда претили сильные страсти; он еще не придумал, как половчее вывернуться из острых обстоятельств, как вдруг Виктор, размахнувшись, ударил Веньку в челюсть. Тот грохнулся вместе со стулом, а Селезнев, размашисто шагая между столиками, скрылся за дверью.

Зал обернулся в их сторону. Толик замер на месте.

— Ну, погоди, — отряхиваясь одной рукой, шипел Венька, держась другою за скулу. — Духу твоего в театре не будет. Все, все.

Валентине Королевой в этом году исполнилось тридцать четыре года. Высокая, статная, с золотистой волной волос, кудряво прикрывавших широкий лоб, она выделялась в любом кругу царственной осанкой и особенной властностью серых, чуть удлиненных глаз под высокими бровями. Три года назад Валентина защитила кандидатскую диссертацию и возглавила отдел в институте, обойдя свою наставницу, добросовестнейшую Екатерину Дмитриевну. Та уже давным-давно защитила мелкую домогощенную работу и с тех пор числилась и.о. завотдела; числилась, числилась, да так и не воцарилась в кабинете на законных основаниях даже накануне пенсии, когда, по обычаю, дирекция либо прибавляет жалование кадровым сотрудникам, либо предлагает повышение. Денег на это уже не было, финансирование института таяло стремительнее весеннего снега. Вначале, как водится, сократили уборщиц, затем стали ужиматься в научных разработках, закрывая тему за темой. В длинных коридорах шестизэтажного здания мало-помалу появились расторопные молодые люди, за которыми несли ящики и коробки, набитые китайскими тряпками, компьютерами, цветными пластиковыми бутылками; возле их новых железных дверей запестрели детские имена этих частных фирм. Еще висели по этажам деревянные «доски почета» с набором красных деревянных знамен, и звенел по утрам общий звонок на работу, но цветы на клумбе перед входом уже не высаживались, и даже занавески в вестибюле и конференц-зале, помятуя добрые времена, сняли постирать, да так и не повесили. Лишь старая береза слева от входа да ее белоствольная молоденькая соседка сохраняли неизменным свой космический образ жизни, надевали зеленый наряд и сбрасывали желтый, подчиняясь солнечному и земному шествию времени.

Наконец, вместо одного свободного библиотечного вторника был введен единственный присутственный понедельник. Без войны и без чумы с наукой было покончено.

Вначале Валентина смотрела на все это с грустью, но без личной тревоги. Муж ее, Борис Королев, предприниматель первой волны, держал в руках процветающий автомобильный бизнес. Деньги, «мерседес», отдых на южных морях всей семьей, с близнецами-дочерьми существовали в ее жизни как должное. Разве что квартира оставалась старая, двухкомнатная, в кооперативном доме. Борис, не чуждый рынка недвижимости, присматривал двухэтажную в Крылатском, близ правительственных особняков, но не успел. Весной прошлого года он был убит у подъезда своего дома.

Валентина ни с кем делилась своим горем. Детей, взяв из колледжа, отправила на дачу вместе со свекром, приставила к ним помощницу. Отключила телефон. Следствию не помогала никак, даже сожгла бумаги и фотографии. Спустя пятнадцать месяцев, в августе этого года открыла собственное рекламное агентство «Каскад».

Помещение для агентства нашлось тут же, в своем институте. Для него подошла бывшая лаборатория в четыре окна на втором этаже близ конференц-зала. После ремонта в ней возникли маленький кабинет с входом из общей комнаты, и рабочее помещение. Его постарались обставить по-офисному, с белыми телефонами и черными столами, факсом, ксероксом, компьютером. Все было новое, лучшее. От светло-серых обоев, кремовых жалюзи, бестеневых световых подвесок в комнате держалось освещение мягкого солнечного полдня, а водопроводный кран и желтая раковина, доставшиеся от лаборатории, вместе с неожиданным удобством вносили в деловую обстановку нотку юмора и смешного бытовизма. В кабинете же, кроме директорского стола, уместились два кожаных зеленых кресла, шкаф и пара стульев. К владениям Валентины отошла и каморка внизу с наружной решеткой на окне, словно нарочно созданная для бухгалтерии «Каскада»; она находилась на первом этаже, возле темной лестницы без перил, соединявшей только два этажа.

Агентство рассчитывало собирать рекламу для «Городской нови», добротной газеты, широко известной и любимой в Москве. В редакции Валентине дали скидку в шестьдесят процентов,

что означало завидную разницу между ценами для будущих клиентов и для самой газеты. Это предполагало неплохие прибыли.

Поначалу сотрудников набралось всего четыре человека. После самой Валентины второй, конечно, была Екатерина Дмитриевна. Месяца два назад она, наконец-то, стала получать пенсию, свои кровные заслуженные деньги, на которые мечтала жить сама и поддерживать детей с внуками, как это делалось в старые добрые времена. Ничтожность суммы потрясла ее. Какой там отдых! Выжить бы! Махнув рукой на старые обиды, она ухватилась за предложение Валентины как за спасательный круг и привычно настроилась на честный добросовестный труд.

Она же привела третьего сотрудника, Юру, выпускника школы, не попавшего в МГУ этим летом. Он был сыном ее соседей по дому, и в глубине души Екатерина Дмитриевна корила себя за болтливое мягкосердечие, но слово не воробей, вылетит — не поймашь, к тому же молодой человек, что называется, пришелся ко двору. Общительный, одаренный в технике, он вместе с Максимом Петровичем, четвертым членом команды, помог приобрести и запустить все офисное оборудование. А Максим Петрович, сорокалетний программист, худой молчаливый холостяк, перешел к ним из редакции по собственному желанию.

Пятой была Агнесса.

Итак, четырнадцатого августа в середине дня Валентина сидела за столом в своем кабинете. Суета с регистрацией, ремонтом и обустройством стоила немалых сил и денег, впереди же была полная неизвестность. Множество прочитанных книг и пособий по рекламе сходились на непредсказуемости рекламного рынка. Это означало, что страха и риска будет предостаточно. Подперев руками красивую голову, Валентина прислушивалась к разговору в общей комнате, глядя на стоящий у стены шкаф с застекленными полками, уже загруженный рекламными справочниками и подшивкой «Городской нови». Левая верхняя полочка с деревянной дверцей была заперта на ключ. Валентина перегнулась через свои бумаги, повернула ключ и заглянула внутрь. Пусто.

— Юра! — окликнула она. — Мы забыли о посуде. Надо бы купить чайный набор и рюмки. Об угощении тоже пора позаботиться.

На эти слова отозвалась Агнесса.

— Если никто не возражает, я куплю торт и чай.

— Купим на казенные все, что нужно, — ответила Валентина, переступая порог. — Идите вместе, вот деньги. Сегодня день рождения нашего агентства, пусть все будет, как у людей.

— Пожалуй, — согласилась Агнесса. Она только что протерла тряпкой свой стол и, любуясь, стояла посреди комнаты. — Замечательно получилось. Разве что стены пустоваты, живинки просят. Две-три картины — и все изменится.

— Картины? — Валентина подняла брови и тут же опустила, чтобы не заламывались морщинки и даже коснулась лба рукою. — Какие картины ты советуешь?

— Эстампы, акварели.

— Дорогое удовольствие, Агнесса, — осторожно заметила Екатерина Дмитриевна.

Она уже ревновала ее к начальству.

— Могу принести свои пейзажи, — предложила Агнесса.

Юра рассмеялся.

— «Стога сена в лунном свете» и «Вид со старой колокольни».

— Юра! — одернула Екатерина Дмитриевна.

Агнесса улыбнулась.

— Может быть. Пошли?

И направилась к двери, стройная, легкая, с узлом каштановых волос, перетянутых тонкой шелковой косынкой

Агнессе Щербатовой Валентина доверяла больше, чем кому-либо из присутствующих. Дружба их имела свою историю. Давным-давно князя Щербатовы владели деревней, откуда происходила вся родня Валентины. В Москве ее предки жили с господами в особняке на Солянке, перестроенном со временем под квартиры; прабабушка Валентины, Ефросинья Никитична, двенадцатилетней девочкой была приставлена к маленькой княжне Насте и ее крошечному братцу для «народного духа». Потом, через двадцать лет, когда возмужавший Георгий оказался в лагерях, то не сестра его, а нянька Фрося ездила к нему в Мордовию. А к бабушке Насте, одинокой строгой женщине, Валечку возили в детстве на именины. Запомнились лепной потолок в ее комнате,

причудливое разноцветное окно и большая картина, висевшая над диваном. На ней были нарисованы три бульдога и обезьяна, играющие в карты; мартышка, обернувшись, смотрела с полотна человеческими глазами и показывала пальчиком на свои карты. Еще запали в душу тяжелые альбомы с фотографиями офицеров в высоких барашковых шапках и красивые портреты «принцесс» в шляпах и кружевных платьях. В юности Валентина приезжала туда уже сама, чтобы вновь и вновь видеть картины, мебель, золотые вензеля на хрустале и фарфоре, разговаривать с умной старухой, и уже встречала там малышку Агнессу. Ее отцом был сын Георгия, поселившегося после фронта этажом ниже. Бабушка Анастасия Романовна была жива и поныне, бодра и ясна головой в свои восемьдесят восемь лет.

— Дзиннь... — на столе Валентины зазвонил телефон.

Люся, бухгалтер, звонила из каморки. Она не могла справиться с новым сейфом, толстостенным ящиком светлого металла с набором хитроумных круговых замков, и просила о помощи. Люся не была знакомой Валентины, за нее ручался сам Алéкс.

— Максим Петрович! — позвала Валентина, — спуститесь вниз, разберитесь с сейфом, пожалуйста. Что-то мы, женщины, не ладим с техникой.

Она сконфуженно улыбнулась, как бы извиняясь за приказной тон. Пра́ва на него она пока не имела, и она понимала это.

— А потом перетащите пальму из конференц-зала, — бойко встряла Екатерина Дмитриевна, но осеклась и вскоре смущенно появилась на пороге кабинета.

— Верно, Валечка? Живая зелень лучше всяких картин, правда же?

Та кивнула. Пенсионерка ушла. В глазах Валентины мелькнула насмешка.

«Несладко быть в подчинении, дорогая Катюша? Так ли ты объяснялась, когда была и.о. завотделом? Как вспомнишь, так вздрогнешь, как говорится... Не забыть дать объявление в газету. С горсткой сотрудников много не наработаешь», — подумала одновременно и записала в календарь-памятку на столе.

Праздничный стол получился пестрым и вкусным. Вино, сыр, маслины, соленая форель, торт. Забыли про вилки, не оказа-

лось штопора. Наконец, с бокалами в руках встали вокруг стола. Валентина взяла слово.

— Дорогие друзья, — сказала она торжественно. — Сегодня открывается наше агентство «Каскад». Легкого хлеба ждать не приходится. В Москве свыше семисот тысяч фирм, но лишь один-два процента готовы дать рекламу. Такова мировая статистика. Кто эти клиенты, как их найти? Сплошной обзвон и быстрая учеба во время работы — вот наши козыри. Выпьем за удачу и талантливое трудолюбие!

— Ура! — закричал Юра.

Голос его гудел, как колокол.

К 1997 году огромное, цветущее дотеле, хозяйство Москвы развалилось почти полностью. Легли на бок заводы и фабрики, опустели научные институты, на улицах появились нищие, бродяги, даже бездомные дети. Такого не видели уже несколько поколений московских жителей. С телеэкранов неслись зажигательные речи новых вождей, а цены росли, доходы уменьшались, и не на что стало купить теплую обувь к зиме, обновку к лету. Люди растерялись. После же прощумевших обманов МММ, Хопра, Гермеса, после того как их зачинатели, глядя в глаза миллионам москвичей, посулили доверчивым людям золотые горы и соблазнили, обманули «малых сих» — население совсем пало духом. Бессовестной болтовней оказывались и обещания депутатов, и обращения президента. Слова *демократия и реформы* стали вызывать отвращение. Ломилось на полках насмешливое заморское изобилие, а горожане, обобранные и брошенные на произвол судьбы, сжимали беспомощные кулаки, грозя кому-то за кремлевскую стену.

Однако не все записались в обиженные. За семь лет окрепло новое поколение. Молодежь, ясноглазая, пробивная, засучив рукава, взялась за дело. Но пошла она не в заводские стены и не в производственные цеха, нет-нет! там оказались редкие единицы, но зато все внимание целиком сместилось в коммерцию. Сотни банков стянули в Москву деньги со всей страны, тысячи обменных пунктов меняли их на доллары, и эти малознакомые зеленые

бумажки с победной мощью утвердились в роли второй платежной единицы. Стремительно обозначилось и невиданное торговое сословие, от разноплеменных базарных челноков, одевших-обувших Россию в турецко-китайский ширпотреб, и до безукоризненно-гладких умельцев на компьютерных и прочих технологических нивах. Палатки, прилавки, зонтики, старушки с сигаретами и дешевым тряпьем опоясали станции метро и другие центры городского многолюдия. Героем дня стал смысленный «новый русский», малый рисковый и беззастенчивый. Это для них, «новых русских», сияли витрины, безумствовала телереклама, крутилась бессонная ночная рулетка, для них же никогда не кончался рабочий день, гремели «разборки», взлетали на воздух дорогие иномарки. Стольких заказных убийств и крови, жадно повторенных всеми каналами, население столицы также не видывало...

На третий день после открытия через порог «Каскада» переступил прилично одетый молодой человек с *дипломатом* в руке. Он прошел к Валентине, плотно затворив за собой дверь. После этого тихо и внятно предложил ей охрану агентства и назвал сумму услуги. Молодой человек был спокоен и доброжелателен, его визит не занял и двух минут.

— Вы будете платить нам каждый месяц, каждую третью пятницу. Если хотите, можем также предложить охрану ваших дочерей. Подумайте, — и ушел.

Валентина похолодела. Посидев в оцепенении, она набрала номер телефона.

— Слушаю, — ответил мягкий баритон.

— Алекс, это я. На меня «наехали».

Он помолчал.

— Больше «не наедут».

— Алекс, они знают дочерей. Я боюсь.

— Я сказал. Успокойся.

Не поверив, она приготовила конверт с деньгами.

Алекс сидел в кресле, удобно положив ноги на выдвижной кожаный пуфик. Он ждал сообщения. В жаркий августовский день в помещении было прохладно, потолочный вентилятор мягко развеивал охлажденную струю внешнего кондиционера. Это не был главный офис. Эту просторную комнату, одну из длинного ряда номеров в прямом коридоре, выстланным голубым ковролином, на двадцать седьмом этаже тридцатиэтажного здания, Алекс, Президент совместной российско-американской Интернет — провайдерской Компании, снимал лично для себя. Для тишины, одиночества, возможности собраться с мыслями. Посетителей здесь не бывало. От незваных гостей охраняли люди в форме, дежурившие у лифта на каждом этаже.

Главный офис Алекса находился в центре Москвы, в четырехэтажном здании, перестроенном из старой школы в соответствии со взглядами современной архитектуры на представительские запросы крупнейших фирм. Эта Компания, плод стремительных десятилетних сверх-усилий его «лицейской» команды, не только прочно стояла на своих ногах, но и переплелась, пронизала, задействовала на себя области народного хозяйства, где требовались современная связь и специалисты мирового класса. А где они не требовались? Подобно живому организму, Компания разрасталась сейчас почти сама по себе, ветвясь, поглощая конкурентов, уже не требуя ни былых сверхусилий, бессонных вложений энергии и ума, ни романтических устремлений изменить мир, которые всегда предстоят первым крупным успехам. Все давно было продумано и отлажено до мелочей. До скуки.

Сегодня, в воскресенье, сидя в своей «келье», и любуясь на закат, Алекс ждал сообщения, далекого от забот его Компании. Краткого и положительного. Полтора года назад он дождался его из далекого сибирского региона, теперь настала очередь подобной же глубинки по соседству с первой.

Было тихо. Час назад по коридору, шумя пылесосом, прошелся уборщик; увидя снаружи двери ключ на брелке, обошел номер 27—19, стал убирать соседние помещения, все удаляясь, удаляясь, и затих совсем. После него стало будто бы еще тише. И пышнее, и пламеннее разгоралось на западе яростное вечернее многоцветие, словно бы... Алекс улыбнулся и потерял русую

бородку... словно бы всемогущий Ярило посмеивался над бесплодным скопидомством энергосберегающего человечества.

Скосив глаза вправо, Алекс щелкнул пальцем по клавише Enter на клавиатуре, чтобы из-под защитной картинки на мониторе, стоящем на особом столике, проявились объекты и началось движение их связей. Эти предприятия, словно ворох спичечных коробков, свалились ему в руки четыре года назад. Что там было? Заводы, шахты, ткацкие фабрики, молочные комбинаты, мазутная перегонка, еще и еще. Через год-другой, с помощью изучения местного *миропостигания* и собственных маркетинговых ухищрений, Алексу удалось опоясать их узами взаимных выгод. Но расцвет самых захолустных из них начался лишь с приходом «своего» губернатора, который враз *ущучил* эти выгоды и придал им новые возможности.

Алекс смеющимся взглядом окинул хоровод на экране. Вот они, эти свежие узоры взаимной любви барыша и власти, вот какие горизонты открываются при властной поддержке!

Следующая *мохнатая рука* должна была помочь их соседям.

Ее-то Алекс и ждал. Далеко за древним Уральским хребтом, выборное воскресенье уже прошло, чернела звездная ночь, подсчет голосов был в разгаре.

Наконец, телефон ожил.

— Шеф? — голос звучал с эхом, как бывает при дальней междугородней связи. — Докладываю: пятьдесят четыре процента голосов в нашу пользу. Даже больше, чем в прошлый раз. Управились за один тур.

— Как прошло?

— Лучше не бывает, Андреич, как по маслу.

— Ясно. Отбой, все свободны. Когда вылетаете?

— Еще разок проверим, дождемся сообщения в центральных СМИ и айда домой.

— Молодцы.

Вскочив, Алекс неслышно заходил по кабинету, смеясь глазами, ударяя кулаком правой руки о ладонь левой.

— О`кей! — тряхонул он обеими кулаками по воздуху, гася порыв, охвативший его от нешуточной удачи, потом, скрестив руки, прислонился в угол, образованный двумя окнами.

Закат разгорелся «во всю Ивановскую». В знойном мареве лежала бескрайняя каменная Москва. Неясно различались сталинские высотки с их шпилями, «вставная челюсть» Арбата, одинокая телевизионная башня, мерцали и подрагивали, будто сквозь толщу воды, золотые купола храмов. Ближе, совсем внизу, по ниточке кольцевой автодороги бежали игрушечные машинки, а в длинном правом окне близко и плоско, точно географическая карта, синело и розовело, отражая небо, Химкинское водохранилище. На нем стояли белые пароходы.

И темнел лесами обширный волнистый горизонт.

Устремив глаза на кромку леса, Алекс забарабанил пальцами по раме.

«И это уже легко, — вздохнул он. — Что же трудно? Что требует ежедневных одолений и сверх-усилий, всей мощи ума и духа?»

Постоял, додумал мысль о том, что легкость жизни есть подобие расслабляющей ловушки для дураков, и набрал номер сотового телефона.

— Второй? Я, Алекс. На нашей улице праздник, слышал, Костя? Опять выиграла с первого раза.

— А я нисколько и не сомневался.

— Почему же?

— Большие деньги не проигрывают, Алекс.

— Большие деньги и большая работа, Константин. Завтра подъедет Грач с ребятами, отметим победу в «Зубре».

— Как водится.

Виктор Селезнев сидел в вагоне метро развалившись, широко расставив колени, устремив глаза прямо перед собой, не видя, не слыша ничего, не замечая даже, как бесцеремонно притиснул в угол дивана скромную пожилую женщину. Он думал о себе. Свершилось. Его, драматического артиста, выгнали из труппы за драку. Вот так, Наташенька, не больше, не меньше.

Что же теперь делать? Куда идти среди общей актерской безработицы? В начале сезона! Проклятье!

Соседка его незаметно исчезла, на ее место плюхнулся молодой человек и, не глядя, подвинул Виктора. Тот словно очнулся от своих мыслей. Посмотрел направо, налево по вагону.

— Люди добрые, помогите беженцам, нехватает на обратный билет... — раздалось в конце его.

Молодой чернявый мужчина, с Кавказа либо Молдавии, с крепко спящим ребенком на руках, начал продвижение по вагону. Два-три человека сунули ему тысячу-другую, сущую мелочь, если учесть, что батон хлеба стоил три тысячи рублей. Другие смотрели с возмущением. В газетах уже мелькали сообщения об этих людях, о том, что родители мажут снотворным губы детей, чтобы те, невольно приняв его, не просыпались от шума и вагонной толчеи. По всему бывшему Союзу разнеслась весть, что в московском метро хорошо подают нищим. И на эту сердобольную жалость, словно мухи на гнилое мясо, слетелись убогие и калеки с юга, запада и востока. В мгновение ока развернулись подпольные сообщества по оргнабору и сбору милостыни, прокату инвалидных колясок и пятнистой полувоенной униформы, все безногие оказались воинами-афганцами, все малые дети — круглыми сиротами, все остальные — приезжими, обобранными на вокзале. В конце концов, истерзанные обилием чужого горя, москвичи перестали вздрагивать, когда раздавалось знакомое «люди добрые», закрывали глаза, сидели в поезде с каменными лицами, из последних сил удерживаясь от добрых порывов. Но не тут-то было! Точно в битве не на живот, а на смерть, им противостояли такие ряды сплоченных обученных попрошаек и нищих, такие мастера наступать *сапогом на слезную железу*, что хочешь-не хочешь, а раз-другой в день каждый москвич отстегивал таки из кармана свои кровные.

«Что же мне делать? — Виктор проводил глазами выходящего «профессионала», на смену которому в другую дверь уже вкатывался на коляске следующий. — Своих денег хватит месяца на три, а дальше?» — он скосил глаза в газету, которую развернул сосед.

Сам он терпеть не мог, когда паслись в его чтиве, но эти две строчки словно сами прыгнули ему в глаза. «Рекламное агентство приглашает сотрудников» и телефон.

«Уж не податься ли мне в агенты?» — усмехнулся Виктор.

В свои пятьдесят семь лет Викентий Матвеевич Королев был сед, румян и здоров на загляденье. Будучи чемпионом района по метанию копья, он возглавлял спортивное движение в округе, проводил занятия на стадионе и даже подрабатывал в спортивном совете судьей на соревнованиях и районных спортивных встречах. В юности он защитил диплом экономиста-промышленника и долгое время работал в одном закрытом Управлении, где разрабатывались средства безопасности личного состава внутренних войск. Последней их разработкой, которую удалось внедрить в производство, были электрошоковые полицейские дубинки. Конверсия положила конец и Управлению, и его службе, а упомянутые дубинки, в опасении, что первыми их заполучат как раз те, против кого они назначались, отправились на дальние охраняемые склады. Теперь он числился в безработных, исправно отмечался на бирже и года через два, а то и раньше, рассчитывал получить пенсию. Пока же в его обязанности входила помощь Валентине в воспитании детей.

Однако дни и мысли его, наравне с домашними и спортивными хлопотами, заполняло совсем другое. Его страстью стала политика. После всех потрясений, после смерти жены и сына, она утешительно накрыла его с головой. Конечно, не та, которую осуществляют на дипломатических приемах премьеры и депутаты, но та, что отражается на таблицах и графиках валютных курсов и фондовых котировок. Для сведущих людей разноцветные кривые и колонки цифр говорят красноречивее всяких слов. Ни одно политическое, экономическое, финансовое издание — газеты, журнала, монографии — не прошли мимо его азартного карандаша. Вместе с Семеном Семеновичем, отставным майором из соседнего дома, они обсуждали мировые события, словно смотрели многосерийный приключенческий фильм с продолже-

нием каждый божий день. О, политика, политика, живейшая из материй, узел пересечений всех страстей человеческих! Для Викентия Матвеевича она стала мозговым центром и главным интересом жизни.

Семен Семенович был человеком резковатым, выдерживать его суждения да и просто общаться с ним было нелегко. Он исповедовал державность, единоличную власть и могущественное государство. Развал великой Родины потряс и сокрушил неколебимые основы его офицерского мировоззрения, он скорбел душой и не прощал этого ни президенту, ни депутатам. Ни в какие политические объединения не входил, с гневом наблюдая распри и «словоблудие» внутри Госдумы, и все присматривался, и прислушивался в ожидании «сильной руки».

«Если ты не занимаешься политикой — политика займется тобой!» — эта изящная французская мудрость неожиданным образом вместила все, чему поклонялись друзья, и во славу чего совершались ими многочасовые прогулки по скверу, вокруг всех прудов с плакучими ивами, с ныряющими бронзовато-розовыми утками, которыми славился их северный округ. И рассуждали, рассуждали, снисходительно посматривая на обывателей.

Когда же Валентина занялась бизнесом, Викентию Матвеевичу приоткрылся новый смысл его трудов. Он еще пригодится, мужчина в доме, своему семейству и ей, сверхзанятой в своем агентстве, он еще скажет решающее слово и спасет их в нужную минуту!

Каждый день к восьми часам Валентина приезжала на работу.

Что объединяет усилия сотрудников, заставляет возвращаться колесики производства, особенно в самом начале? Воля руководителя. Нет слов, возможность заработать на жизнь, уцелеть в трудные времена есть главная самодвижущая сила, и все же стрела, летящая в цель — это направляющий посыл от директора. Если всегда открытой будет дверь ее кабинета, это настроит сотрудников на рабочий лад, если условия оплаты и состояние дел будут прозрачны для понимания, это взрастит доверие между

членами команды и сплотит всех в дружную семью единомышленников. Другим ключом к успеху, по ее мнению, поначалу считалась учеба. Как научный работник, Валентина знала цену информации. Библиотечка по рекламному менеджменту, собранная заранее, была доступна для всех и пополнялась самими сотрудниками, кроме того, еженедельно проводились обсуждения и деловые игры. Однако, испытав все, что предлагают зарубежные обзоры, пособия и курсы, даже посидев разок-другой на их лекциях, она с сожалением убедилась, что на российской почве чужие овощи не растут. Мировым капитализмом за сто пятьдесят лет его существования были пройдены такие стадии и периоды, и наработаны такие правила и приемы собственного развития и выживания, о которых не прочтешь ни в одном научном труде. Почему? Да потому, что, подобно семейным устоям, они давно слились с общественным бытием и сознанием. Ими пользовались с младых ногтей, «по умолчанию». А мы ... а у нас ... ломаных-переломанных... что там говорить! Вот почему русскому человеку приходится исхитряться и применяться к тому, что досталось в наследство от нашихстроек и перестроек, сдвигов и подвижек, измышляя собственные ухватки, давно обретенные мировым опытом.

Прошла неделя и началась другая. Сделок не было. Становилось не по себе. Страх задувал в душу колючей вьюгой.

— Спокойно, — держалась Валентина. — Все в порядке. Идет первичное освоение материала. Работаем дальше.

Непрошенная «крыша» больше не появлялась, напрасно ждал ее синий конверт с деньгами. Хоть здесь просвет!

Вторым после нее организующим началом оказалась Екатерина Дмитриевна. Она приходила чуть позже, в половине десятого утра, и обзванивала за день до двухсот фирм. Кто-то отказывался сразу, кто-то обещал через неделю, с кем-то она уже встречалась и провела переговоры, и так день за днем. По ее впечатлениям, договор назревал. Взаялся за дело и ее муж, пенсионер-одуванчик, стал выискивать номера телефонов где попало, на столбах и заборах, и звонить, звонить, предлагая рекламу в газету «Городская новь». Его увлекал сам процесс. Старичка так разнеживали приветливые голоса секретарш, что он, не выходя дома,

целыми днями любезничал с молодыми женщинами для собственного удовольствия.

Юра же поначалу хватался за самые крупные, заметные холдинги и корпорации. У него были ясные мужские мозги. Он быстро разобрался и бросил автомобильные салоны, шведские и японские компьютерные компании, выяснил, что, во-первых, их обслуживают иностранные агентства мирового класса, и, во-вторых, читатели «Городской нови» для них — слишком мелкая сошка, чтобы тратить на них скупые рекламные деньги. Там предпочитали красочные фотошедевры в дорогих глянцевых журналах или целые газетные полосы в солидных финансовых изданиях. С удивлением открыл для себя Юра, что бизнес сам по себе достаточно суховат, что он трудится и добивается успехов точным расчетом, когда, в идеале, сложный робот достигает успеха, как говориться, от батарейки. Не то человек. С его жаждой и отчаянием он шарахает в «дело» всю энергосистему, словно фанат на стадионе, и превращает бизнес в азартную опустошительную игру. Осознав все это, Юра, современный молодой человек, перекрыл лишние расходы в своей душе, был ровен, весел и слегка отстранен.

Работал Юра напористо, гулкий голос его заглушал все звуки в комнате.

— Юра, потише! Ты не один, — хваталась за виски Екатерина Дмитриевна.

— Я не виноват, что у меня такой голос!

— Все равно тише.

Три раза в неделю в агентстве сидела Агнесса. И тоже звонила, звонила.

— Добрый день, — говорила она теплым мягким голосом, — вас приветствует газета «Городская новь». Мы готовы разместить рекламу вашей фирмы на очень выгодных условиях... Не желаете? Очень жаль. Всего наилучшего... — и сдвигала цветную полосочку на своем списке на строчку ниже, вновь набирая номер телефона. — Добрый день! Вас приветствует газета «Городская новь»...

— Не могу, — откинулась она как-то после сотого повтора. — Душа не выдерживает.

Екатерина Дмитриевна сочувственно откликнулась на этот вздох.

— Ах, Агнесса, как я вас понимаю! Словно в далекой юности, я вновь звоню мужчинам сама и вновь получаю сердечные раны. «Нет, нет, нет». Хоть плачь! В каждом звонке обманутая надежда.

Юра стоял в углу возле своего телефона и разминался после двухчасового сидения на стуле.

— Да что вы говорите, уважаемая Екатерина Дмитриевна? Неужели? — загудел он. — Раны юности... как это трогательно! Да при чем тут ваши надежды и переживания? Это бизнес, а не тропа любви. Узнайте сначала, кому мы интересны со своими предложениями, потом уж надейтесь. Нащупаем жилу, тогда и намоем золотого песочку.

— Тебе не страшно, когда ты звонишь? Вдруг откажут, вдруг пригласят? — улыбнулась Агнесса.

— Мне это в кайф, в удовольствие. Я с ними как пинг-понг играю. Да-нет, да-нет. То с девочками, то с ребятами.

Услыша разговор, из кабинета появилась Валентина. Она была в светлом полотняном платье с цветными золотистыми пуговичками, на клапане нагрудного карманчика виднелся лейбл французской фирмы. Она тоже звонила по телефону целыми днями.

— Верно, Юра, — присоединилась она к его словам. — Вначале нужно освоить рынок. Мы — продавцы рекламной площади, а сколько народу пройдет мимо, пока найдется покупатель!

— Они не продавцы, они «с`овечки». Им страшно, — засмеялся Юра.

— Вон он как с нами! — с тенью обиды заметила Екатерина Дмитриевна. — Молод еще так разговаривать.

— Он прав, Екатерина Дмитриевна. Нынче такие времена, что возраст уже не преимущество, если не научился делать деньги, — вновь согласилась с ним Валентина. — Нам всем надо измениться, чтобы преуспеть в нашем деле. Деньги платят за результат, а не за переживания.

Агнесса откачнулась назад вместе со спинкой стула.

— «Кто хочет только деньги, только деньги и имеет». Или не имеет. А я хочу понять. Что есть реклама? Чара, обольщение? Пока я вижу только нахальство и корысть. Поразить, перекричать, запасть в душу!

На эти слова насмешливо сузила глаза Валентина, и Екатерина Дмитриевна боязливо замерла, ожидая грозы.

— А этот ухмыляющийся мир вещей... — продолжала Агнесса. — Бедный человек! Против него — вся мощь производства, науки, даже искусства. Продать, всучить, заставить думать по-своему! Вот отчего страшно.

Валентина бессознательно уперла ладонями в бока.

— С таким настроением ты никогда ничего не продашь, дорогая, — с высоты своего роста посмотрела она. — Хорошо, давай разбираться. Человечество живет трудом своих рук, мозгов и талантов. Так? И трудится неустанно... И вот кто-то что-то открыл, произвел, придумал, нашел. Так? И что? Как об этом узнать тем, кто заинтересован? Ты не понимаешь, что такое реклама? Отвечаю. Это оповещение о результатах своей деятельности. Наглядное, быстрое, исчерпывающее. Разумеется, оно не лишено корысти и разных завитушек, потому что это реклама, а не научное сообщение. Согласна? Мы все играем на деловом поле. И ты не милостыню просишь, а делаешь клиенту заманчивое предложение для его же собственного блага. Его, его блага, поняла? Для расцвета его дела, — она повеселела от убедительности своих доказательств и рассмеялась. — Кто его, занюханного, приветит, если не мы? Кому он нужен со своими поделками? А мы его разрисуем, раскрасим, надушим и преподнесем покупателю. Так и настройся. Весело, уверенно, с улыбкой! А пока у нас в душах сомнение да нищенское заискивание — ничего не получится. Ничего! Менять себя надо, на ходу, на марше, учиться торговать и торговаться. Нас этому не учили, да делать-то нечего. Посмотри, как Якубович торгуется у себя на «Поле чудес»! Пальчики оближешь. В общем, я уверена, что с этой мелочевкой мы справимся. Так ведь, друзья мои хорошие?

— Пожалуй, — примирительно улыбнулась Агнесса. — Рекламный бизнес как часть общечеловеческой деятельности и культуры.

— Как часть информации, — загудел Юра юношеским басом. — Любой живой организм — это узел получения и обработки ежемгновенных потоков информации. Иначе он не сможет принять решение. Температура, давление, свет, звук, химия...

Валентина опять поддержала юношу.

— Юра прав. А ты, Агнесса, дорогая, будь попроще. Здесь не нужны эти высоты.

Агнесса качнула головой.

— Невозможно, Валя. Русскому человеку нельзя без высшей идеи. С чем я выхожу к людям, к жизни: с протянутой рукой или с сотрудничеством? Ты права, да, оповещение... Назойливое, бестактное, к сожалению. Но высшее выражение рекламы — это *весть*! Вот уровень. Да, пожалуй. Можно работать.

— Уж и весть! — хмыкнул Юра. — «Покупайте таблетки «траматол!»

Агнесса улыбнулась. Зато Екатерина Дмитриевна осуждающе покачала головой.

— Для кого как, Юрочка, смотря по обстоятельствам. Если у кого ребеночек болен, и вдруг появляется лекарство... как же не весть? Еще какая благая...

При этих словах ресницы Агнессы дрогнули. Валентина, кинув на нее взгляд, ушла к себе.

Единственным, кто не принимал участия в разговоре, был Максим Петрович. Настоящей работы, ввиду отсутствия рекламных заказов, у него еще не было, он оформлял на компьютере бланки договоров и служебные письма, множил и складывал стопками на полке. Он был молчуном, но легким, таким, чье молчание никого не угнетало.

Наконец, чудо первой сделки произошло. Екатерина Дмитриевна заключила маленький договорчик на рекламку о продаже кондиционеров, всего на восемь строк общей стоимостью в двести долларов или на миллион двести тысяч рублей, считая по безбожному курсу в шесть тысяч рублей за один доллар. Вскоре у нее же случилась и вторая сделочка, не более первой, и пошло-поехало, пять мелких, но оплаченных заказов за неделю. Валентина платила двенадцать процентов от всей суммы, и этот миллион рублей, втрое превышавший пенсию, да к тому же полу-

ченный за работу, которой она нигде не училась, даже испугал женщину. С деньгами в кармане Екатерина Дмитриевна вышла из своей станции метро и прогулялась по универсаму, расположенному поблизости. Она всматривалась в сыры и колбасы, не те, что подешевле, как нынче выбирают пенсионеры, но те, которых хотелось именно ей, шедшей вдоль прилавков с мокрыми глазами. В топком унижении пенсионерства она, наконец-то, нащупала под ногами твердое дно.

Затем отличился Юра. Его удача была крупнее. Клиент сам пришел в агентство знакомиться, недоверчиво осмотрелся по сторонам, увидел чистоту, столы с телефонами, картины на стенах, пообщался с сотрудниками, послушал, как они разговаривают, и подписал договор на пятнадцать миллионов рублей с тем, чтобы его реклама выходила каждую неделю вплоть до Нового года. Речь шла об удивительном штанген-циркуле, инструменте небывалой точности, который делала бригада мастеров-золотые руки на остановившемся заводе. Он расплатился наличными и ушел, а Валентина принялась суеверно обмахивать деньгами углы и столы своего агентства.

— На счастье, на счастье...

Среди восьми человек, пришедших по объявлению, Валентине понравились двое. Виктор Селезнев, рослый красавец с почти сросшимися темными бровями, и румяная Александра, рыжекудрая девушка лет двадцати, уроженка подмосковной Тайнинки. В ней угадывалась терпеливая крестьянская сила.

Одетая в новое и модное, Валентина уверенно двигалась перед собравшимися в передних рядах конференц-зала. Она вполне усвоила себе тон хозяйки, отбросила порывы благотворительности и за свои лекции тоже брала деньги, не облагаемые налогом, сорок долларов с человека.

— Познакомимся, господа, меня зовут Валентина Сергеевна. Я генеральный директор рекламного агентства «Каскад». Мы продаем рекламные площади для газеты «Городская новь». От некрасивого слова «агент» мы отказались, наши сотрудники величаются «советниками». Итак.

Это был первый набор со стороны, просто по газетному объявлению в «Городской нови». Валентине хотелось проверить привлекательность подобных приглашений, а заодно и отдачу от газеты, на которую они трудились. Сработало удовлетворительно.

— В деловой Москве, — продолжала она, — помещаются почти миллион различных фирм. Целое море. Ваша задача — научиться в нем плавать и ловить свое счастье, — она ободряюще улыбнулась. — Совет первый: прежде чем набрать номер телефона, улыбнитесь и весь разговор ведите приветливо, с напором, сразу настаивая на общении именно с директором или президентом, потому что на этом уровне дела решаются сразу и почти всегда положительно, тогда как на всех остальных просто болтают.

Шурочка, Александра, смотрела на нее во все глаза. Ах, как соскучилась она по таким платьям, туфлям на узорном каблуке, по дорогой, и поэтому чуть заметной косметике! А шарфик с кистями!... Вокруг уныние и безнадежность, а здесь бодрость и ни тени сомнения! Шурочка окончила книготорговый техникум, постояла за прилавком в Мытищах, но бросила и вернулась к семейному делу, выращиванию на продажу цветов и овощей. Сейчас, когда остался позади огородный сезон, она решила пойти на заработки.

Слушали внимательно, Валентина могла быть довольной. По лицам, глазам, по обносившейся одежде угадывались люди, давно потерявшие работу, отчаявшиеся и разочаровавшиеся.

— Совет второй: на переговорах умейте настроить и направить внимание клиента в нужное русло, к договору, к оплате. Войдя в кабинет, найдите, что похвалить: убранство, вид из окна, хоть стул, на котором сидите! Ах, мол, как удобно и приятно у вас!

Все засмеялись.

— Хвалите, хвалите, — с оживлением повторила она, — время трудное, у всех голод на ласку. Но не пережимайте, спрашивайте о его фирме, слушайте, кивайте. Директора обожают свои предприятия, они готовы выложить нам все свои проблемы, которые с готовностью решим мы, люди из рекламы. И вообще, имейте в виду, что человек постоянно колеблется от уверенности

к неуверенности, и неощутимо ищет опору. На это и ловите. Советуйте, настораживайте.

Скрестив на груди руки, Виктор смотрел на Валентину. Что за бред несет эта красавица? При чем тут дешевые ужимки? Разве так делаются деньги? И кто она, эта женщина? Обворожительная хищница рекламного бизнеса или вдохновенная весталка от рекламы? Чуткое артистическое ухо улавливало все переливы нежности, вкрадчивости, твердости, все недомолвки и умолчания. «Паузы не удаются», — улыбнулся он. Кто же она? Вот если бы с ней сойтись — о деньгах можно не беспокоиться... А деньгами здесь определенно пахнет».

— Ваши прошлые беды позади, — успокоительно журчали ласковые слова, — теперь все зависит от вас самих. Через три недели вы себя не узнаете, а через три месяца клиенты сами будут умолять вас принять от них деньги! Не верите? Напрасно. Вопросы есть?

— Есть, — негромко произнес Виктор. — Сколько можно иметь в месяц?

— Сколько заработаете, все в ваших руках.

Виктор добавил металла в голос.

— Точнее?

Валентина улыбнулась. Хорош! Побольше бы таких, жадных, агрессивных! Уж этот вытрясет из клиента всю душу вместе с деньгами!

— Точнее? — повторила она. — Две штуки баксов годится?

Серые глаза ее посмотрели весело и вызывающе.

— Годится, — усмехнулся он, давая понять, что оценил ее переход на современный молодежный язык.

Шурочка недоуменно похлопала ресницами.

— А зарплата у меня какая будет? — спросила она.

— Зарплата? — в тон ей ответила Валентина. — Никакой. Двенадцать процентов от суммы договора. В других агентствах дают семь-восемь процентов, решайте сами.

И в заключение добавила небрежно, раз и навсегда убирая пустые мечтания и недомолвки.

— Господа! Должна вас предупредить: не нравится — никто не держит, выбор у нас есть всегда. Надеюсь, это понятно. До завтра.

После ее ухода восемь человек медленно спустились по лестнице.

— Какое впечатление? какие мысли? — поинтересовался кто-то.

— Мягко стелет, да жестко спать...

— Дураков ищут.

— Надо попробовать, — Виктор задумчиво шагнул в вестибюль. — Не пропадать же деньгам.

— Конечно, — поддержала Шурочка. — Нам же сказали, что можно много заработать.

— Туфта все это. На работу не оформляют, стаж не начисляют, ни за что не отвечают. А вдруг не получится? Кто оплатит потерянное время?

— Риск невелик. Все к лучшему, никаких следов, — почему-то рассудил Виктор.

На следующий день в конференц-зал пришли только Шурочка и Виктор Селезнев.

— Вот и славно. Вас-то я и заприметила, — добродушно встретила их Валентина. — Пойдемте.

Она привела их в общую комнату.

— Знакомьтесь, это наши новые сотрудники. Виктор...

— ...Селезнев. Вы меня не знаете, но вы меня еще узнаете, — представился он.

— ... и Александра, Шурочка.

— Здравствуйте, — вежливо сказала та.

— Садитесь за свободные столы и слушайте, как разговаривают по телефону наши советники. Каждый из них уже нащупал свою нишу, ищите и вы. На столичном рекламном рынке для «Городской нови» могут одновременно топтаться хоть сто человек, и все будут сыты.

Виктор сел подальше от компьютера, позади Агнессы. Шурочка опустилась возле телефона между Юрой и Екатериной Дмитриевной. Посмотрев на списки телефонов на их столах, Шурочка осторожно поднялась и на цыпочках прошла в кабинет.

— Валентина Сергеевна, а где взять такие списки?

Та мягко улыбнулась.

— Нигде. Базу данных, то-есть названия фирм и номера телефонов, каждый находит, где может. Хоть в газете Экстра-М, вон на полке. Там же ознакомьтесь с бланками договоров, поучитесь их заполнять. Все будет хорошо, сейчас самый рекламный сезон.

— Я все должна делать сама? — на шурочкином лице отразилось недоумение.

Валентина посмотрела на нее с интересом.

— А как же, дитя мое? В том-то и прелесть нашей работы.

Двигая плечами, Шурочка вышла.

Виктор тоже поднялся с места, прошелся по мягкому ковровому полу.

— Ну и как здесь с доходами? — приглушенно спросил он, обращаясь больше к мужчинам, к Юре. — В самом деле, две тысячи баксов?

Юра рассмеялся.

— Теоретически, если крупно повезет. Но триста, пятьсот — достижимо.

— Не густо.

— А ты как думал?

— Это уже неважно.

— Мы — пролетарии от рекламы, — Юра поднял руки и сладостно потянулся, рывочками в каждую сторону. — Весь день на телефоне или в поездке, или на переговорах.

Виктор посмотрел на него с усмешкой.

— Согласно древне-римскому праву, пролетарии — это люди, живущие за счет государства, и не способные ни к чему, кроме воспроизведения себе подобных.

— Гм... — Юра не нашелся с ответом.

Виктор подошел к окну, дернул за шнурок и жалюзи разошлись, как занавес. Дернул на соседний шнурок, планки сошлись вновь. Екатерина Дмитриевна приветливо посмотрела на него.

— Вы — ученый, Виктор?

— Я драматический артист театра «Белая звезда». Временно не у дел.

— Очень приятно. Здесь собралось прекрасное общество. Агнесса у нас художник, я кандидат наук, Юра готовится в МГУ. Только в сложное историческое время можно очутиться в такой компании.

— В сталинской тюрьме вообще академики сидели, — пренебрежительно пожал плечами Виктор.

— Ну, при чем тут, — смутилась пенсионерка. — Сейчас все по-другому, все можно, достижимо, — зуд назидания не давал ей покоя. — Хочешь, иди в бизнес, хочешь ...

— ... не иди в бизнес, — продолжил, смеясь, Юра.

Она тоже засмеялась, но мысль свою не упустила.

— Сейчас время очень сложное, но исторически, повторяю, очень интересное. Вы — человек молодой, умный, у вас дело пойдет, сразу видно.

— А я и не сомневаюсь, конечно, пойдет, — понимающим тоном ответил Виктор, — как у любого мыслящего человека. Как у того мудреца из старой притчи на новый лад.

— Какой притчи? Расскажите.

Виктор обвел взглядом «зрительный зал».

— Всем интересно? — это было бы его входным билетом.

Все смотрели на него.

— Давай, давай, слушаем.

Он вновь прошелся по серому ковровому покрытию, сложил на груди руки и полуприсел на свой стол. С черной косичкой на затылке, в ботинках с металлическими шпорами и красной рубашке он напоминал пирата из американского фильма

— Значит, так. Жил-был один мыслитель. Погруженный в глубокие думы, далекий от земной суеты, жил он в своей лачуге с семьей бедно и скудно. Окружающие уважали его за ум, за безусловную честность, но за его спиной пожимали плечами и стучали пальцем по лбу. Жена его без конца корила мужа за нищету, в которой росли их дети. Наконец, ему это надоело.

— Хорошо, — сказал он. — В течение пяти лет я займусь тем, что вы называете «делом» и покажу всем, что живу так не потому, что ни к чему не способен, а потому, что мне безразличны ваши игрушки.

Сказано-сделано. Весь огромный, искушенный в размышлениях ум он развернул в сторону какого-то «бизнеса», отследил все связи, причины и следствия, нашел людей... Дело расцвело, семья разбогатела, соотечественники избрали его почетным гражданином. Прошло пять лет. Во главе семейного предприятия встали подросшие сыновья, а сам мудрец, верный слову, вернулся к уединенным занятиям в тишине собственной библиотеки в глубине сада, убедившись, как просты и мелки дела земные в сравнении с высоким строем его дум. Вот такая притча.

Виктор умолк, наслаждаясь впечатлением. Достал сигарету, постучал ею о пачку, нашарил в кармане зажигалку.

— Хорошая притча, — проговорила Екатерина Дмитриевна. — Как раз для нашего времени. Но тогда-то, наверное, легче было.

— Почему? Пулеметов не было? — рассмеялся Юра.

Екатерина Дмитриевна, не обижаясь, махнула рукой. Виктор с улыбкой наблюдал за ними.

— Свое «дело» раскрутить всегда нелегко, — продолжал Юра. — Для этого нужна смелость, самодостаточность, умение находить независимые решения.

— Наверное. Молодые сейчас всегда правы, — согласилась Екатерина Дмитриевна, чтобы не вступать в новые споры.

Неожиданно для всех подала голосок и рыженькая красотка Шурочка, сидевшая за Юрой.

— Молодец какой, мужчина этот. И свое доказал, и рот всем заткнул! — робея, отозвалась она. — Интересно, что у него в саду росло?

Юра оглянулся на нее и больше уже не отворачивался, развернув стул боком между их столами.

— Какие еще соображения? Кому еще понравился наш герой? — спросил польщенный успехом Виктор.

— Трудно сказать, — мягко улыбнулась Агнесса. — Никто никогда не узнает, что потеряло человечество за те пять лет, что ум мыслителя занимал себя бизнесом.

Максим Петрович взглянул на нее и молча кивнул головой.

— Bravo! — вскричал рассказчик и похлопал в ладоши. — Такого я еще не слышал, вы первая. Какие еще мнения?

Мнений не было.

И тут Валентина, слушавшая его из своего кабинета, вышла из-за стола и прислонилась к дверному косяку, скрестив на груди руки. Виктор невольно окинул ее с ног до головы и снова поразился ее статному властному облику.

— Удивительно не то, что ему все удалось, а то, что он смог уйти, — заговорила она, привычно размышляя над словами. — Невозможно оборвать процветающий бизнес, бросить, передать в другие руки. Успешный бизнес становится смыслом жизни, верно? Вы и сами знаете это, у большинства уже были прекрасные договоры и хорошие деньги. Ведь так, друзья мои?

— Так, Валечка, так, — поддержала Екатерина Дмитриевна.

— Тоже необычное замечание, — проговорил Виктор, глядя ей в глаза.

Валентина молча повернулась к нему спиной, скрылась в кабинете, подкрасилась и уехала на встречу с очередным клиентом.

Виктор тоже направился к двери.

— Покурить никто не хочет?

Желающих не нашлось. Он вышел в коридор.

Екатерина Дмитриевна обернулась к Агнессе.

— Вот и второй философ появился, подстать вам, Агнесса.

Улыбнувшись в ответ, Агнесса сдвинула цветную полоску на своих бумагах и набрала телефонный номер. Зато недоуменно выпрямилась Шурочка. Как это? Разве не с нею пришел Виктор, разве не она самая молодая и красивая в комнате? Все права у нее, Александры, при чем тут какая-то Агнесса?

В коридоре Виктор прошелся из конца в конец мимо открытых и закрытых дверей, прочитал вывески, сунул голову в пустой конференц-зал, вернулся и вдруг заметил темную лестницу без перил, ведущую вниз. Он стал спускаться. На нижнем этаже было полутемно, отдаленно светлел выход в вестибюль, тупичок был захламлен и запущен, в торце его тускло отсвечивала железная дверь. Под лестничным уклоном он различил табурет и множество окурков. Понятно. Он опустил на табурет, чиркнул зажигалкой, но тут же пригасил ее.

Потому что в это время из вестибюля по коридору слышались шаги. И какие! Виктор замер. Будто сторожевой пес, он вытянул шею, потом неслышно отступил в полную темноту. Он слишком хорошо разобрался в походке, чтобы не принять эти меры. Еще в школе он мог идти за человеком, вживаясь в особенности его шарканий, покачиваний, подскакиваний, и в училище, и в театре не было равных ему по выразительной поступи его героев. Походка приближающегося человека говорила о тюрьме, о веском положении, *авторитете* того, кому принадлежала!

Человек прошел мимо него к запертой двери и тихонько постучал. Тук, тук-тук.

— Открой, это Грач!

Дверь отворилась. Мужчина взял или отдал нечто заранее приготовленное, и отправился обратно к выходу.

Виктор стоял неподвижно. Как только незнакомец пересек вестибюль, он покинул свое убежище и помчался по коридору. Едва хлопнула входная дверь, Виктор очутился у окна. Мужчина как раз огибал клумбу прежде чем свернуть направо в переулок. Глаза его, прищуренные, «восточно-русские», скользнули по фасаду. Виктор отпрянул.

Впустую работала пока одна Агнесса. Но это не угнетало ее. Представив однажды напряженную работу земного человечества и свое место в ней, она нашла свое осознание, и это изменило ее голос на легкий и приятный.

— Добрый день. Газета «Городская новь» рада приветствовать вас... — повторяла она.

И вдруг...

— Приезжайте, это интересно. Можете напечатать к юбилею Москвы статью о нашем Управлении?

— Какой объем вас интересует?

— Полстраницы.

Агнесса едва не ахнула. Полстраницы! Но статья, да заказная... как это согласуется с журналистской этикой? Допустимо ли это? Она пошла к Валентине. Та посмотрела на нее, как на сумасшедшую.

— Езжай, не раздумывая! Пять тысяч долларов! Я сделаю все, чтобы статья увидела свет!

— Но если они, допустим, отравляют реку своими отходами, а мы их расхваливаем... ?

— Агнесса, прекрати! — Валентина потеряла терпение. — Если строители хотят отрапортовать Москве о своих успехах за восемьсот пятьдесят лет — это их право! Тем более за деньги! Езжай сейчас же, пока зовут. Если будут сложности, позвони мне сюда или на мобильный. Удачи!

Волнуясь, Агнесса взяла с полки бланки договоров, калькулятор, листок с ценами на рекламу — прайс, как почему-то называли его, и закрыла за собой дверь. Спустилась в вестибюль, вышла, обогнула круглую, заросшую травой, клумбу и по левой стороне переулка вдоль бетонного забора направилась к перекрестку. Ранне-сентябрьская жара сменилась прохладой, дул встречный ветер, дождевые тучи темнели над крышами домов.

Агнесса шел двадцать шестой год. Стройная, с прекрасным выражением лица, «породой», столь редкостной в наше время, она без слов располагала к себе, а речь и улыбка лишь дополняли прекрасное впечатление. Выпускница Строгановки, она считалась знатоком старинного народного костюма, умела шить и расшивать узорами, бисером, речным жемчугом, знала ручное ткачество и крашение, но, главное, в поездках по Руси и в архивах она собрала подлинные образцы и могла воссоздавать женские «справы» разных областей — сарафаны, рубахи, паневы, душегреи. Научная ценность этих работ привлекла внимание «Народного музея», где Агнесса была своим человеком, и который изредка покупал ее изделия. Деньги были скудные и почти не оправдывали ни сил, ни времени. Мало кто мог заметить грусть в глазах молодой женщины. Ребенок Агнессы был тяжело болен, и в облике ее уже проступала покорная горестная складка.

В метро было немногочленно. Возле нее сидела молодая мама с дочкой и тихонько читала сказку «Кошкин дом». Внезапно в вагоне погас свет. Женщина замолчала.

— Мама, — спросила девочка, — а кошки видят в темноте?

— Видят.

— А читать могут?

Агнесса рассмеялась. С теплой душой поднялась наверх.

Управление, куда она приехала, помещалось в самом центре Москвы, в Большом Златоустинском переулке. Вход был отделан мрамором, внутри помещения, переделанного из старого жилого дома, все отвечало взыскательной художественности. На стенах широкого коридора висели живописные «портреты» церквей, зданий, мостов, инженерных сооружений, возведенных строителями этого Управления. Все говорило о том, что дела здесь идут неплохо, что здесь ценят хорошую работу и понимают свой вклад в московское градостроительство.

В кабинете начальника Управления, куда Агнессу провела молодая, деловая до кончиков пальцев, женщина-секретарь, сидели трое мужчин. Двое из них разместились в ближнем конце длинного стола для совещаний, из-за другого, дальнего директорского стола, поставленного поперек этого длинного, поднялся навстречу ей сам начальник. Все мужчины были крепкими, загорелыми и веселыми. Их смех она услышала еще в коридоре. Газета «Городская новь» лежала перед ними.

— Располагайтесь, — пригласил начальник. — Чай, кофе?

— Чай, — она свободно опустилась на массивный деревянный стул.

Он кивнул с одобрением.

— Мы рассмотрели предложение вашей газеты и решили не скромничать, — напористо заговорил директор. — Наши строители потрудились для столицы, как мало кто в городе. Слышали про кольцевую автодорогу? Мировой уровень строительства! А мосты! А Манежная площадь! Вот и пусть знает Москва своих героев. Вот они сидят перед вами. Берите у них интервью хоть сейчас и сразу печатайте.

Агнесса отставила чашку.

— Следует прояснить одну неточность. Я не журналистка, и здесь для того, чтобы подписать с вами договор. Журналист придет к вам только после оплаты суммы договора, — она развела руками. — Такой порядок. Какой объем вам подойдет?

Мужчины весело переглянулись.

— Не вышло, Иваныч, газета хитрее нас.

Агнесса молча смотрела на них. Неужели эти веселые люди, работяги-герои, хотели обвести ее вокруг пальца? Неужели они рассчитывали на бесплатную публикацию?

— Не расстраивайтесь, они шутят, — успокоил ее начальник. — Привыкли, понимаешь... Сколько стоит вся страница?

— Десять тысяч долларов.

Они снова переглянулись, быстро и деловито поговорили между собой, не переставая смеяться, и вновь обратились к ней.

— Заполняйте договор. Но, чур, это будет наша страница, с фотографиями и биографиями лучших людей, с поздравлением и обращением к руководству, правительству. Договорились? Гулять, так гулять! Через год сдадим кольцевую дорогу, лучшую в стране, тогда опять приходите. Да! — он отодвинул ящик стола и бросил ей синюю тонкую книжечку. — Это телефоны всех подразделений нашего Управления. Звоните и предлагайте такие статьи всем от моего имени, пусть не жадничают, юбилей города не каждый день бывает.

Он подписал оба экземпляра договора, привстал и протянул ей крепкую руку.

— Печать в бухгалтерии. Всего наилучшего. Рад был познакомиться.

В агентство Агнесса вернулась бледная от волнения, отдала договор и уехала домой. На следующий день по факсу пришла платежка, к концу недели на счет в банке поступили деньги, шестьдесят миллионов рублей. Двенадцать процентов из них Агнесса получила на руки, семь миллионов рублей или более тысячи долларов.

Валентина могла торжествовать. «Процесс пошел».

В этом сентябре «День города» праздновался вместе с 850-летием Москвы. Праздник собрал на улицах невиданные тысячи народа. Такого давно не было. Еще бы! Шествия, представления, клоунады, сувениры, хлопушки, мороженое, напитки, гуляния, катание тройках, на воздушных шарах, даже лазерное шоу на Воробьевых горах — было на что посмотреть за порогом своего дома!

Агнесса пришла к Манежной площади с ребенком. Данюшка сидел в коляске, пока они пробирались в центр города, потом слез и пошел пешком. Строители сдали свой подарок в последнюю минуту, зато теперь это место оказалось самым желанным островком Москвы. Весь город устремился к затейливым лесенкам, переходам, фонтанам, к «речке», из которой поднялись бронзовые сказочные герои и четверка лошадей, вставшая на дыбы. Самую доступную из фигур, «Старика с золотой рыбкой», стоящей на расстоянии прыжка от берега, сразу освоила детвора, и можно было предположить, что под ласками их ладошек от рыбкиной позолоты скоро не останется и следа. И все это под стенами седого Кремля, невозмущаемая древность которого, казалось, не допускала животрепещущего соседства, но, допустив, стала еще внушительнее с этой новой точки обзора.

Держась за ее руку, Данюшка шел в толпе. Мальчику исполнилось три года, он был умный и вдумчивый ребенок, но бледный и тихий, как стебелек. Гуляя с ним, Агнесса катила перед собой пустую коляску. Молодежные ватаги с песнями бродили по саду, сидели в обнимку на скамейках, толкались у большого телевизионного экрана с оглушительными выступлениями «звезд». На их головах светились цветные обручи, антенны, очки, носы. Народу было много, горожане, чистая молодая публика, никак не толпа.

Они остановились возле «золотой рыбки».

— Он как поймал ее, на червяка? — спросил Данюшка.

— Неводом. Помнишь?

Пришел невод с одною рыбкою,

Не простою рыбкою, золотою.

— А мы с дедушкой ловили на червяка.

— А кого вы ловили, помнишь?

— Ратанов. И карасей.

— Молодец.

— Сколько нужно червяков, чтобы поймать кита?

Вокруг засмеялись. Мальчик смутился и потянул мать за руку.

— Пойдем.

В это время случайно или для потехи кто-то, не очень трезвый, прыгнул в «речку». Отрезвев в потоке, стал взбираться к перильцам, ловкий, мокрый до нитки, в чистой белой майке. Агнесса молча смотрела на загорелые молодые плечи, сильные руки.

— Куртка где? Где моя куртка? — кричал он.

Но куртка исчезла. С узорных перил свешивались сотни смеющихся лиц, а он все искал свою куртку.

— Хоть документы отдайте, черти, — зывал он.

Агнесса отвернулась.

— Пойдем на Красную площадь.

Но вход на площадь был перекрыт милицией. Там начинался концерт Лючано Паваротти, и пускали только по приглашительным билетам. Небо темнело, на башнях горели рубиновые звезды.

— Не устал, сынок? Садись, поехали домой.

Ребенок сел в коляску. В плеске веселой толпы они потихоньку направились к Охотному ряду.

Тверская улица была широка и полна гуляющих. Люди двигались вверх и вниз, пели, останавливались возле пляшущих и плясали тоже. Молодые отцы несли детей на плечах. Под ногами гремели пластиковые бутылки, сплюснутые баночки из-под напитков, время от времени взрывались хлопушки.

Постояв на необычно свободной от машин Тверской, Агнесса вспомнила праздник Победы.

В то солнечное утро, девятого мая 1995 года, Тверская была также пуста и широка, люди шли в одну сторону, к Садовому кольцу и дальше, дальше. Они с отцом спешили туда же. Георгий Георгиевич чуть прихрамывал, после ликвидации чернобыльской аварии что-то началось у него с сосудами на ногах, но двигался быстро. По главной улице столицы должны были пройти ветераны, те, кто не согласился с развалом великой родины, за которую они проливали кровь, не согласился с обнищанием народа-победителя, те, кто отверг показуху официальных торжеств.

— Идут, идут! — закричали вокруг.

То, что они увидели, было незабываемо.

Вдали, от Белорусского вокзала по улице от тротуара до тротуара двигалась темная громада с широким золотым блеском.

Народ побежал навстречу.

... Они шли под боевыми знаменами, с военным оркестром впереди, плечом к плечу, блистая орденами, пожилые седые люди в военной форме разных родов войск, шли небыстро и неостановимо, военачальники, рядовые, тысячи мужчин и женщин, ряд за рядом, сотни шеренг.

Народ ликовал.

— Слава победителям! Да здравствует Советский Союз! Генералу Вареникову слава!

Словно деревенские дети за оркестром, бежали москвичи по обеим сторонам, всматриваясь в лица. Было жарко, солнце, принудительно лишенное облаков, светило немилосердно, позади колонны медленно двигались белые машины скорой помощи.

— И твой дед мог быть среди них, — сказал тогда Георгий Георгиевич, вытирая слезы...

Да, и ее дед, Георгий Щербатов, рядовой штрафного батальона, раненый в грудь и до конца дней своих носивший осколок вражеского железа, мог с полным правом пройти по главной улице своей Родины с высоко поднятой головой...

Оглядываясь на рубиновые звезды, Агнесса тихонько катила коляску к Китай-городу, на Солянку. И другие, более ранние события прошлых лет, на той же Тверской, всплыли в памяти.

1991 год. Потеря денег, когда разом исчезли кровные трудовые сбережения их семьи, стала болезненным испытанием, словно исчезла подушка безопасности, смягчавшая неизбежные потрясения и крутые жизненные повороты. Но самым страшным стало прозрение людей во вдруг открывшейся бездне неопределенности и незащитности. Это напоминало потрясение христианского человечества после открытий Николая Коперника, когда вместо уверенности, что *все идет к лучшему в этом лучшем из миров*, людей пригнуло понимание затерянности Земли в необъятных просторах Космоса.

Пришлось подрабатывать. В 1993 году она, выпускница Строгановки, зарабатывала шитьем. В магазине Трехгорки продавались дешевые военно-пятнистые лоскуты, из которых полу-

чались многокарманные охотничьи жилеты. Деньги были скромными и трудными. Однажды, увидев у кассы сумму в 200000 рублей, Агнесса передернула плечами от отвращения: если то, «ради чего»... противно.

В начале октября 1993 случилась та заварушка. По пути в Трехгорку, дорожка куда вела мимо Белого Дома, она словно попала на фронт. На подступах было темно от войск. Серое, зеленое. Автоматы, каски, машины, частая пружинная проволока заграждения, узкая щель в ней для входа и выхода. Жалкие баррикады напоминали свалку металлолома, чернели потухшие с ночи костры, валялись грязные чашки, куски хлеба, сидели чумазы, бессонные люди, похожие на туристов, некрасивый злобный люд. Особенно безобразны были женщины. Кровавые знамена, надписи «Смерть жидам». «Ужасно, — она качнула головой, — конечно, гмыкающий Ельцин – пакость, но и это... не то». Боевик в стоящем автобусе потянулся стряхнуть пепел в окно, и вдруг обрисовалась вся его заданность в этой зеленой железке и всей ситуации.

На другой день началось. Радио «Свобода», Би-Би-Си вели непрерывные показы, а у нас, по обыкновению, царствовало молчание. Потом показали по ТВ боевиков на первом этаже Останкино, похожих на кадры из «Звездных войн», рыло вездехода в разбитой стеклянной стене. По зову беспокойства Агнесса поехала в центр. В вагоны метро тесно набились молодые люди, вниз по Тверской двигалась уже молодая толпа. Оказывается, Гайдар призвал готовых, но безоружных граждан к сопротивлению. «Отечество в опасности!» Шли весело, из окон и балконов дурашливо кричали девчонки. На Агнессу оглядывались, кто-то заговорил.

У Моссовета уродливо дыбились «баррикады». Трибуна, флаг, дурачок-Гдлян на помосте, веселая отмашка «Ельцин! Ельцин! Ельцин! Россия!». Все были настроены на драчку, ощущалась молодая эротика и стремление получить ее в акте драки. И вера, вера в истукана Ельцина!

На Красную площадь протискивались сквозь такой же металлолом в Историческом проезде. У Спасских ворот, на всей площади было необычно темно. Под часами, родными с детства,

у недремлющей надежи-башни, словно возле матери, теснился народ. Курили. Пьяных не было. По головам пробегал прожектор. Разговаривали, слушали приемник о битве у телецентра. Вот появилась женщина оттуда, ее слова о трассирующих пулях, о ползании на коленях. Зачем она была там? Зачем здесь? А я зачем? — подумалось Агнессе.

Полночь. Бой часов. Ясно, холодно, далекая-далекая полная луна. Гайдар призвал бдить всю ночь. Агнесса поехала домой.

Наутро телецентр был освобожден, все правители поддерживали Ельцина, а в Белом доме заперлись депутаты во главе с Рущким и Хазбулатовым. Поначалу их наказали отключением воды и света, отчего в зале заседаний замелькали свечи. Потом прошел слух о предстоящем штурме Белого дома. Ужасно. И она поехала, чтобы не сидеть в квартире и вообще не сидеть. Мимо станций «Баррикадная» и «Улица 1905 года» поезда пролетали на скорости, по платформам спешили крепкие люди в бронежилетах и касках. Шли толпой по Грузинскому валу. Пришли. И впервые в жизни увидели цепи автоматчиков в касках, шлемах, бронежилетах, услышали щелчки винтовок, очереди из автоматов, бухание дальних орудий. Белый Дом был близко, флаг-триколор и красные флаги пестрели под солнцем.

— Вы находитесь в зоне обстрела, опасно для жизни. Просьба разойтись, — разносился голос из мегафона. — Вы находитесь в зоне обстрела...

Но куда! Народ ни о чем не думал. По Белому дому уже лупили из БТРов, видны были кучные светлые взрывы на самом здании. Острое удовольствие владело всеми, все было полно наслаждения: каски, автоматы, бронежилеты, цепи военных, автобусы, кайф от взрывов, выстрелов, от грохота проезжающих БТР. На этот раз толпа оказалась разношерстная, за-Ельцин и против-Ельцин, много пьяных и праздных, женщины за 40 лет. Были и молодые, хорошие, были и другие, будто червивые, с гнильцой, не такие спелые и чистые, как вчера на Красной площади.

— Разойдитесь! — кричал ОМОН.

Молодой мужик истерически распахнул руки.

— Стреляй, гад! Меня в Афгане не убили, стреляй в меня!

ОМОН, двое, ударили его по спине прикладом автомата, ловко нагнули, избили. Агнесса впервые видела такое. После этого ОМОН стал наступать, теснить толпу подальше, вглубь улицы.

— Очистить площадь!

Огрызаясь, отходили. Два невысоких автоматчика увлеклись, далеко прошли в толпе.

— Вы, это, от своих-то не отрывайтесь... — негромко сказал кто-то, и те опомнились, дождались товарищей.

Грохот, грохот орудий, и вот загорелся Белый Дом. Сквозь дым заалели красные флаги на балконах, появились новые, повыше, но под общим полосатым. Балдеж, балдеж разливался над всеми участниками, жадность зрелищ, в которых тонет смысл, и всегда так, начиная с Французской революции. Теплое ясное солнышко равнодушно смотрело сверху, *как будто небу земли не жаль*.

Какая-то женщина громко говорила-ругалась «за Ельцина».

— Вот он мужик, а вы бездельники и пьяницы.

Ей возражали, и она была довольна общим вниманием. Иностраный корреспондент лопотал что-то переводчице, к нему злобно подскочили.

— Возьмите себе этого Ельцина, вам он нравится.

И вновь выкрики.

— Ельцин — жидовская диктатура, вон она, с автоматами.

Начался пожар, черные клубы из Белого Дома.

— Теперь все. Задохнутся и выйдут, — с тем же удовольствием раздалось в толпе.

Тяжкие выстрелы, сухие хлопки снайперов, группы беседующих, пьяные. Жуют батоны, один купил пряник величиной с тарелку и ел его из коробки, кусками. Бойцовые, агрессивные, полные черного огня, стареющие бабы запели:

— Вставай, страна огромная...

Агнесса посмотрела на них.

— Женщины, не подначивайте. Мы с вами на войну не пойдем.

— Иди-иди... молодая, — но перестали.

День веско перевалился за середину, когда Агнесса сказала себе «хватит» и повернула прочь, к метро «Беговая», вдоль ули-

цы, к мосту. Навстречу плотно двигался оживленный народ. Шли уже с работы, радостные, любопытные, точно дети. Белый Дом тонул в дыму и был хорошо виден. На всех лицах держалось ожидаемое удовольствие, то самое, каким крепко надышалась за четыре часа она сама: каски, бронежилеты, стрельба, огонь и дым над Белым Домом.

Прошло несколько дней. Белый Дом стал черным, весь в копоти. Мятежники сели в Лефортовскую тюрьму. Говорили, там прекрасная библиотека. Хазбулатову полезно было пройти через это, а Рущкого не вразумишь, узкий ограниченный мужичок.

... Праздничный салют застал их почти у самого дома. Остановившись, они стали смотреть на пышные огни в темнеющем небе.

После праздников Валентина решила наладить регулярный набор сотрудников. Сама она уже никому не звонила, дела пошли хорошо, из чего следовал простой вывод, что руководитель обязан знать все тонкости своего дела, но заниматься исключительно общими задачами, которые кроме него не решит никто. Сюда входили и необходимость следить за бизнес-обстановкой вокруг рекламы, и освоение новых направлений, к примеру, сбор рекламы в цветные журналы, но, пожалуй, главнейшим было внимание к внутренней среде агентства, к сотрудникам, их взаимоотношениям, а также к способам поощрения и наказания. Собранные в пучок, эти задачи получили порядковые номера по значимости, всего не больше десяти, и постоянно находились в поле ее внимания. И такая вполне рутинная работа принесла богатые плоды, прибыль заструилась на-удивление бойко. «Дело» расцветало, как у того мудреца. Свободная от черновых обзвонов, она посещала редакции газет и журналов, АРА (ассоциацию рекламных агентств), знакомилась, выведывала чужие рекламные идеи и секреты, много читала и готовилась к собственным лекциям в конференц-зале в сопровождении лучших рекламных продуктов в виде слоганов, плакатов, роликов. В серых глазах ее появились пронизательность и оценка каждого, стоящего перед нею на рас-

стоянии вытянутой руки, свойственные представителям крупного бизнеса.

По ее просьбе удрученный нехватками директор НИИ сдал ей и вторую комнату, большую и светлую, напротив, в том же коридоре. Там уже грохотали молотки.

Но вначале Валентина пригласила к себе Агнессу. Как хозяйку дома, ее задевала вежливая независимость сотрудницы, ей хотелось как-то приструнить, связать ее, «иметь на посылках» эту потомственную «голубую кровь».

Та вошла спокойная, с мягким излучением в глазах.

— Прикрой дверь, садись. Как твои дела? Как малыш?

— Спасибо, все хорошо.

Валентина помолчала, потом сказала проникновенно.

— Я хочу тебе помочь, Агнесса, ты знаешь, как я к тебе отношусь. Надеюсь на взаимное понимание. Тебе известно, что дела наши (тьфу-тьфу-тьфу) на подъеме. Агентство расширяется. Скоро придут новые люди, с ними нужно будет работать, вводить в курс дела. Короче, нужен менеджер. Я даю тебе семьсот долларов зарплаты. Согласна?

Агнесса ответила не сразу.

— Это предполагает ежедневное присутствие в течение полного рабочего дня? — уточнила она.

— Разумеется. Могу добавить три процента от суммы каждого договора, заключенного новичками, да плюс твои двенадцать процентов с каждой собственной сделки. Это немало, на круг до двух тысяч долларов. Соглашайся.

Это были сказочные условия, Валентина не сомневалась в успехе. Подумав, Агнесса отказалась.

— Спасибо за доверие, Валя. Очень сожалею, но вынуждена отклонить твое прекрасное предложение. Для меня это невозможно. Извини.

Она поднялась .

В глазах Валентины что-то блеснуло.

— Как знаешь, — проговорила она холодно. — Другая бы на твоём месте остереглась с отказом. Такие предложения с неба не падают. Учти. Второго раза не бывает. Смотри, пробросайся...

С неловкой улыбкой Агнесса пожала плечами.

— Может быть.

Осененная новой мыслью, Валентина смотрела на нее с насмешливым интересом. В глазах ее словно искрились льдистые иголки.

— Ты никогда не будешь богатой, Агнесса, — проговорила она с удовольствием и обворожительно улыбнулась.

Агнесса встревоженно взглянула на нее и вышла.

«Ускользнула, дворяночка...», — усмехнулась Валентина.

В этот день Агнесса осталась дома. Данюшка просыпался рано, подобно всем детям не желая терять ни минуты утренней радости, и в ночной пижамке перелезал из своей кровати к матери. Это были счастливые минуты для обоих. Так было и в этот вторник. Потом, после завтрака, они погуляли, зашли в магазин за продуктами, потом поднялись на этаж выше, к Анастасии Романовне и к матери Агнессы, Лидии Владимировне. Отца не было, он уехал в командировку. Здесь Данюшку накормили и уложили в постель, предоставив Агнессе три часа чистого времени для ее шитья.

Когда-то в доме успели произвести капитальный ремонт-перестройку, после которых вместо просторных залов получились небольшие квартирki из одной-двух комнат с кухней. «Успели» — потому что впоследствии ни о каких ремонтах уже не помышляли.

В самой маленькой комнатке у Агнессы поместилась лишь швейная машина, многострочный солидный «Зингер», и платяной шкаф. Зато был балкон. Он выходил во двор к рослому тополю, с листвой которого можно было поздороваться, протянув руку. Сейчас, в дни осени, тополь светился чистым желтым цветом, отчего в комнате мерцал золотистый свет; за это ему прощался пышный летний снегопад, устилавший балкон толстой пуховой периной. Не теряя времени, Агнесса села к машине. Притачала красные лямки к сарафану, настрочила яркие полосы на подол, потом красным и синим шелком вышила цветы у выреза и проймы и посадила в сердцевинку мелкие неровные жемчужинки. Об-

рывок подобного одеяния висел на стене, пришпиленный портновскими булавками прямо к обоям: эту ветхую, но подлинную справу она привезла из поездки по срединной Руси. На этом свободное время кончилось.

К вечеру они вновь погуляли, и после этого, несмотря на дневной сон, ребенка сморила усталость. Он стал капризничать, не выпуская из рук маленького автобуса, подаренного сегодня бабушкой, в покрасневших глазах появились слезы. Агнесса отнесла сопротивляющегося малыша сначала в ванную комнату, потом в постель. Уложила, укрыла, села рядышком.

— Баю-бай! Спи, глазок, спи, другой.

Мальчик успокоился.

— Мама, — сказал он. — Хочешь, я расскажу тебе сказку?

— Хочу. Сам сочинил?

— Сам. Однажды Утенок и Гусенок забрались в магазин, когда там никого не было. Побросали на пол все пакеты, разбили банки и убежали.

— Ой, как плохо сделали, — удивилась Агнесса

— Зато интересно. Теперь твоя очередь.

Агнесса задумалась.

— Хочешь про спящую царевну?

— Нет.

— А про лягушку-путешественницу?

— Расскажи про автобус.

— Я не знаю такой сказки!

— А ты придумай!

Агнесса вздохнула, подумала и улыбнулась.

— Слушай. Жил-был на свете Маленький автобус. Вот поехал он по мосту, а мост крах! и провалился. Упал Маленький автобус в реку. А в реке жили крокодилы. Подобрался крокодил и цап его за бок! Зуб у него крах! и сломался. — Ой-ой, — закричал крокодил. — Я думал, он простой, а он железный. Не трогайте его, крокодилы!... А Маленький автобус – тах-тах-тах — выбрался на берег и покатил домой.

Агнесса поцеловала засыпающего сына и отошла от кровати.

На вечер у нее было намечено нечто очень важное. Именно сегодня оно должно было получиться, сейчас, в тишине квартиры. Она протерла пол влажной тряпкой, расстелила коврик и села.

Мягко светилась на тумбочке прикрытая абажуром лампа. Поблескивала в полумраке деревянная резьба книжного шкафа, бережно сохраненного с прошлого века. Многоуважаемый шкаф! Это был он. За его стеклами стояли старинные книги с дарственными надписями и пометами на пожелтевших страницах, книги друзей, дальних родственников, цвет русской мысли. Иногда в них встречались засушенные цветы и травы. Конечно, были и современные, и детские книжки. Напротив шкафа отсвечивало старинное зеркало «на семь свечей». Это означало, что при поднесении зажженной свечи в нем отражалось семь языков пламени. Оно было светлым, нисколько не помутневшим, лишь по уголкам, у скосов, разбежались черные паутинки. Сколько прекрасных лиц отразило оно на своем веку! Зеркало имело столик на четырех ножках в виде звериных лапок, покрытых когда-то позолотой. Два пейзажа и автопортрет юной Агнессы украшали стены. Тут же висел на плечиках новый, с иголки, сарафан с жемчужинами внутри цветочков, которые она вышивала сегодня днем. Агнесса всегда вешала перед собой готовые вещи, чтобы полюбоваться на них и остыть, разлюбить, чтобы и сама работа остыла и не тянулась к ней.

Темой вечера была Валентина.

С некоторых пор Агнессу беспокоила явственная уязвимость ее перед властной хозяйкой «Каскада». Словно бы происходило вторжение в пространства души Агнессы, и она будто отступала все дальше и дальше. Стали задевать и оставлять болезненный след колкие замечания директрисы; раскрытая дверь кабинета, из которой Валентина наблюдала сотрудников, стали действовать на Агнессу, словно поток уничтожающей власти.

С этой несвободой она и решила разобраться сегодня вечером. Кто страдает, тот неправ, то-есть, тот испытывает тайное, темное, подсознательное удовольствие от своих мук, с которым и предстояло поработать. Другая сторона пусть *работает* сама, если готова.

Когда-то давно, на первых курсах училища, ее познакомили с людьми, которые занимались йогой. Это были удивительные занятия. Кроме общеизвестных асан вроде наклона «поцелуй колено» и стойки на голове, исполнялись и другие, которые Учитель считывал, вызывая видимые только ему одному картинки; он и видел, и слышал в пространствах. В тех асанах участвовали сознание, дыхание, работа с болью в мышцах и связках, неизбежной в сложных позах. К последней фазе боль уходила, а исполнитель словно делался невесомым внутри себя. Конечно, это была подготовка к работе «в духе». Главное же место занимали беседы. Учитель, доктор психологических наук, был мужчиной средних лет, с крупной головой, темными, словно пульсирующими, глазами, в которых часто светилось горнее нездешнее выражение. Он обладал способностью летать во времени, оказываясь то в будущем, то в прошлом, и видеть события сразу на множестве уровней. То, чем делился он по возвращении, поражало вселенской связью простого и сложного, непостижимого. До сих пор Агнесса не только не смогла опровергнуть, но открывала глубже и глубже смысл услышанного ею в то время.

Но с самими людьми стали происходить перемены. Кто-то отчаянно возненавидел Учителя всеми силами души и прекратил посещения, другие грозили ему расправой, и слали возмущенные кляузы московским властям, третьи... О, это было что-то! Эти люди пали ниц перед необъятностью этого человека. Неожиданно для него самого в них словно сработало пещерное обожествление «Неизвестной Силы». Страх объял души. Советам его стали следовать с суеверным трепетом, *Ego* советам! Лица многозначительно вытянулись, погас смех, вместе исчезла здоровая веселость и вкус к независимому размышлению. И лишь один-два человека, пользуясь присутствием высочайше-развитого существа, встали на нелегкий путь самоусовершенствования.

Не сразу спохватилась и сама Агнесса. Но едва ощутила тень зависимости и самоуничтожения, принялась вытаскивать себя из них тем же способом, каким работала на занятиях.

Так поступила и сейчас.

— Валентина, — произнесла мысленно, сидя на коврике в восточной позе. — Валентина, Валентина.

«Проблема» пришла сразу, она созрела и просилась на волю. Сильное движение началось в душе,хватило все существо, расширяясь, словно виток урагана. Незримые тиски стиснули тело, душа оказалась в каменной тьме, будто перед несокрушимой скалой.

— Валентина, Валентина... — продолжала Агнесса.

Сквозь напряжение остро проглянуло и стало расти ощущение сущности Валентины, одной, все вобравшей черты, ранящей, словно рваная жесть.

— Валентина, Валентина... — смотрела Агнесса.

Вот забилась-загорелась острейшая точка. Все нападение и присутствие Валентины и все жертвенное отступление Агнессы, словно две половинки, слились в единый вихрь, мучительный, жгучий и блаженный. Разве не так разрешаются противостояния, разве не это происходит в глубинах жизни?

— Валентина, Валентина... — в это время дыхание мешало «работе», следовало одолевать на полузадохе.

Оно длилось, длилось.

Наконец, к светлеющим окнам, «первым петухам» все прояснилось. Умаяясь до точки, Валентина, пустая, словно рисованный человечек, стала удаляться, уменьшаться, пока не пропала из виду. А собственная сущность Агнессы, глубинные основы независимости и самосохранения таинственно и цельно сомкнулись вновь.

Викентий Матвеевич вышел из квартиры и внимательно запер за собой дверь. Сегодня он покидал дом во второй раз. Он уже пробежал поутру свои пять километров вокруг прудов, размялся на снарядах школьного стадиона в двух шагах от их сквера, вернулся, приготовил завтрак девочкам и Валентине, всех проводил и теперь отправился за покупками. В просторный холл на их этаже выходили три двери, одна из которых была опечатана. Там еще недавно проживала одинокая старушка, за которой ухаживали девочки, но летом она умерла. По словам Валентины, эту квартиру Розалия, ее подруга и председатель кооператива, могла бы устроить для них по окончании полугодового срока.

«Хорошо бы, — думал Викентий Матвеевич, — хорошо бы так получилось. Не дай бог оказаться на старости лет в моем положении. Конечно, я ни в чем не нуждаюсь и нужен семье, но девочки растут, а квартира так невелика».

Внизу на крыльце ему повстречалась другая соседка по этажу, Анна Стахиевна, моложавая женщина-врач. Она переехала всего года три назад, уже после смерти его жены. Сын ее жил отдельно, своей семьей, а она работала в больнице. Милая приятная женщина, к тому же доктор, это всегда удобно. У нее тоже случилась беда, умерла ее болонка, но сын купил ей точно такую же, белую, звонкую, словно ту же самую.

Соседи поздоровались.

— Хорошо погуляли? — спросил он.

— Не спрашивайте, Викентий Матвеевич! Эти большие собаки прохода нам не дают, все норовят обидеть маленьких. Ходим, прячемся, будто краденые. Скажите на милость, зачем держать в квартирах таких волкодавов, а?

— Для охраны, — засмеялся он. — На улице небезопасно стало. Шалят, — и довольный старинным словом, он придержал для нее дверь и тихонько отпустил, чтобы она закрылась сама. Железную дверь с кодовым замком им поставили всего несколько недель назад.

После беседы с симпатичной женщиной Викентий Матвеевич зашагал легко и бодро. Он сам следил за своим здоровьем. Смерть жены, потом сына лишь на время качнули его душевную крепость. Он не видел Бориса, распостертого на земле с простреленной головой, не слышал выстрелов и крика. Вызванный телеграммой с дачи, он взял на себя все хлопоты, и уже не слагал их, оберегая Валентину, главную «пяту» дома. С девочками надо было работать не меньше, чем с целой спортивной школой. Все остальное время он отдавал политике. Что скажет Ельцин? «Да» или «нет» третьему сроку? Семен Семенович считает, что это неизбежно, если Россия объединится с Белоруссией и будет вроде как новая страна. Невероятно. А Черномырдин? В чем секрет его мощи? Боится ли он вотума недоверия Думы? И правда ли, что голос депутата стоит от восьми до десяти тысяч долларов? Как

противно! Не забыть обсудить эту гадость с Семеном Семеновичем.

Тут его мысли перескочили на другое. Успехи снохи удивляли его. Как она поднялась, как расцвела!

— Ты — «новая русская», Валя? — спрашивал он с уважением.

— «Новейшая», — улыбалась она. — Чувствуете разницу?

— Нет.

— Мы всего добиваемся сами, никому не должны и ни от кого не зависим.

— Преклоняюсь, — смеялся он.

Они ладили друг с другом, и когда у нее кто-то появился, он запретил себе об этом думать. Главное сейчас — дети и собственное здоровье, потому что в неразберихе, которая накрыла страну, надеяться должно только на себя. Да, на себя одного.

С заплечной сумкой он прошелся по скверу, любуясь золотой осенью и прудами, синевшими за пустырем. Место это для жительства он выбирал сам лет тридцать тому назад, когда закладывались кооперативные дома в разных районах. Здесь была окраина, глинистые карьеры, но в планах благоустройства были эти пруды, и он поверил, купил квартиру, поселился с молодой женой и маленьким сыном. Ах, время, время, куда ж ты несешься? Надо было иметь и дочку, и еще дочку, тогда бы не оказался без угла на старости лет...

Он спустился с пригорка, перешел шоссе, отделяющее сквер от мелкого, но удобного рынка, и стал подниматься к входу, когда рядом с ним незаметно возникли три молодых человека.

— Закурить не найдется?

И не успел он ответить, как страшный удар в лицо свалил его с ног. Он упал, но молодые руки подняли его и проворно, быстро-быстро, стали обшаривать карманы снаружи и внутри одежды.

— Прости, отец, иначе не можем. Опохмел нужен. Иди домой, не поминай лихом.

Ему нахлобучили кепку и отряхнули. Со стороны казалось, что ребята помогли встать седому оступившемуся человеку. Прохожие мирно шли мимо. Потрясенный, онемевший от боли, с

кровью во рту, он добрался до дома, позвонил в соседнюю квартиру и свалился в постель. В сознании беспрерывно мелькали глаза, кулаки, яркая вспышка света.

Телефонный звонок из дома раздался, когда Валентина проводила занятия с очередными новобранцами. Пятнадцать человек сидели в креслах конференц-зала, глядя на оживленную модную женщину, обещавшую им новую жизнь. Ни тени сомнения не было в ее словах, лишь кипучий настрой на успех, на стремительную деловую жизнь, а вокруг царили безработица и разруха. Неужели? — думали и эти люди тоже, — неужели возможно жить так, как она обещает?

А Валентина ничего особенного и не обещала, просто она сама была преисполнена уверенности, и это лучше всех уговоров действовало на слушателей.

— Валентина Сергеевна, вас к телефону, — заглянула Шурочка, с улыбкой оглядела сидящих и подмигнула всем сразу.

— Извините, господа, — Валентина поспешила в кабинет.

— Алло, — деловито сказала в трубку. Вдруг лицо ее помертвело. — Какой ужас! Сейчас еду. Срочно. Екатерина Дмитриевна! Закончите занятия.

В машине ее трясло. Не месть ли это *тех* людей? *Они* же все про нее знают! Дочери, дочери... Страх сводил кожу на голове, волнами ходил по спине.

Свекр лежал в постели с влажной салфеткой на лбу. Возле него сидела Анна Стахиевна. У Викентия Матвеевича был сильный жар, по лицу расплылся багровый синяк, левый глаз был закрыт. Из его путаных слов Валентина поняла, что это было «обычное» уличное ограбление, пьяный разбой, навряд ли связанный с ее делами.

«*Те*» не грабят.

У нее отлегло от сердца.

К той железной двери Шурочка подошла случайно, просто шла мимо по своим делам. Успех в рекламе никак не давался ей, клиентов настораживал ее простоватый подмосковный разговор, отсутствие высшего образования, которое считалось разумно-

щейся необходимостью. Ей даже сказали об этом прямым текстом, нахалы! Они вообще не считают за людей тех, кто без диплома, а рекламный агент для них — простой слуга... А над той железной дверью и вывески-то никакой не было, но люди входили и выходили. Денег у нее не было, иных способов заработать тоже.

«Была не была»- подумала она и нажала на кнопку в переговорном устройстве.

— Кто вы? — спросил мужской голос.

— Газета «Городская новь», — с важностью ответила она.

— Минутку.

Ей открыл молодой, поразительно худой мужчина в сером свитере, очень просторном при его сложении. Лицо его было вытянутым и серым, глазные впадины глубоки, словно вдавленные. При виде его, Шурочка замерла на пороге.

— Входите, входите, — улыбнулся он.

Она решила.

— Идите за мной, — сказал он и стал спускаться по крутой лестнице вниз, в подвал.

Они проследовали коридором с поворотами направо, налево. У стен теснились коробки, валялись обрывки бумаги, бечевки. У двери, к которой они, наконец, подошли, жались друг к другу, сидя на ящиках, три накрашенные девицы.

У Шурочки захолонуло сердце.

— Сюда, — перед нею распахнули дверь.

В большой комнате, куда она вступила, находились несколько человек. При ярком подвесном освещении здесь было сумрачно от табачного дыма, который стелился в воздухе сизыми слоями, будто после взрыва. Само помещение было необычным, половина пола была приподнята наподобие сцены, и на ней за столом сидел молодой парень-кавказец. Голова, скулы, подбородок его были выбриты и синели наподобие копирки. «Синий череп», — подумала Шурочка.

Все остальные толпились внизу, тоже молодые, бритые, но русские. Ощутимое холуйство, подобострастие, уголовная размазка плотно висели в воздухе вроде того же табачного дыма. Никогда не приходилось Шурочке ощущать это всей кожей, все-

ми мурашками на спине! Ее провожатый был, однако, ровня «Синему черепу», он вскочил на возвышение и стал прохаживаться у того за спиной, держа руки в карманах. Грубый свитер болтался на нем, как на вешалке. «Огородное пугало», обозвала его Шурочка.

Кавказец вопросительно посмотрел на нее.

— «Городская новь», газета, — она протянула визитную карточку.

Тот перевел взгляд на Худого. Тот усмехнулся.

— Предлагают объявления в газету.

— Ну?

— Товар и телефон. Большого не надо.

— Сколько?

— Если по одной строчке в течение полугода, то всего штука баксов.

— Зачем?

— Золотое дно.

— Золотая пуля.

— Брось ты...

«Синий череп» повертел в пальцах ее визитку, испытывающе взглянул на Шурочку.

У нее ослабели колени. «Мамочки родные... Господи помилуй!... Скорее бы наверх, на волю...»

— Головой отвечаешь, — сказал он.

Они вручили деньги без договора и расписки, с текстом на клочке бумаги. «Худой» проводил ее из двери мимо трех девиц, по-прежнему жавшихся друг к другу на ящиках, по коридору, вверх по лестнице к выходу. Выбравшись на белый свет, Шурочка опрометью кинулась прочь.

В агентстве она опрятно заполнила бланк, приложила записку, деньги и спустилась в бухгалтерию. Прикинув на калькуляторе, Люся сочувственно покачала головой.

— Ты ошиблась на четырнадцать долларов. Позвони, пусть доплатят.

Шурочка в испуге потрясла кудряшками.

— Ни за что. Я боюсь. Они ведь даже расписки не взяли.

— Тогда внеси от себя, из вознаграждения.

Шурочка помолчала. Четырнадцать долларов умножить на шесть тысяч рублей... ой-ой!

— Нет уж, лучше позвонить.

«Не звони, не звони!»- кричало предчувствие. Но четырнадцать долларов, это по курсу восемьдесят четыре тысячи рублей, такие деньги на дороге не валяются. За восемьдесят четыре тысячи сколько нужно горбатиться на грядках, стоять на рынке...

Она позвонила, сама не своя.

— Никаких доплат, — последовал жесткий ответ. — Так не делается. Ты посчитала, мы оплатили. Все. И чтобы наши материалы выходили в срок. Ясно?

Шурочка посидела молча, переживая эти слова и потерю денег, потом обо всем рассказала в комнате. Здесь каждый делился своими случаями для общего опыта.

— Да, — посочувствовала Екатерина Дмитриевна. — Ничего не поделаешь, проще внести эти деньги, чем связываться с «братвой». У них свои законы. Они так жестко-честны между собой, что за малейший обман убить могут. А как иначе? Там нет печатей, нет расписок. Между прочим, так было между русскими купцами до революции. Били по рукам и все, сделка считалась заключенной. На многие тысячи рублей, а тогдашний рубль не чета нынешнему. Нарушил слово — тебя ославят на весь мир в книге несостоятельных должников с указанием причины, мол, злостный умысел или по-уважительному как, болезнь, мол. А как иначе? Доверие обманывать нельзя, на доверии жизнь держится.

Виктор выслушал молча, но подумал примерно то же. И еще он подумал о больших деньгах, о больших делах, которые проворачиваются в таких подвалах. О больших, огромных деньгах думалось ему в тот день до самого вечера.

Два-три дня спустя Шурочку пригласили в мебельный салон.

— Вы меня убедили, — сказал в ответ на ее звонок молодой директор, — нам нужна реклама в такой газете. Приходите. Спросите Джони.

— Джони?

— Почему бы и нет? — и хорошим голосом объяснил, как доехать.

Шурочка взволновалась. Умные деловые люди будут слушать ее, смотреть на нее, при них придется считать сумму, скидку, наценку, заполнить бланк с печатью... ой!

— Хочешь, поедем вместе? — предложил Юра.

Он уже уступил ей место у окна и пересел в угол, чтобы видеть ее рыжие кудри-пружинки, нежную белую шейку, думать бог знает о чем, шаркая под столом ногами...

Но Шурочка уже сделал выбор. И выбрала не его. Виктора. Она сама прыгнула в его объятия. Уселась как-то раз прямо на его стол и смело растрепала его темные волосы.

— Голову мыл, Витек? Блестят, как шелковые.

Виктор не спеша выпрямился, тряхнул головой, развернул плечи.

— Я весь мылся, — протяжно ответил он и перехватил ее запястье. — Хороша боярinya! — сказал на «0» и щекотнул пальцем розовую ладошку.

Она отдернула руку

— Ты на сцене первым... этим... героем... был, небось?

— Я везде первым героем, — и близко-близко заглянул в ее зеленые кошачьи глаза.

Вот и все. Шурочка стала бывать в его квартире. Вместе с нею воцарилась чистота, домашние соленья-маринады и несколько комнатных цветов в горшках. Такие же цветы появились и в агентстве. Дня через три Шурочка справила свой день рождения. Она старалась во всю, чтобы Виктор твердо усвоил, что грех упускать такую хозяйку. Мясо с черносливом и морковкой, растегаи с рыбой, зеленые, необыкновенной вкусноты салаты — все было щедрой рукой выставлено на угощение. На Шурочку посмотрели другими глазами.

— Как ты готовишь такое мясо? А что добавляешь в тесто? Уксус в салате яблочный или винный? — наперебой выспрашивали женщины.

Виктор ел за двоих и похваливал.

Их сближение порадовало Валентину. Во всем мире служебные романы почитаются добрым знаком. В присутствии любовников повышается общее настроение, кипит и спорится работа, и словно в праздник, расцвечиваются улыбками самые

хмурые лица и самые рутинные занятия. А где душевное здоровье, там и ценные идеи. А где ценные идеи, там и успех!

И лишь бедному Юре достались сплошные терзания семнадцатилетней юношеской ревности.

— Хочешь, поеду с тобой? — повторил он.

Но Шурочка отмахнулась.

— Я сама. Подумаешь! Джони какой-то...

В переулочке она приехала за полчаса до назначенного срока. Было пасмурно, накрапывал дождь. Подновленные купеческо-замоскворецкие дома были заняты офисами и посольствами. Вдоль тротуаров стояли дорогие машины. У одной из них все время срабатывала сигнализация, оглашая воздух громкими воплями. «Московские соловьи», — назвал их неизвестный шутник.

Мебельный салон «Фортуна» расположился на первом этаже хорошенького особняка. Как и все его соседи, он был свежее-выкрашен в разные цвета с большим искусством, отчего вензеля и виньетки на фасаде, ступенчатые фризы под крышей и цокольные выступы у подножья верно служили его украшению, так же как и скругленный внешний угол, обращенный к проулку. В дверях за порогом начинался салон, и там, у самого входа играли в карты на журнальном столике с перламутровым рисунком два охранника. Они молча посторонились.

Шурочка вошла и оглянулась по сторонам. Красота-а... Таких вещей она еще не видывала. Полированный орех, карельская береза, итальянское желтое дутое стекло в створках сервантов, все узорно, гнуто, зеркально.

— Жить хочется среди такой мебели! — подумала она. — Надо сказать этому Джони, пусть порадуетя.

Джони вышел к ней прямо в коридорчик, щуплый молодой блондин в темно-синем, в полоску, дорогом костюме. Не приглашая ее в кабинет, стоя в трех шагах, он посмотрел на нее долгим странным взглядом.

— А вы уже третья у нас, — объявил ровно, без выражения, — каждую неделю приходят от вас. Все разные.

Шурочка опешила. Ничего себе! Она умела постоять за себя и приготовилась к отпору.

— Зачем же вы приглашаете, если не хотите давать рекла-
му? — вскипела, готовясь к бою.

Он пожал плечами. Глаза его смотрели плоско и безжиз-
ненно.

— Какое мое дело! Договаривайтесь между собой сами. И
газета ваша плохая, хуже нее не встречал.

Шурочка метнула в него зеленый презрительный взгляд, но
Джони стоял расслабленно, словно отсутствовал.

— Дурак! — крикнула она.

Круто повернувшись, вихрем пронеслась мимо резных шка-
фов и выбежала на улицу.

В агентстве снова рассказала обо всем, спросила, кто уже
побывал в этом салоне? Никто. Пылая гневом, она взяла лист
бумаги, написала крупно «Джони-дурак! В «Фортуна» не зво-
нить!» и приколотла на стенку.

Агнесса подняла голову.

— Судя по всему, Александра, это не простая фирма.

— А какая?

— Подсадная, — ответил Юра.

Шурочка повернулась к нему.

— Как это?

Агнесса опустила глаза и легонько отмахнулась пальцами.

Алекс плавно затормозил черный джип. Пробка. Впереди
метров на сорок виднелись крыши машин, сзади быстро набира-
лось столько же. Пробки-пробочки, бессмыслица прогресса, для
них теперь необходимо оставлять запас времени.

Он набрал номер на мобильном телефоне.

— Грач? Я, Алекс. Стою в пробке у Никитских ворот. Слу-
шай, что за бред с этим Джони? Совсем спятил? В «Каскаде» он
за дурака на стенке висит.

— Он на травку некрепок, Андреич.

— Разберись и доложи. Так. А как Второй?

В трубке помолчали.

— Гм... у него теперь собственная охрана, Андреич.

— Она всегда была.

— Не такая... Тут другие дела, Андреич.

— Знаю. В фельдмаршалы метит.

— Как говорится, втемяшилось блажь, колом не выбьешь. Почему-де не доверяете, шифрами не делитесь, прибыль утаиваете... Ну, помнишь, что он выдавал в «Зубре» после третьей бутылки? Опасный мужик, Андреич. Но простой. Против своих не пойдет.

— Вы земляки, тебе виднее. Остерегись. Все, поехал. Счастливо.

Вряд ли Валентина представляла себе, кем был Алекс. Они познакомились в прошлом году, летом, на Селигере, в уединенном частном пансионате, куда Валентину отправила Розалия после всего, что произошло весной. Валентина уже не могла оставаться одна в квартире, стены, казалось, падали на нее, вновь слышала она выстрелы, крик...

Бесценна помощь друзей в трудную минуту!

Именно там, в лесном озерном краю, она понемногу пришла в себя.

Под бледным голубым небом стояла мудрая тишина. Стволы высоких корабельных сосен были по-северному покрыты мхом и лишайником, даже с ветвей свисали зеленовато-серые кружева. Пахло хвоей.

Валентине предоставили солнечную угловую комнату в два окна. На веранде жили две ласточки. В гнезде, прилепленном к потолку, горласто верещали птенцы, а внизу, на подстеленном газетном листе, копились «продукты жизнедеятельности», куда их опрятно сбрасывали новорожденные голопузики. Родительские хлопоты ласточек были внятны Валентине. Покачиваясь поутру в кресле-качалке, расслабленным теплым сердцем наблюдала она их стремительные прилеты-улеты, разинутые навстречу им желтые клювы, в которые быстро-быстро рассовывался улов.

Днем она уходила бродить по светлым озерным берегам, среди трав и цветов, в зное и запахах дикого лета, смотреть, покусывая еловые иголки, на дальние зеленые холмы, или бездумно слушать чмокающий плеск волны, сидя в привязанной к

столбику лодке, отмахиваясь от комаров ореховой веткой. Озеро сквозило мелкой рябью и словно струилось перед глазами. Над головой белели пухлые облака, на их сизых ровных подошвах росли вверх озаренные ватные громады.

Нашлось и другое успокоение. Молочно-зеленое поле льна. Волнующаяся под ветром ширь его напоминало море, сходство добавляли пятна светлых и темных оттенков. По окраинам поля краснели заросли вероники и конского щавеля, похожие на гречишные посевы, медово пахло земляничным листом. В травах и мхах возле шершавых, рыжих от лишайников, выветрелых и прогретых солнцем валунов земляника цвела особенно густо. Валентина ложилась с краю льняного поля, смотрела то в бледное небо, то в частые рядочки высоких нежных стеблей и, словно в детстве, грезила о дальних странах, о морях-океанах. Это поле исцелило Валентину. В этих прогулках она понемногу пришла в себя.

Не сказать, чтобы ужасное событие совсем поблекло в ее памяти... но общеизвестны свойства времени и пространства для любого горя!

Наконец, причесываясь как-то раз на веранде, увидела она в зеркале яркое голубое небо, солнце и свое молодое свежее лицо с ямочками в уголках губ, спокойным взглядом серых глаз под высокими бровями, блеск прохваченных лучами пышных золотистых волос...

Алэкс наблюдал за нею издали. Ему шел тридцать третий год. Давнее школьное прозвище «Принц» еще не изменяло ему. Он был красив. В ясных глазах его держалась легкая пронизательная усмешка, словно любого человека, впервые подходившего к нему, Алэкс видел насквозь. Он занимал на этаже несколько комнат, охраняемых круглосуточно, иногда спускался к общему столу, изредка приглашал общество на старинную яхту. Шуму от его людей не было, в их поведении угадывалась четкая молчаливая слаженность.

Далеко, на Красном море отдыхали трое его сыновей и жена.

Историю Валентины ему, разумеется, рассказали. Он присматривался к ней зорко и незаметно.

Он знал Бориса Королева.

Давным-давно, когда еще в стенах МГИМО, Алекс, полный романтического служения компьютеризации, с жаром подступался с друзьями к основанию первой фирмы Internet Service Provider первого уровня, одного из будущих хребтов Интернета в России, Борис Королев уже развернул рискованный автомобильный бизнес, укрощал недвижимость, мелькал на телеэкранах и модных тусовках. С бриллиантовым зажимом на галстуке, с гаванской толстой сигарой в пальцах и привычкой скашивать глаза, не поворачивая головы, он выглядел настоящим аристократом. И действительно, его внимания жаждали пресса и женщины.

Алекс предпочитал кабинетную тишину. И тогда, и сейчас, когда был Президентом совместной американо-российской Компании. Он создал собственный Аналитический центр, который следил ежедневно и еженедельно за новостями, телеконференциями, программными продуктами в мире; появление World Wide Web, Всемирной паутины, принесло новую волну населения в киберпространство его компании. Как они работали! Каким чистым огнем горела четверка единомышленников-«лицеистов»! О, как это вдохновляло, изматывало, лишало сна и нормальной человеческой жизни! Пришлось даже усадить перед монитором умную девочку, чтобы она специально выискивала в Сети анекдоты, сплетни и смешные случаи, потому что ничто так не освежает мышления, как искры юмора и дружный хохот.

Золотые времена!

В 1993 году он неожиданно стал хозяином еще целой кучи предприятий под общим названием «Параскева». Но эта история всплывет сама в свой черед.

... Странное дело! На Селигере, краю озер и лесов, в полубезлюдном частном пансионате Алекс ждал свою женщину. *Его* женщина должна быть слегка старше него, царственно-независима, изыскана и современна... Дипломат по образованию, философствующий востоковед, он ждал свою *Женщину*, ровно ничего не предпринимая для этого. «Сиди и раскрывай свои лепестки, пчелы слетятся сами»... Сближение с Валентиной происходило медленно. На Селигере они едва перемолвились двумя-тремя словами, зато в Москве встретились тепло и непринужденно.

но. Усмешка в глазах его растаяла, он понял, это — она. Как и то, что эту женщину придется завоевывать каждый раз.

— О`кей! — сказал Виктор в телефонную трубку, записывая адрес фирмы. — Завтра к десяти утра я у вас. До встречи.

И, довольный собой, прошелся по «сцене». Подергал «занавес» на окне, понюхал герани и оглядел присутствующих. «Зал» был на месте. Отсутствовала лишь Екатерина Дмитриевна, недавно произведенная в менеджеры. Теперь она пропадала на фирмах вместе со своими подопечными и уже заключила, счастливая старушка, несколько договоров. Но бог с ней! Виктору не терпелось развить на публике свои мысли, пришедшие в голову сию минуту, и услышать те, что придут при их изложении ему или другим, поскольку беседа умных людей сама по себе есть саморазвивающееся действие, способное к выходу на новые уровни образов и идей. Молчать — вредно! Надо иметь круг друзей, чтобы высказываться, не заботясь о предлоге.

— Вот... — начал он, — если спросить человека о его потаенной мечте, что ответит правдивый? Голубая мечта — кайф на островах. Прямо ли, косвенно, но все желания сводятся к блаженному безделью. Заработать и балдеть. Кто-нибудь против?

— А как же театр? — улыбнулась Агнесса.

Она была очень элегантна в белой блузе и черной короткой юбке; сочетались оба цвета в шелковом банте в черно-белую полосу, завязанном на груди у низкого выреза.

— Театр — это развлечение, — ответил Виктор, — это — когда надоест. Как и музыка, книги, даже любовь. В начале начал лежит богоравное бездействие зародыша, сохраняемое в глубинах памяти. К нему-то и стекает человек тысячью ручейков в течение всей своей жизни. Какие идеи?

На эти слова неожиданно возразил почти всегда молчаливый Максим Петрович. Он обернулся от компьютера и произнес с мягкой улыбкой, осветившей его некрасивое лицо.

— С вашего разрешения, простите, должен возразить, что в это суждение вкралась неточность. В глубинной памяти человека, действительно, сохраняется некая память. Однако не о без-

действию. Напротив! Это ликование зарождающейся жизни, торжество воплощения духа и космического света. Именно они озаряют человека врожденной радостью, а вовсе не память о неподвижности.

— Артисты не всегда сильны в точных знаниях, — съязвил Юра.

Виктор изогнул губы.

— Может быть. И все же, будь у нас деньги, мы бы здесь не сидели. Именно это я и хотел сказать. Есть возражения?

Агнесса привычно покачалась на откинутах стуле и негромко прочитала нечто стихотворное.

Предел всех стремлений, трудов и волнений
О, наконец-то, покой беззаботный!...
Сом лупоглазый в тине болотной.

— Это чье? — спросил Виктор.

Она неопределенно улыбнулась.

В эту минуту дверь распахнулась. Взволнованная, краснощекая Екатерина Дмитриевна с мокрым зонтом и в таком же мокром плаще, ворвалась в комнату и страстно заговорила с порога, снимая и встряхивая плащ и зонт.

— Ах, какой глупый случай произошел с нами на фирме! Подумать только! Ах, какая осечка! Ах, ах, никогда себе не прощу!...

Овладев вниманием, она развесила одежду на вешалке, вымыла руки и встала поближе к директорскому кабинету.

— Ну, значит, сидим на фирме, ведем переговоры с одним клиентом, русским «французом». Их тех, что когда-то уехал, сейчас вернулся, торгует косметикой парижских Домов. Пьем чай, договариваемся о целой рекламной компании для его парфюмерии, тысяч на двадцать долларов. Неплохо для моей начинающей девочки? Среди последнего набора есть такие таланты!... Ладно, обговорили сроки, объемы. Все готово Подписываем. И вдруг...

Она сделала многозначительную паузу, укоризненно покачала головой. Виктор чуть заметно улыбнулся.

— И вдруг я, балда, возьми да и спроси у него чисто по-матерински, как, мол, Эдинька, встретила вас родина? Я-то хотела как лучше...

— ... а получилось, как всегда, — перебил Юра известным, вмиг подхваченным высказыванием Черномырдина.

— Ну да, — не вникая, продолжала Екатерина Дмитриевна, — хотела показать новенькой девочке, как надо раскручивать клиента, а он... он как схватится за голову, чуть не слезами плачет. «Ой, плохо мне, плохо! Уеду, уеду! Зачем мне реклама, уеду, уеду!»... Вот так. Какая там рекламная компания... Насилу уговорили на несколько строчек. Вот незадача-то. Упустить такой договор! Сделку века! Своими руками... Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

После этого Екатерина Дмитриевна с сокрушенным видом уселась за свободный стол. Здесь, на старом месте, ей было уютнее, чем в комнате напротив, несмотря на хорошие деньги и должность малой правительницы.

Заслыша ее, из кабинета показалась Валентина.

— Всякое бывает, не печальтесь, — утешила она. — Наша Агнесса вчера одной фирме скидку дала в сорок пять процентов. Пожалела бедненьких.

— Им тоже нелегко, — спокойно посмотрела Агнесса.

Валентина величественно встала возле ее стола.

— Не переживай ты о них, дорогая моя! Раз существуют, да в рекламу идут, значит, деньги у них есть, не пекись и не волнуйся. Ты вот одна на семью пашешь, а у них сколько народу? Наскребут как-нибудь и без твоей помощи.

Валентина разогналась было на строгое внушение, но Агнесса как-то не схватывалась, словно исчезла для нее с некоторых пор. Вот она, здесь, а не ухватишь. Что за странность?

— Если всех жалеть, по миру пойдешь, — заключила она, заглушая тревогу. — Эмоции надо оставлять дома, в бизнесе не место дамской чувствительности.

Виктор поднял указательный палец.

— Остерегайтесь первых побуждений, они всегда благородны.

— Золотые слова, — благодарно улыбнулась Валентина. — Кто это сказал?

— Талейран.

— А кому? Наполеону?

— Как бы он посмел?! Фуше.

Шурочка смотрела на Виктора с восхищением.

— Какой ты умный, Витя!

— Аж противно, — добавил Юра.

— Что, что? — негромко переспросил Виктор.

Стало тихо.

— Что слышал...

— За такие слова...

— Морду бьют? Я и не то скажу. Ты не артист, ты попугай, у тебя за душой ничего своего нет. Ну, ударь, ударь! Получишь!

Виктор угрожающе поднялся, сделал шаг в его сторону. Женщины взвизгнули.

— Вы что, вы что! С ума сошли? Витя! Юра! Успокойтесь!

Екатерина Дмитриевна схватила юношу в охапку, вытолкала за дверь и ушла вместе с ним. Валентина стояла бледная, как полотно.

— Стыдно, Виктор! Или мало крови вокруг?

— Он сам напрашивался, я не виноват.

— Кто умнее, тот и виноват.

На следующий день пошел ранний октябрьский снег. Хрупкая белизна покрыла тротуары, выступы домов, неопавшую листву на деревьях, совсем по-зимнему обозначила трещины на асфальте, черные незаметные плечи и рисунки автомобильных шин. В воздухе сквозила свежесть и бодрость, необходимые для первой охоты.

Виктор подходил к невысокому особнячку шоколадного цвета. «Банк «Классикъ» было начертано литыми золотыми буквами, и также ясно отсвечивала золотом массивная дверная ручка. Но удлиненные окна с выпуклыми продольными обводами вдоль по фасаду, подчеркнутыми слоем снега, напоминали сейчас греческую трагическую маску, а сам трехэтажный домик, зажа-

тый между высотными великанами, был похож на скорбного африканского пигмея.

«Идиоты, — прищурился Виктор. — Я бы такому банку и копейки не доверил».

Пропуск ожидал его. Через минуту, взлетев через ступеньки на второй этаж, он толкнул дверь в кабинет с табличкой «Связь с общественностью». В тесноватом кабинете стояли два стола. Дальний был пуст, из-за ближнего поднялся навстречу лысоватый мужчина неопределенных лет, за тридцать или больше, в сером костюме, и протянул руку. Она была мягкая и влажная. Виктору захотелось достать платок.

— Вы пригласили меня, чтобы... — начал он известными словами.

— Да, да, — сбивчиво заговорил чиновник, — мы бы хотели дать рекламу, но я не знаю, когда именно. Все как-то не доходит... Дней через десять утвердят бюджет на следующий год, тогда мы определимся. Я сам ничего не решаю, как скажут, так и делаю, — он словно извинялся и просил Виктора скорее разобраться, с кем тот имеет дело.

И Виктор разобрался: с шестеркой, мелкой рыбешкой среди акул банковского бизнеса, раз и навсегда испугавшимся человеком, который боится лишний раз поднять голову, чтобы не засветиться перед начальством.

«Я теряю время»- Виктор поиграл желваками.

— Вот, — продолжал тот, — сказали, сделай папки, я заказал. Разве плохо? Вот логотип, фирменный знак, все в цвете. Смотрите, как красиво. А им не нравится. И я виноват. Возьмите себе, пригодится.

— Вы не боитесь упустить шанс? — перебил Виктор. — Именно сейчас, когда банки средней руки кинулись в газетную рекламу, словно стая волков? Видели бы вы эти полосы, эти целые газетные страницы!

— В самом деле? Я не знал. С чем это связано?

— По большому счету, с правительственным кризисом, положением в стране, шаткостью валютного курса... — Виктор рубил и бросал горстями, как Цицерон.

— Но мы банк продовольственный, наши учредители работают на отечественном рынке и не подвержены...

— Все мы в одной лодке.

Тот словно покрылся серой пылью, встал и забегал по кабинету.

— Какие объемы они берут? Долларов на сто пятьдесят?

— Я же сказал, заказывают чуть не развороты, но, в среднем, не менее четверти газетной полосы за две с половиной тысячи долларов, четыре публикации подряд. Четырехкратное появление — закон для газеты, вы должны знать об этом.

Заготовка, заполненный бланк договора на такой объем уже лежал в его дипломате. На меньшее он не согласен, его унижают мелочи на двести долларов, с которыми носятся бабешки в агентстве!

Чиновник отрицательно потряс головой.

— Это невозможно! Десять тысяч! Таких денег мне не подпишут, — он придвинул к себе прайс-лист с расценками. — Мы закажем прямоугольнички величиной со спичечный коробок по двести долларов. Четыре раза, согласен.

Виктор молчал. Он сидел с каменным лицом и держал паузу. «Не пережать бы»- отслеживал одновременно. Серый человек стал еще пылее. Не хотел бы Виктор оказаться на его месте! Но раз тот держится за свое кресло, пусть отвечает за связи с общественностью на полную катушку. Эмоции надо оставлять дома.

— Значит, договорились, — заискивающе улыбнулся тот. — Четыре раза по одной шестидесятичетвертой части газетного листа. А что? Славная реклама, все видно.

— Управляющий вас не поймет, — нанес Виктор прямой удар. — Такой солидный банк и какой-то спичечный коробок...

— Полагаете? — потерялся тот, — что же делать?

И с перепугу, как храбрый заяц, соединился по телефону с секретарем. Из разговора Виктор понял, что управляющий — женщина.

Тот положил трубку.

— Пойдемте вместе, а? — бедняга стал просто жалок.

— Охотно. Она — красивая баба?

— Ух! Спросите что-нибудь полегче.

Они вышли в коридор, стали подниматься на третий этаж. Виктор отключился, прикрыл глаза... Через порог сановного кабинета он переступил стремительно и страстно, как Дон-Жуан и Наполеон в одном лице. Талант везде талант! Эту премьеру он играл за металл. Женщина слушала его молча, не прерывая, и словно пила отравленное вино его слов. Это была полноватая, прекрасно-ухоженная дама с умным, почти мужским лицом. Не давая опомниться, он подвинул ей заполненный договор. Ее перо нацелилось в уголок для подписи.

— А если я хочу скидку в одиннадцать процентов? — медленно проговорила она.

— Я дал десять.

— А мне нужно одиннадцать, — она защищалась от него вздорной прихотью.

И тогда он скупым движением извлек из кармана бумажник, вынул стодолларовую, заветную, последнюю свою, купюру и бросил на стол, словно козырного туза.

— Одиннадцатый процент! Подпись!

Она расписалась на договоре, и откинулась в кресле. Ее глаза, умело обведенные тенями, смотрели на него с неподдельным восхищением.

— Переходите к нам работать, — неожиданно предложила она. — Вы далеко пойдете. Нам такие нужны.

— Нам тоже, — кивнул он. — Но подумаю.

— Деньги получите в бухгалтерии. Наличными, в долларах. Расписки не надо.

Минут через сорок Виктор стоял перед Валентиной.

— Вы взяли банк? — всплеснула она руками. Порывисто поднялась, поцеловала его в щеку и стерла душистым платком след от губной помады. — Как вам это удалось? Расскажите, поделитесь.

Виктор поднял брови и любимым движением словно бы снял пенсне с переносицы.

— Не понял. Разве здесь пионерский отряд?

Она задержала на нем смеющийся взгляд и не вслух, про себя ответила что-то. С ощущением этого ответа спустился он вниз по темной лестнице в бухгалтерию, сдал деньги Люсе, получил свои тысячу с лишним баксов, и все это не упуская внутренней волны ее смеющегося взгляда. Вышел на улицу. «Что, что она сказала? Что?... А, вот, — и чуть не хлопнул себя по лбу. — «Дурак ты, братец, пошлый дурак!» - вот ее слова. Проклятье! О, tempora, o, mores! Она права. Держать в руках целое состояние и все отдать чужой тётё! Чем не дурак?

Он свернул из переулка за угол на Лубянку, пошел вдоль строгих массивных домов. Лубянка, да. С подвалами, где бесследно сгинул его родственник, брат деда по матери, талантливый литератор из акмеистов, друг Гумилева, Ахматовой...

Но прочь, прочь. Мертвых в землю, живых за стол. Как дотянуться до денег? Думай, Витька, думай. Ниточка в руках уже есть, волшебное слово *сезам*, оно же *Грач*. Ход нужен. Нужен выигрышный ход!

В тот же вечер он повел Шурочку в артистическое кафе. Шурочка была очень хороша в зеленом вязаном платье с открытым вырезом без воротника, с ожерельем из янтаря, подаренным ей Виктором. В магазине, где состоялась эта покупка, ей приглянулась еще и крупная янтарная брошь, отменная, с необереженным доисторическим комариком внутри янтаря, даже не слишком дорогая, но Виктор решил не баловать подругу.

В кафе они уселись за его любимый столик близ музыкантов. Тут же объявились знакомые. К ним подсели.

— О, Витек, да ты при деньгах! Молодец, не теряешься, — друзья целовали ручку его даме и придвигались к столу.

Поначалу Шурочка робела, но только до первой рюмки. Ее рыжие кудри, приподнятые над белой шейкой, тоже привлекли внимание. В зале оказались тонкие ценители женских прелестей, они тоже подходили к ним, чокались с Шурочкой, чмокали в ручку, в щечку. Это было в порядке вещей.

Увидя друга, подсел и Толик. С того памятного гадания и глупой драки они не встречались, поэтому никто в «Артистическом» не знал, где Виктор и что. Толику по-прежнему мечталось

взяться за что-то свое, и по-прежнему было не с чем подступиться к «делу жизни». Это стало для него навязчивой идеей, мучительной, как головная боль.

— Дело открыл, Витька? — жадно поинтересовался он.

— Пока нет — небрежно ответил тот на его завистливый вопрос. — Но подумываю.

Толик кивнул.

— Но капитал-то начальный, я смотрю, заимел? Тогда двигай, не бойся. Я бы хоть сейчас начал, во сне вижу, чем нужно заниматься, а денег нет. Так закрутить можно, всем жарко станет! Ей богу!

— Бодливой корове бог рог не дает! — засмеялись за столом.

Толик вспыхнул.

— Я еще покажу, дает или не дает! Мне много не нужно. Я не в бумажки играть, не штаны протирать. Я у себя в деревеньке цех валяльный куплю да завалю валенками полстраны. Синими, красными, зелеными... бери — не хочу, — Толик воодушевился, положил руку на плечо друга. — Слушай, Витек, возьми меня в содельники! Ей-богу, не прогадаешь. Ты знаешь, как я могу вкалывать. Наживем капитал, и я отвалю, мешать не буду, ей-богу. Подумай, а?

Виктор молчал. Он ждал, когда они скажут. Сказали. Наташка Романцева и Венька поженились на прошлой неделе. Он поднялся, вышел из зала, свернул в туалет. Закрылся, со стоном вжал лицо в ладони. Постоял. Потом умылся. Глядя в глаза, причесался перед зеркалом. И вдруг сделал фехтовальный выпад.

— Ап!

И брезгливо «вытер шпагу».

Покачался на носках, скрестив на груди руки. Вскинул голову, посмотрел с прищуром и будто издалека.

— «Зачем я жил? На что растратил дни?

Созданию брэнному я поклоняться мог..."

Наконец, глубоко вздохнул и уничтожающе окинул взглядом свое изображение.

— «О, жалкий прах! Ты смеешь

Считать себя несчастным?"

Ха-ха-ха!

Вскоре они ушли. Снег давно растаял, тротуары блестели от влаги, и в них, как в черных зеркалах, отражались огни фонарей и проносящихся автомобилей. На клумбах Тверского бульвара зябко доцветали последние хризантемы, на них падали редкие, тоже последние, листья, прочерчивая в темном воздухе зыбкие мгновенные следы.

— Мне понравились твои друзья, — говорила Шурочка. — Они все артисты? Это высшее общество? Ну, скажи, что ты молчишь, Витя?

Виктор безмолвствовал. Мысль ожесточенно искала ход. Вдвоем с Толиком... нет, пусть один Толик. Так. «Каскад» не обедняет. Зато он разбогатеет и отомстит сразу всем! Всем, кто его оскорблял! Ха! Он станет спонсором «Белой звезды»! Во-от! Отличный ход. Погодите, Веничка-Наташенька, вы еще попрыгаете через веревочку! Никто не смеет пренебрегать им, Виктором Селезневым!

Он рассмеялся.

— Что? — посмотрела Шурочка.

— Замечательный вечер, не правда ли? — он поцеловал ее в губки. — Поехали домой, кошечка.

Музей народного творчества занимал оба крыла богатого старинного особняка, широкой полудугой развернутого к дороге; затейливая чугунная решетка и каменные ворота с белыми львами по бокам соединяли строения в одну усадьбу. Центральное здание имело три этажа и главный подъезд с портиком и колоннами, между высокими окнами бельэтажа красовались мраморные скульптуры, гербы и виньетки, окна третьего этажа были небольшими, с округленными сводами. Длинные, изогнутые боковые крылья выглядели более просто: двухэтажные, многооконные, выкрашенные в желтый, с белыми просветами, цвет.

Через главный вход посетителей не пускали. Здесь любовно сохранялась прежняя дворянская обстановка, утаиваемая от праздного любопытства. Но Агнесса, свой человек в музее, хо-

дила по залам беспрепятственно, сдав в гарбероб пальто и сумку. Сегодня она также поднялась на второй этаж мимо сидящей внизу, у парадной лестницы, смотрительницы. Знакомая пышность анфиладных залов встретила ее обычной сумрачной прохладой. Лишь однажды вместе с Дашей, искусствоведом музея, они упростили зажечь тяжелые многосвечные бронзовые люстры, снять чехлы с бархатных диванов и полированных, отделанных драгоценностями, ампирных столов. Как ожили эти стены! Как живо проглянули картины из золоченых пышных рам, живописная роспись потолков, шпалеры с ткаными рыцарями, пасторальными лужайками и цветами!

Агнесса медленно шла по навощенному паркету.

Князя Щербатовы, наверняка, бывали здесь, сживали среди гостей на пунцовом бархате кресел, обедали с золоченых тарелок сервиза, подаренного хозяину самой императрицей. О чем беседовала здесь юная прабабушка, стоя у камина с мраморным бюстом Вольтера, допустим, в 1900 году? На портрете с этой датой в семейном альбоме она сфотографирована у драпировки в белом кисейном платье, в цветах в волосах, с мягким доверием к жизни на прекрасном русском лице и таких живых глазах! О чем она думала, почему не уехала за границу, потеряв мужа в первую мировую войну?

Глубоко вздохнув, Агнесса спустилась по боковой лестнице, прихватила пальто и сумку и по коридорам первого этажа заспешила в левое крыло.

Здесь в освещенных залах, объединенных в общее пространство, стояли манекены, одетые в русские костюмы, в витринах за стеклом висели подлинные старинные вещи, повсюду виднелись прялки, сундуки, коромысла, даже колеса, конская сбруя, потемневшие резные наличники. В дальнем конце располагалась коллекция современных ремесел.

Навстречу ей из кабинета вышла Дарья.

— Привет, — с удовольствием улыбнулась она, — чем порадуешь? Пойдем ко мне. Заодно и чайку попьем.

В кабинете этом была когда-то приемная для необходимых деловых встреч. Отлично сохранились ниши для канцелярских и архивных шкафов, строгая лепнина в виде шахматного орнамен-

та на потолке, прекрасный паркет и даже белые оконные рамы с бронзовыми шпингалетами. И, разумеется, мраморный камин, с тех пор, по-видимому, и не топлённый.

Агнесса раскинула по столу и стульям женскую одежду Курской губернии восемнадцатого века, нарядные справы, украшенные цветным лоскутом, кружевными вставками, жемчугом и бисером, восстановленные по рисункам и гравюрам раннего классицизма, когда русские художники, словно спохватившись, принялись изучать сокровища родной культуры. Не спеша, со вкусом и знанием дела искусствовед принялась рассматривать их с лица и с изнанки, каждый стежок-узелок, каждые прошвочку и шовчик, щупать и глядеть на свет домотканую рядинку от ручных ткачей из прикладных мастерских, сравнивать со старинной гравюрой.

Маленькие бриллианты в ее ушах искрились цветными огнями.

— Ты растешь, — сказала, наконец. — Дивная редкостная работа. Не пора ли браться за диссертацию?

Агнесса вздохнула.

— Рада бы в рай, да грехи не пускают.

Даша понимающе кивнула.

— Кстати, о деньгах. Весной будет выставка-продажа изделий ручной работы, приедут ценители, иностранцы. Если заранее подготовиться, можно неплохо подзаработать. А эти вещи мы, конечно, покупаем, но недорого и за рубли. Согласна?

Она расплатилась, попросила Агнессу расписаться на корешке расходного ордера. Чай на приставном столике был давно согрет и заварен.

— У нас к чаю новый вид пряников, с повидлом внутри, маленьких, как орешки. Объедение. Садись, почирикаем.

Но Агнесса с сожалением отказалась. На четырнадцать часов была назначена встреча, на которую не хотелось бы опоздать, несмотря на самые туманные надежды.

Даша проводила ее до самой двери.

— Ты все еще в рекламе?

— Пока да. А что?

— Человечка одного надо пристроить.

— Не тебя ли? — Агнесса улыбнулась.

— Дочку моей приятельницы.

— Если очень молоденькая, не смогу. Клиенты не доверяют.

— Двадцать один год. Окончила консерваторию по классу арфы, лауреат конкурсов, не девочка, а золото.

— И такой талант сидит без работы? Не поверю.

Дарья вздохнула, искры в ее ушах вспыхнули и качнулись.

— Там беда. Судьба посмеялась над бедной девочкой, посадила на середину лица, прямо на нос, ужасную штуку. Прохожие на улице и те отворачиваются, что же говорить о концертах, о зрителях! Семья небогатая, порядочная. О девчоночке и говорить нечего, такая умница, что сердце за нее болит. Возьмешь?

— Пусть приходит, что-нибудь придумаем. С лица воду не пить, да и по телефону не видно. У нас как раз освободилось местечко. Екатерина Дмитриевна ушла менеджером в другую комнату.

— Это повышение?

— Для нее — конечно.

— А для тебя?

— А для меня гражданская казнь. Как зовут твою протезе?

— Лада.

По Садовой-Черногрязской дул сквозной сильный ветер, темные тучи стелились над крышами домов и дышали сыростью. Пройдя между каменными львами, Агнесса свернула направо, через переулок, к остановке, удачно вскочила в троллейбус, словно бы ее поджидавший. И вскоре спускалась по длинному эскалатору в самую красивую станцию московского метро Маяковскую.

Она всегда любовалась этим совершенством. По длинному залу, украшенному с обеих сторон округло-арочными серебрястыми колоннами, можно идти долго-долго, по светлому полу, выбрав продольную коралловую полосу в сопровождении двух серых. Нижняя часть колонн отделана пурпурным родонитом, собранным из кусочков. Поэтому кое-где этих кусочков уже не хватает, как не хватает камней у Парфенона... Можно запроки-

нуть голову, как делают дети и простодушные непонятные иностранцы, и тогда видишь освещенные ниши-беседки, выложенные яркими свежими фресками с изображением цветущих яблонь, аэропланов, парашютистов. Более радостного и вдохновенного зодчества в Москве до сих пор так и нет, и недаром именно эта станция удостоилась первой премии на международной выставке в Париже в тридцатых годах.

... Фирма, на которую она ехала, была потеряна еще в начале сентября. Первый раз Агнесса позвонила в немецкое представительство еще в августе, в пору наивных первичных обзвонов, потом еще и еще раз, каждый раз впустую, потом забыла о ней, занятая юбилейными публикациями. К юбилею Москвы, всего за полтора месяца Агнессе удалось заключить пять прекрасных договоров по целой странице, обзвонив служебный справочник, подаренный ей первыми клиентами, хитрецами-строителями. Это были хорошие деньги даже при щедрых скидках, за которые ей доставалось от Валентины. Но в октябре юбилейный пик миновал, желающих покрасоваться за собственный счет поубавилось, и пришлось вернуться к старым спискам. Деятельность немецкого представительства обнимала производство нефтепродуктов и поставки спиртовых заводов под ключ, малоинтересные для читателей «Городской нови». Она и позвонила-то главе представительства господину Кофману из вежливости, и поздравила немца с русской зимой. Снег растаял еще вчера, но приглашение на переговоры Агнесса зачем-то получила.

— Приезжайте, — рассмеялся он. — Мы созрели для вашей газеты.

Выйдя из метро на Октябрьской, она свернула направо за угол к узкому многоэтажному зданию офисного типа, высокому, отделанному мелкой белой плиточкой и потому чистому и блестящему.

После беглого взгляда в ее паспорт, скучающая охрана направила Агнессу к лифту. В полутемной кабинке она нажала цифру четырнадцать, и с легким обморочным ускорением взлетела на этаж.

Высокий мужчина вышел на середину кабинета, протянул ей руку. Они уселись в кресла, обменялись визитками. Секретарь

внесла кофе и печенье, уместила все на низком журнальном столике.

Агнесса с удовольствием осмотрелась.

— Прекрасная картина! — похвалила искренне. — Это Брейгель?

Кофман польщенно улыбнулся.

— Это его современник Карлейль.

— Очень хорошая копия.

Она отведала кофе, и открыто посмотрела на хозяина.

— Деятельность вашего представительства столь многогранна, что мне не терпится узнать, о чем будет наша публикация?

Он улыбнулся еще шире, показав ровные вставные зубы.

— О, да, мы известны во всем мире. Гм... мое имя Роберт, разрешите также называть вас по имени? Это привычнее и короче.

— Буду рада, Роберт.

— Скажите, Агнесса, часто ли вы отчищаете ваши кастрюли до блеска?

Он рассчитывал застать ее врасплох неожиданным вопросом. Сделав удивленные глаза, Агнесса подыграла хозяину кабинета, доставив ему истинное удовольствие.

— Не смущайтесь. Все так, все хозяйки мира. В нашей статье мы поговорим о посуде. Наши производители нашли способ избавить женщин от... как это по-русски? Когда ругаешь себя за лень?

— От угрызений совести.

— Да! Наша посуда всегда имеет прекрасный вид. Взгляните.

Он потянулся и открыл стенной шкаф. Кухонная утварь весело заблестела при свете дня.

— От пригорания внутри мы защищаемся напылением, это общеизвестно, зато снаружи...

— .. вы придумали нечто небывалое, — поняла она уловку домовитых немцев.

— У вас быстрый ум, Агнесса. Да, вы правы, не-бы-ва-лое. Наружная эмаль от верхнего ободка до середины стенки покрыта

рисунком в виде пятен и подтеков, будто бы от сбежавшего молока. Хозяйке остается доделать остальное, то есть закоптить дно и нижнюю половину, чтобы сотворить шедевр собственными руками.

Агнесса рассмеялась.

— Замечательно! Ручаюсь, что нашим хозяйкам ваши разработки придутся по душе.

Он привстал и в знак признательности пожал ей руку.

— Очень рад. С вами приятно иметь дело.

— А мне следует похвалить ваш «русский», — нашла Агнесса с ответной любезностью. — Вы говорите почти без акцента.

— Я польщен, — он наклонил голову.

После этого, допив кофе, Агнесса перешла к делу.

— Ваш рассказ, Роберт, настолько хорош, что его можно изложить в виде серии статей в рубрике «Моя кухня».

Такой рубрики в газете никогда не было, но, без сомнения, Валентина предпримет все возможное, расшибется в лепешку, как говорится, чтобы открыть ее, как только зазвенит немецкое золото.

— Здравая мысль, — оценил Роберт. — Сколько подобных статей готова предоставить ваша газета, и входят ли услуги журналиста в стоимость рекламы?

Они определили объемы, обговорили условия, перешли к расчетам.

— Я начинаю работать при скидке в пятьдесят процентов, — вбросил немец пробный шар.

Агнесса давно перешагнула через стеснение и неловкость при обсуждении денежных величин и торговалась легко и внимательно, без азарта, подобно ведущему «Поля чудес».

— Невозможно, — с сердечной улыбкой возразила она. — Пятнадцать процентов.

— Тридцать, — уступил немец.

— Двадцать и это предел, — вздохнула она.

— Сойдемся на двадцати пяти, о`кей?

— О`кей.

Роберт Кофман подписал очень хороший договор и, как все иностранцы, расплатился наличными без расписки. Пора было уходить, но Агнесса медлила.

— Роберт, можно ли мне о чем-то попросить вас?

— С удовольствием, Агнесса.

— У великого Гете есть стихотворение, которое я мечтаю услышать в подлиннике. Он создал его, не дыша, в состоянии священного вдохновения. В переводе это теряется, даже у Лермонтова.

Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой,
Не пылит дорога,
Не дрожат листы,
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Не могли бы вы прочитать его по-немецки?

Он слушал ее с широко открытыми глазами. Потом набрал воздуха и сконфуженно признался.

— Я ... я не знаю этого стихотворения Гете. Должно быть, когда его проходили в школе, я болел.

Смеясь, они направились к двери. На ходу он вложил кастрюлю с крышкой в большой пакет и вручил Агнессе.

— Я поражен, — он проводил ее к лифту, склонился и поцеловал руку. — Вы любите театр? Балет Большого?

Мило отшутившись, она скользнула в открывшиеся дверцы. Бог с ним, с командированным мужчиной, везде они одинаковы.

Алекса тоже заинтересовал глава «Представительства...» Роберт Кофман. В область интересов собственных предприятий Алекса входили и спиртовые заводы, и нефтепродукты, равно как и легальная связь с зарубежьем. Через своих людей Алекс предложил Роберту встречу и приехал на Октябрьскую.

Они понравились друг другу.

Вторая встреча, совместный обед, происходила в ресторане «Зубр», у Алекса. Конечно, Роберту об этом не сказали. Беседа шла легко, дружески, лишь изредка и будто случайно касаясь объемов и размещения строителей в нужных Алексу регионах. Светлое вино разливал сам метрдотель, он же принес на блюде молодую стерлядь, которую дорогой гость минут сорок назад сам же и выбрал в хрустальном бассейне с фонтанчиком посредине. Не так-то прост оказался и Роберт Кофман! Алекс включил свои «уловители», как называл он тончайшую способность ощущать рождение чужой мысли, слышать «подсловие и засловие» в произносимых речах, входить в состояние души собеседника, и с безмолвным извинением прощупал того по двум-трем уровням. Получалось, что немец доверял собеседнику, но опасался подвоха и держался настороже, хотя твердо решил свое участие в выгодном бизнесе не продешевить, но и риска не допустить ни малейшего. Так, почти без слов, на полунамеках удалось достичь взаимопонимания. Вино было выпито, официант подал кофе и мороженое.

— А скажите, Алекс, эта милая женщина, Агнесса, от вас работает?

— Агнесса? Не знаком. А что?

Все-таки она подействовала, кристальная струя Токая!

— Она — одно из таинств вашей страны, — разнеженно произнес Роберт. — Гете! Я, немец, не знаю его стихов, а она мечтает услышать в подлиннике!

— Каких стихов? — Алекс улыбнулся.

— Горные вершины, долины...

— А-а, — Алекс понял, о чем шла речь.

Этот лермонтовский перевод из Гете был известен и пелся у костра еще в пионерские времена его матери. Потом она пела ему на сон грядущий, как колыбельную, по-русски и по-немецки.

Алекс развеселился.

» Получай, сентиментальный романтик», — и выразительно прочел стихотворение по-немецки.

Über allen Gipfeln

ist Ruh.

In allen Wipfeln

spurest du kaum einen Hauch.
 Die Voglein schweigen im Walde,
 warte nur, balde
 ruhest du auch.

Роберт слушал, замерев. Сглотнул, развел руками и рассмеялся.

И другой сигнал из «Каскада» показался Алексу значительным, если не сказать большего. Подобных подсказок на грубом уровне прямого текста Алекс пропустить не имел права.

Они бродили с Валентиной вдвоем по лесу, усыпанному листвой, уже пожухшей, потерявшей золотую свежесть, присыпанную нетающим лесным снежком, и все равно чистой, пахнущую зрелой осенью. Здесь, в Аникеевке, имелся опрятный лесной домик, в который изредка съезжались работнички из «Параскевы» для мелких охотничьих и рыбацких забав, доброй русской баньки и пьянки за глухим забором. Домик, разумеется, охранялся, имел современную связь, дорога к нему, старательно равняемая на ухабах и вмятинах, казалась неприметной, будто мелкая случайная колея в лесной чаще.

В прохладных сумерках осеннего леса Валентина с наслаждением шла по листве, одетая в легкую итальянскую шубу. Левая рука ее была глубоко, до локтя, засунута в правый рукав, а правой рукой она с нежностью поглаживала драгоценную застежку, с помощью которой был собран пышный воротник шубы. Нет, никогда не брала она Алекса под руку, не висела на его локте, и не сразу согласилась на ночь в Аникеевке...

Но он предчувствовал эту ночь, и ее, свою *женщину*.

— Дивное место, Алекс!

— Я счастлив, что тебе нравится.

— Да. Но знаешь... Днем, в суете, в рабочем азарте я о тебе почти не вспоминаю. Не обижаешься?

Он улыбнулся.

— У вас с бизнесом — первая любовь, а у меня за плечами одного Интернета десять лет. Все правильно. Но у меня просьба. Повтори, если не трудно, «Притчу о мудреце», — произнес он.

— Заинтересовало? — удивилась Валентина. — Ты вроде моей Агнессы. Ей тоже подавай высший смысл в любых мелочах.

— Агнесса? Я слышал это имя от Роберта Кофмана.

— Она с ним работает. Открыла «Уголок хозяйки» в газете, пригласила знатоков, все счастливы: о кастрюлях, о сковородках, то-то смысла везде!

Алекс молчал, удивленный всплеском соперничества в ее голосе. «Непросто быть женщиной»- усмехнулся он.

Выговорившись, Валентина поцеловала его в щеку за долготерпение и в награду повторила сценку в агентстве.

— Мои сотрудники, — закончила она, — удивились не столько тому, что его *дело* поднялось и расцвело, сколько тому, как легко он, мужчина в расцвете лет, мог выйти из бизнеса, как ни в чем не бывало, оставить, будто игрушку... Пусть даже сыновьям. По моим впечатлениям, бизнес захватывает всю тебя целиком, время, мысли, творчество. Иначе не получится ничего. Разве не так?

Подняв голову, Алекс смотрел на прозрачные верхушки лип и берез, на зеленые сосны и ели.

— Когда он начал? К тридцати, видно, раз дети подрастали. За пять лет преуспел и разобрался, понял, что это — обгладывающая суета. Или сразу знал, на что идет? Знал, знал, сам же сказал!

— Алекс! — с укоризной повернула лицо Валентина, необычайно выразительное в сумерках. — Ведь это вымысел, пустые слова!

Алекс обнял ее, пушистую, в легкой шубе, покрыв лицо поцелуями. Вдохнул. Они медленно направились к крыльцу. В пустом домике мерцал огонек, над крышей вился дымок. Там ждал ужин и ночлег. Сторож с собакой жили отдельно, в теплой сторожке в ближнем к воротам углу забора.

— Это не вымысел, Валюша, это бродячий сюжет, — говорил Алекс мягко и грустно. — Он принадлежит всему человечеству, и каждый слышит, насколько открыт. Для меня это не притча. Это зов.

Становилось совсем темно.

К удивлению Виктора, Толик схватил все на лету, с полуслова. Они сидели в квартире Виктора, не выключая света в ненастный день. Выпивали, но понемногу, мелкими рюмками под соленые шурочкины грибочки-огурчики-помидорчики. За окном частил серый осенний дождь, висели темные облака, а здесь, в Кулаковом переулке, в тепле маленькой кухни шла разработка серьезной операции. И не одной. Разговор велся в открытую. В деньгах нуждались оба. Виктор рассказал про Грача, про то, как это имя, произнесенное невнятным мужским голосом, без хлопот открывает железную дверь бухгалтерии. Главное, чтобы за дверью оказались наличные деньги.

— Об этом я позабочусь, — вникал в подробности Виктор. — В агентстве нет секретов друг от друга, все хвалятся удачей. И на планерках обычно поздравляют счастливых, заключивших крупные договора. К тому же все копии платежей от клиентов приходят по факсу, а он также стоит в моей комнате.

— Твоя директриса в своем уме? — посмотрел на него Толик. — Кому нужна такая прозрачность? Не догадывается, что ли?

— Она умная и чертовски красивая женщина. Валентина-Валькирия. Но тут у нее пунтик, ей кажется, что залог успеха именно в семейном доверии. Как в мафии, если вспомнить, что *мафия* — это *семья*. На всякого мудреца довольно простоты. На что мы ее и приколем. Самый большой куш будет у нас в кармане. Это уж моя забота.

Виктор поймал вилкой шляпку грибка и отправил в рот. Потом прошелся до входной двери и обратно, мимоходом перед зеркалом в прихожей поправил волосы, вновь стянул резиночной хвостик волос на затылке.

Толик молча следил за ним. Он развалился за столом у подоконника и потирал рукой нос, щеки, мясистый подбородок. На редких светлых волосах лежал отблеск красного абажура.

— А моя роль?

— Ты по моему знаку проходишь из вестибюля в темный коридор, делаешь «тук, тук-тук», и забираешь деньги оттуда, где они лежат.

— Весь риск на мне?

— А какие варианты? Мне идти?

Толик молчал.

— Подготовь маску на лицо и перчатки, чтобы не оставить никаких следов, — продолжал Виктор. — Но я уверен, что отпечатков искать никто не будет.

— А какую маску?

— Обычный чулок.

— Женский?

— Женский, — Виктор рассмеялся.

— Уй,... — Толик выругался.

— Ничего. Ради прекрасного будущего придется потерпеть. Знаешь, что такое настоящие деньги? Я уже держал их в руках, десять тысяч баксов. Приятное ощущение.

— Верю, — Толик хмыкнул.

Виктор тоже помолчал. Обоим думались одни и те же мысли. Вновь налили в мелкие рюмочки. Опрокинули. А хороша и шурочкина закуска!

— Можешь прийти в НИИ разок-другой для подготовки. Посмотреть. Прекрасное место. Темный коридор, вестибюль далеко. Тихо, запущено.

— Приду, посмотрю. Ей-богу.

— Главное, внезапность. Быстрота и натиск. Напугал и хваттай все, что есть. Она сама все отдаст, эта пигалица.

— Симпатичная?

— Местами.

— Мне жены хватает.

На этом первая часть отчуждения денег была принята.

За окном не унимался серый дождик. Под его струями блеснул зеленой черепицей причудливый новенький филиал ЛУКОЙЛа, выстроенный в переулке за эту осень. В него-то деньги вкладывали щедро: зеркальные окна, мелко-плитчатый, в елочку, тротуар, вокруг газонов полированный бордюрный гранит.

— Сволочи, — Виктор стиснул зубы, постоял, покачиваясь на носках, потом с внутренней силой произнес слова Макбета. — «Хоть я страшусь того, на что дерзаю»...

— Вот именно, — Толик нахмурился. — Раз весь страх и риск достается мне, то... Как договариваемся? Выручку пополам?

— Как пополам? Никаких пополам. Тебе четверть, мне остальное.

— Не согласен. Либо поровну, либо никак.

Виктору пришлось уступить. Они были нужны друг другу.

Толик оказался не так прост, как представлялось. Мало того, что он, глазом не моргнув, слупил половину выручки, так у него, к тому же, оказались два паспорта, оба с его фотографиями, свой и чужой в лиловой обложке на имя Деревянко Станислава Романовича. Откуда у артиста Госконцерта второй паспорт? Бог весть. Виктор не интересовался. А что вообще ему известно о человеке, с которым учился в театральном училище и теперь собирался идти на ... гм-гм... операцию? Самое общее. Толик был с Урала, в армии служил подводником, женился, родил двух сыновей. Вот, в сущности, и все.

Присутствие второго паспорта сразу придало делу солидный настрой. Теперь не грех было замахнуться и на денежный поток, что течет в «Каскад» через банки. Но как, как? Попробуй, тронь...

— Ну, давай подумаем, что у нас есть. Фальшивый паспорт, как прикрытия для ... чего? Как распорядиться удачей? Даешь мозговой штурм!

Сколько путей перебрали они! В каких обрывках барахтались! Ненастный день незаметно слился с вечером, а они так ни к чему и не вышли. Проклятье!

— Давай, включай телевизор, любую программу — Виктор гибко выскользнул из-за стола. — Надо отрубиться. Когда главное напряжение убрано, начинают звучать подголоски сознания. Главное, «не думать про обезьяну». Решение придет само по себе.

Толик лег на ковер, задрав ноги в носках на край тахты, подложив руки под голову. Виктора ожидало любимое кресло. После «Новостей» начался фильм, бесцеремонно прерываемый рекламой, во время которой приходилось срочно переключаться на другие каналы, чтобы не швырнуть в экран чем-то тяжелым. Потом вновь нажимать прежнюю кнопку пульта. Что-то, пол-

ное подобий и неявных сущностей, прошло через Виктора. Прошло и ушло, едва-едва схваченное.

Он замер, глядя на Толика с приоткрытым ртом.

— Что? — повернулся тот, почуяв какую-то перемену.

— Не мешай...

Наступила молчание. Толик с интересом смотрел на друга.

— Есть идея! — в расширенных глазах Виктора светился восторг. — Мы открываем собственную контору с тем же названием, — тихо проговорил он. — «Каскад», валка валенок. Ты любишь валенки? Вот и получай красные и зеленые. Главное, что «Каскад».

Толик быстро сел, поджав ноги.

— «Каскад»? А как же ...

— Сейчас обмозгуем. Выключай ящик.

И они принялись решать сложнейшую головоломку. Наверняка, в практике мировой аферы имеются мошенничества и похлеще того, что с чистого листа изобрели друзья в тот вечер. Блеснув умом, они выстроили такую многоходовку, которая и во сне не приснится законопослушным обывателям. Вот что такое мозговой штурм! Они заужавали самих себя, словно чемпионов мира. А дело-то было проще пареной репы. Когда убрали лишние навороты, обнаружилась прелестная комедия ошибок и недоразумений, достойная пера великого Мольера, а заодно и книги рекордов Гиннеса. Конечно, «Каскад» немного пострадает, но зато какое искусство! Блиц, да и только!

Довольные собой, они обменялись рукопожатием. Разлили по рюмочкам остатки и звонко чокнулись.

— За удачу!

И замолчали, испуганные серьезностью того, на что предстояло решиться. Может, отступить, пока не поздно?

— Тебе, друг, пора пьесы писать, — вздохнул Толик, удивленно подумав: «Зора-то как в воду глядела. Ей-богу».

— Напишем, — ухмыльнулся Виктор. — По большому счету, лучше делать и раскаиваться, чем не делать, и все равно раскаиваться.

— Недурно сказано. Чьи слова?

— Неважно. Главное, что в своем будущем я уверен.

— Тогда вперед.

Они хлопнули ладонью о ладонь друг друга и поднялись из-за стола.

— Братья-разбойники, — усмехнулся Виктор.

В окончательном виде их план включал два пути верного и безопасного обогащения: прямое нападение на кассу в ближайший удобный момент, и разворот на себя всего денежного потока, идущего в агентство через банки. Упор делался на внезапность и простоту со своей стороны и отвращение к вмешательству властей со стороны *клиента*.

Друзья расстались, готовые к «штурму и натиску», то бишь на языке уголовного кодекса, к разбою и ограблению. Впрочем, «лучше делать и раскаиваться, чем не делать и все равно раскаиваться!».

В один из дней позднего октября в комнате появилась Лада. Смотреть на девушку и впрямь было нелегко. Держалась она застенчиво, но как серьезный музыкант, работы не боялась, и голос у нее был хотя и негромкий, зато музыкальный, поставленный на открытое звучание. Первые звонки ее, как водится, были комом, что нисколько не смутило ее. Лада с усердием набивала все необходимые шишки.

— Добрый день! — она выбрала для подражания Агнессу. — Вас приветствует газета «Городская новь».

— Спасибо, не нужно, — там бросали трубку.

— Добрый день, вас приветствует газета...

— Наша фирма в ваших услугах не нуждается, — с туповатым торжеством отвечали секретарши.

С непривычки это было мучительно. Отказы, отказы, отказы.

Чтобы не зачеркивать одну за другой свои надежды, она стала писать напротив телефонного номера маленькое «нет». Вскоре весь лист покрылся отрицаниями, от которых сжималось сердце. Тогда она придумала делать пометки цветной ручкой, каждый день разного цвета, а вместо отказа рисовать цветочек. После этого на рабочих страницах расцвел майский луг. Юный

голос ее настраивал шутников на веселое знакомство, потому что «судя по голосу, у вас красивые ноги». Тем не менее, трудностей для нее как бы не существовало. Девушка умела работать. Еще бы! Ведь она по-прежнему занималась на арфе неукоснительные шесть часов в день, утром или вечером, или вразбивку.

Однажды ей ответил усталый солидный человек, в голосе которого отразился и его кабинет с видом на Москву-реку, и покойное кожаное кресло, и даже картина, висящая перед глазами в дорогой раме. Лада списала этот телефон из журнала «Деньги», и, не зная, как сложно работать банками, наивно потревожила своим звонком.

— Вас приветствует газета «Городская новь»! Мы с удовольствием рассмотрим возможность вашей публикации на страницах газеты.

— Нам этого не нужно, дорогая ... простите?

— Лада.

— ...дорогая Лада. Замечательно. Так вот, в нашем бюджете даже строки на рекламу нет.

— А как же полный разворот в журнале?

— Это юбилейное, семь лет со дня основания, нового основания после акционирования. При необходимости мы просто оплачивает расходы, и все. Поверьте, это так. Через нас проходит восемьдесят процентов всех денег страны. Представляете? Мы серые кардиналы, которые одни только и имеют настоящую власть и ни с кем ею не делятся.

— Но реклама необходима любому банку! — настаивала она. — Кто же будет о вас знать, если...

Слышно было, как человек тихонько рассмеялся.

— Вы прелесть, дорогая Лада. Жаль, что не могу вам помочь. Пусть мелкота, которая путается у нас под ногами, трезвонит о своей надежности. Для нас это излишне. Мы не работаем с физическими лицами.

— В статье сказано, что вы заинтересованы в частных вкладах, — не отступалась Лада, — что вы берете на счета вклады в рублях и валюте.

— Ну, да, берем, конечно. Это люди, которые... в общем, Лада, придется вас огорчить. Для вашей прекрасной газеты мы не подходим.

Лада опустила руки на стол. «Чем я занимаюсь? Как смею приставать к серьезным людям?» Захотелось музыки, Моцарта... Вздохнув, она набрала следующий номер.

— Алло, — отозвались там, и после ее вступления сказали. — Подождите. Переключаю на рекламный отдел.

В трубке зазвучала музыка, которой часто заполняется режим ожидания. И это был Моцарт, точное воспроизведение сухими механическими пальцами. Она поморщилась.

— Алло, — появился голос. — Газета «Городская новь»? Мы продаем онинги и маркизы. Как на ваш взгляд, ваших читателей заинтересуют наши предложения?

Лада замаялась.

— А что это такое?

— Как, вы даже не знаете? До свидания.

Шурочка наблюдала за нею. То, что за свободный стол села дурнушка, а не красотка из новой группы, устраивало ее. Она даже взялась покровительствовать Ладе, обучая маленьким хитростям, например, способу прохождения через секретарш, грудью закрывающих подходы к директорам.

— Сначала ты спроси, на кого рассчитан их товар, на очень богатых или на средний класс? Потом обрадуйся, что читатели газеты смогут о нем узнать и... в общем, дальше думай сама. И еще. Если генерального директора зовут по-русски, например, Иван Петрович, то настраивайся на разговор с мужчиной в возрасте. А если имя модное, вроде Виталий Геннадьевич, то не теряйся, это молодой. Кокетничай, мяукай, уводи в сторону, возвращайся. Води за нос, как хочешь, но получи приглашение на встречу. У себя в кабинете он просто так не отвертится, сделка, считай, в кармане, хоть на двести долларов.

Сама Шурочка уже нашла свою нишу. Ею оказалась медицина, множество лекарственных и лечебных центров, которые давали ей мелкую, но постоянную рекламу. Ее душе были внятны их заботы, круг знакомых расширялся, она уезжала и приезжала раза по три-четыре в день, и частенько возвращалась с договора-

ми. Честно признаться, даже побаивалась она почему-то крупных ответственных договоров и клиентов, с которыми запросто работали Юра, Виктор, Агнесса. Хотя, конечно, кому не хочется разбогатеть!

И комната в агентстве ее стараниями уже напоминала зимний сад. Цветы теснились на подоконниках, стояли в проходах, ползли по стенам и цвели, цвели, несмотря на северную сторону окон. И когда, встав на стол маленькими ступнями, Шурочка поливала их, наклоняя длинную гусиную лейку, из-под ее платья непременно выглядывали зубчики кружев, как бы поддразнивая Юру, юного поклонника румяной красотки. Здесь была игра, молодая игра в любовь, никто не собирался принимать этого всерьез, но лучшим девушкам «Каскада» и НИИ нечего было делать, пока Юра работал возле Шурочки. Что ни говори, а женщине нужна любовь, отовсюду, ежеминутно, тогда она цветет, тогда у нее все ладится! Умница-Юра подыгрывал ей лучше всякого артиста, в комнате постоянно звенел смех, слышались шутки, ссоры, объяснения. Все хорошело в их присутствии. Изменился и сам Юра. На курсах подготовки в МГУ ему встретились такие ребята, с таким мировоззрением, что, как часто бывает в юности, он стал стремительно мужать и развиваться в их питательной среде, и уже подумывал о двух факультетах сразу — математическом и философском. Или математическом и естественном?

С Виктором он больше не ссорился. Зачем?

Валентина могла быть довольна. Агентство работала на полную мощь. Это была ее империя. Никогда еще не чувствовала она себя столь полноценно и могущественно, как сейчас! Само *дело* с его неустанными требованиями стало необходимым условием ее жизни. Созидание и творчество, успех ради успеха! Каждый день открывал новые возможности, и сама жизнь оказывалась полем возможностей! Это было упоительно! Уже подумывала она о рекламе не только в толстые красочные журналы, но о рекламе на регионы страны, о рекламе политической. Свекор разохотил ее своими разговорами. Впереди выборы в Думу, а там выборы президента... Почему бы нет? Это сулило такой рост ее

внутренней состоятельности, не говоря уж о прибылях, что Валентина сама поражалась своей возросшей смелости и размаху. Впрочем, от земли она не отрывалась. Напротив. За это время ей удалось решить множество разных проблем, и главную среди них — внутри агентства. Как, например, ни в чем не уступив человеку, сохранить в нем самое счастливое впечатление о ее особе? А она научилась. Как всегда быть доброжелательной, внушать подчиненным уверенность и спокойствие? А ее уважали и шли за советами. В такой обстановке можно было отваживаться на любые дела.

«Но для начала — как-то подумалось ей, — надо бы теснее сплотить сотрудников общим застольем, отметить лучших, подарить им цветы, подарки... В старое доброе время умели растить кадры».

Праздник наметили на ближайшую пятницу. Повод — богатый договор в группе Екатерины Дмитриевны. Сухощавый мужчина лет сорока пяти, бывший военный, договорился о целой рекламной компании, и как раз в пятницу эти деньги в виде наличного платежа должны были подойти. Так и получилось.

Для праздничного пира решили открыть пошире двери обеих комнат, протянуть столы от середины до середины, а директора и менеджера посадить в коридоре. Коридор с комнатами «Каскада» на втором этаже был уже отгорожен от общего институтского и освещен.

— Мы будем связующим звеном, — смеялась Валентина.

Главной хозяйкой избрали Шурочку. Ее огурчики-помидорчики, грибочки, необычайный салат из зелени, мясо с черносливом, порезанное ломтиками, и дымящаяся, посыпанная петрушкой, картошка сразили всех еще месяц назад, на праздновании ее собственного дня рождения. Теперь Шурочку вновь увидели во всей красе, беломраморную рыжекудрую богиню плодородия в цветастом переднике.

После обычного в таких случаях переполоха все нашли себе место и затихли в ожидании.

— Все на месте? Кого не хватает?

— Люси.

— Она занята, — многозначительно улыбнулась Валентина.
— Начинаем. Мужчины! Откройте шампанское. Витя! Почему мышей не ловите?

Виктор полусидел на подоконнике, отведя рукой планки жалюзи. Толик стоял на тротуаре напротив. Услыша приказ, Виктор резко бросил занавес, взял бутылку, снял проволочную укрепку. Пробка хлопнула, отлетела и попала в выключатель.

Свет погас. И вспыхнул вновь.

— Талант! — заплодировали все.

Виктор побледнел. О таком сигнале они не договаривались. Кто мог это предусмотреть? Что, если Толик, недоумеая, останется на месте? Он и не должен идти сразу, но вдруг не пойдет совсем? Сорвется такой план, такой случай! Двадцать пять тысяч долларов!

С рюмкой в руке поднялась Валентина.

— Господа! Мы должны поздравить виновника торжества, доблестного героя в орденах, пожелать ему дальнейших успехов и богатых договоров. Вот что значит армия! Ура!

Все закричали, захлопали. Екатерина Дмитриевна вручила ему цветы и трижды расцеловалась. Отставной офицер был тронут.

А Валентина продолжала.

— Дорогие друзья! Благодаря нашему ударному труду агентство прочно встало на ноги. Могу сообщить приятную новость. С понедельника вы будете получать не двенадцать, а четырнадцать процентов с суммы договора. Работайте и богатеите!

— Ура!! — раздался общий крик раза в три громче первого.

После первой рюмки все накинулись на угощение, передавали друг другу закуски, тянулись, перебегали из комнаты в комнату. Наконец, молодой голод был утолен. Налили по второй.

— Тост! Витя, тебе слово. Скажи!

Виктор призвал на помощь всю выдержку и артистизм, словно Штирлиц в застенке у Мюллера. Как решил Толик? Что происходит сейчас в бухгалтерии? Он медленно поднялся и поиграл вином в бокале.

— У всех налито? Слушайте. Однажды Ходжа Насреддин принес домой мясо. И ушел. Жена приготовила плов, но набежа-

ла родня и, понятное дело, все съела. Ходжа вернулся, еды нет. «Жена, где мясо?» «Кошка съела». Ходжа поднял кошку, взвесил ее в руках и говорит: «Если это кошка, то где же мясо? А если это мясо, то где же кошка?» ... Так выпьем за то, чтобы подобные вопросы никогда не возникали... у налоговой инспекции.

— Ох! — воскликнула Валентина. — Отличный тост!

Но не успели все осушить бокалы, как дощатая дверь распахнулась и в коридорчике предстала Люся. Вид у нее был перепуганный, челюсть дрожала.

— Ой, ой, не могу. Ой, ой!

Валентина подхватила ее.

— Что случилось? Успокойся. Выпей воды.

— Ой, ой...

— Пойдем ко мне. Пропустите нас.

Они закрылись в кабинете.

Происшествие выглядело так. К вечеру Люся привезла деньги из банка. Положила в сейф, и, как договаривались, стала тотчас разносить по документам, прятать концы от налоговой проверки, сверять счета, договора. Условный стук в дверь заставил ее накрыть стол серым полотняным мешком.

— Кто там?

— Грач, — ответили за железной дверью.

Она повернула ключ.

Мужчина был в маске. Он потребовал открыть сейф. Она была одна, в полной его власти. Не крикнуть, не убежать. Грабитель сгреб все в мешок и скрылся.

— Какой он был?

— В перчатках, в маске.

— Сколько было денег?

— Сто двадцать миллионов в рублях и пять тысяч в долларах.

Валентина качнулась на стуле.

— Ладно, езжай домой. Слезам горю не поможешь.

«Грач... — подумалось ей. — Что-то не так. Откуда беда?"

К сотрудникам Валентина вышла спокойной и уверенной, как всегда. Никто не должен знать, что в агентстве произошло преступление.

— Все в порядке, продолжаем наш праздник. Люся ошиблась в подсчетах и немного испугалась.

Виктор был в восхищении. Что ни говори, а лидер — это совсем другой уровень, и притом — скачком!

После застолья начались танцы, молодежь расходилась не на шутку, вечер затянулся. Подумав, Валентина все же сообщила Екатерине Дмитриевне, но только о краже денег, без подробностей. Вдвоем они стали думать, как жить дальше.

— Надо сообщить в милицию, — предложила пенсионерка.

Это Валентина отвергла сразу.

— Ни за что! Их только пусти, уж они... — она не договорила. — Придется смириться. Завтра же перекрыть стенкой нижний коридор, поставить охрану у нас наверху, все осветить и благоустроить.

Екатерина Дмитриевна тут же нашла прекрасный выход.

— Мой муж с удовольствием пойдет в охрану, — уверила она Валентину. — Он умеет обращаться с оружием.

Валентина молча кивнула. И невесело усмехнулась, когда та ушла.

«Тоже мне, охранник!»

Урон был весом, но не смертелен. Она даже поразилась, насколько легко перенесла удар. Придется: а) снять личные деньги со счетов в двух коммерческих банках, чтобы оплатить рекламную компанию; б) отложить покупку лазерного принтера и сканера; в) взять назад данное слово о четырнадцати процентах агентского вознаграждения. Увы. Но кто этот негодяй? И что у них на уме? Как притягивают воров чужие деньги!

В комнатах смолкла музыка, народ расходился. Уборщица шумела пылесосом.

Так кто же это был? Ясно, что из своих. Подслушал Грача. Значит, курильщик. Мужчина. Кто-то из отсеявшихся? Тогда почему знал о сумме? Женщины тоже курят. Тупик.

Как всегда, если что-то случалось в делах, ее потянуло к семье. Она набрала номер телефона.

— Алло! Как у вас? Ложитесь? Где дедуля? У Анны Стахивны чай пьет? Давно? Скоро придет? Уже идет? Очень хорошо.

Это новое обстоятельство направило ее мысли в иную сторону. Полугодовой срок той квартиры истекал в декабре, приобретение ее с помощью Розалии было делом решенным. Но как воспользоваться ею? Будь у квартиры общая с ними стенка, которую можно снять и объединить оба помещения... но нет, квартира как раз напротив. Между ними маленькая однокомнатная Анны Стахивны. Но если свекор и соседка, бог даст, соединятся, им отойдет та, новокупленная, а Валентина с детьми расширятся за счет однокомнатной. Интересный случай.

До сих пор паспорт в лиловой обложке празднично валялся в дорожной сумке, завернутый и заклеенный от случайного любопытства жены. И, соответственно, ни разу не был проверен на качество. Он и попал к Анатолию Квашнину дуриком, «не по делу», во время гастролей в уральские Березняки, город едких туманов и желтых «лисьих» хвостов. Произошло это по окончании карточной игры в тамошней гостинице, когда после выступлений во «Дворце химика» (в провинциях все еще дорожат своими памятниками) гастролеры уселись перекинуться в бридж. Время было темное, идти совершенно некуда, и денег-то на ресторан жалко, и сам-то ресторан жалок, а впереди еще целых два концерта, то есть полные сутки до самолета. В компанию затесался местный администратор, из тех, что обожают тусоваться с московскими артистами, щуплый седоватый мужичок с изрытым морщинами землистым лицом. Почти все мужские лица в этом городе отличались сероватостью кожи и одинаковым «полузверинным» выражением, что объяснялось самым прозаическим образом: здесь работали «отмотавшие срок» зеки.

Играли по-малой, не увлекаясь. Сразу было видно, что «чужак» немного смыслил в тонкостях джентльменского бриджа, зато с каким мастерством тасовал и сдавал карты! Словно одушевленная, превращалась новенькая колода то в пятнистую змею, то в живую дорожку, то с треском схлопывалась рубашкой вверх, то перелетала по воздуху рубашкой вниз. На кистях администратора плавали синие звезды, из-за манжет торчали русалочьи хвосты. С ним бы сыграть в очко или козла, тогда бы запели москов-

ские гости! Всю ночь напролет он рисовался перед ними, рассказывая одну за другой местные «байки из склепа», вроде той, что чуть не разыгралась на прошлой неделе в этом же самом гостиничном номере, где они сидели сейчас. Тогда, по его словам, здесь поселили молодую женщину, командировочную из Верхней Салды.

— Откуда? — дернулся Толик. — Из Верхней Салды?

Это была его родина.

— Да, недалеко тут, за Уральским хребтом. Бывали там?

— Бывал. С концертами. И что случилось?

Поздней ночью местная «братва» проиграла женщину в карты. Администратор сказал об этом буднично, в виде вступления к собственным подвигам, так как в ту же ночь спас женщину, поймал из окна и чемодан, и ее самое, и, не мешкая, отправил на первом же поезде дальнего следования все равно куда, хоть на Сахалин, лишь бы подальше.

— Тут свой закон, — он умильно поглядывал на москвичей, но сколько не добавлял сладости в лицо, оно оставалось неизменно-животным, как у каннибалов племени Тату.

К утру он полностью овладел правилами, но продулся в пух и прах. Ни о каких деньгах, понятное дело, никто и не заикался.

— Хотите, мужики, я сделаю вам документы, к которым ни один мент не придерется? — предложил он сам. В его чертах трогательно проглянуло смущение. — Нужна только фотокарточка. Наш фотограф работает на первом этаже.

Артисты посмотрели друг на друга, пожали плечами. «...хоть шерсти клок», — означало это движение. Фотография уже открылась. Умытые, причесанные, в одном и том же поочередном пиджаке присели они на стул перед объективом. Остальное было делом техники. Вечером после концерта каждый из трех друзей получил паспорт на имя одного и того же молодого человека, в одинаковой лиловой обложке, с постоянной московской пропиской по одному адресу.

Теперь этой липе предстояло работать.

«Хоть я страшусь того, на что дерзаю...»

Несмотря на телесную крепость и богатырский вид, Толик плохо переносил нервные перегрузки. Его сценическим амплуа

были пародии, забавные сценки и звукоподражание, иными словами, тяжкий хлеб легкого жанра. Поэтому вне театра он был немногословен. С возрастом увлечения молодости стремительно пошли на спад, в душе с твердостью обозначилось коренное назначение его жизни, далекое от софитов и аплодисментов.

Он был простым человеком. Он решился.

Впервые пришлось списывать данные из лиловой обложки при заполнении граф и колонок в бланке регистрации ИТД «Каскад». Когда рука его раз за разом стала выводить подлинные ФИО вместо фальшивых, он с полной ясностью осознал, через какие напряжения придется идти. В корзину полетели три испорченных бланка. Дело происходило не в самой столице, но в Зеленограде, городе физиков, у железнодорожной станции Крюково. Здесь действовали московские нормы.

Первый страх он испытал на приеме в кабинете инспектора Административного Округа. Страх всамделишный, настоящий, как перед выходом на сцену. Задерганная пожилая дама, взяв его документы, принялась близоруко и неприязненно рассматривать каждую страничку лилового паспорта. Он замер. Слабым звоном качнулось в затылке головокружение. Накануне и днем, и вечером, при разном освещении этим придирчиво занимался он сам и не уличил березняковского умельца ни в малейшей оплошности.

Инспектор отложила паспорт, достала «Лицензию» на гербовой бумаге и стала вписывать его данные.

— Деревянко Stanislaw Романович, — написала она. — Как называется ваша фирма?

— «Каскад».

— Возьмите другое имя. Этим «каскадов» сейчас десятки и сотни.

«Много ты знаешь...» — подумал он.

— Мне нравится «Каскад», — Толик играл «крутяк».

Она пренебрежительно хмыкнула.

— Не все ли равно? Сами путаницу создаете, а потом жалуетесь, когда из налоговой к вам по двадцать раз приходят.

Опустив глаза, он помолчал. Потом сказал мягко и незаинтересованно, будто не о своем деле.

— Пишите «Каскад».

Женщина тоже успокоилась, даже прониклась тенью симпатии. На лице ее проступило странное лукавство.

— Будь по-вашему, Дервянко. А вот если бы вы пришли завтра, не видать вам никакого «каскада», как своих ушей. С завтрашнего дня вступает в силу «Постановление...» о названиях новых юридических лиц, запрещающее любые повторы.

Он поздравил себя с неожиданной удачей. Добрый знак.

— Значит, мне везет.

И чуть-чуть отпустил себя.

— Чем собираетесь заниматься? — продолжала инспектор уже по-человечески, — Что за пош. р.о.?

— Пошив рабочей одежды.

Она насмешливо кивнула.

— А на самом деле чем, Станислав Романович? Кому нужна сейчас рабочая одежда?

Толик напрягся вновь.

— У меня хорошие отношения с зарубежными... друзьями. Будем шить для них.

— Нужны им ваши тряпки... — она вздохнула и притиснула бумагу печатью. — Все так говорят, а на самом деле торгуют, чем попало. Водкой, бензином. Эх, вы...

Заглянув вечером адресно-телефонный справочник «Желтые страницы», в алфавитный список на букву «К», Анатолий обнаружил стройный столбик из тридцати двух «Каскадов» подряд. Не слабо, как говорится.

... Большую часть своей доли Виктор отнес матери и бывшей жене с дочкой в надежде на успех второго плана, который был рассчитан на трехнедельную выручку всего агентства. Он уже действовал. Толик наведывался в *свой* банк дважды в неделю, и каждый раз сбрасывал по килограмму веса от дикого страха и напряжения. Изнутри агентства обстановку отслеживал Виктор. Тихо. Невнятные слухи о краже еще бродили среди советников, отчасти подтвержденные отменой обещанных четырнадцати процентов, но близились пустые для бизнеса ноябрьские праздники, когда на долгое время замирает деловая жизнь, и среди рекламистов нарастал аврал. Скорее, скорее! Успеть, успеть!

Платежки мелькали одна другой.

Прошла неделя, десять дней. С полок пачка за пачкой уходили чистые бланки договоров, с напечатанными внизу слева реквизитами банка. Виктор едва успевал обновлять запас. По этим реквизитам клиенты исправно присылали оплату. А Толик ходил в банк, как на работу.

Две недели. Тишина. Все идет как по маслу. Три дня праздников даже на руку, то да се, шалай-валяй, никакой бдительности. Однако, до тринадцатого-четырнадцатого ноября следует закруглиться. Если не раньше.

Виктор продолжал восхищаться Валентиной. Великая женщина! В одночасье лишиться целого состояния, и хоть бы хны! Ни красных глаз, ни нервных срывов... А как умеет держать расстояние! Даже мысленно не подступишься. Великая актриса! Это даже заколебало его. А мог ли бы он так-то? Пожалуй. Нет же у него на текущий момент никаких угрызений! Значит, *право имеет*.

— Когда-нибудь, — уповал он, с улыбкой оглядывая свое душевное хозяйство, — когда-нибудь все пережитое пригодится мне для творчества. Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбит.

Ранние годы Алекса прошли под звездой его редкостного ума и развития. Достаточно сказать, что четырех с половиной лет он с закрытыми глазами обыгрывал в шашки пенсионеров на скамеечке у дома. С закрытыми, потому что умел видеть окружение, не разжимая век. В пять лет это умение ушло, но остались другие способности, которым он не придавал значения, полагая, что «у всех так». На шестом году мальчик был подготовлен не ниже четвертого класса средней школы, а в шестом, можно сказать, приближался к выпуску. «Принц»- называли его. Необычное прозвище среди насмешливых сорванцов!

Умных, опережающих ребят было везде немало. К сожалению, в семидесятые годы их будто не замечали и равнодушно гасили молодые умы едкой пылью школьной рутины.

Но однажды произошло невероятное. Отец шестиклассницы Ольги Егоровой, очень умной веселой девчонки с беленькими крепкими, чуть выдающимися вперед зубками, предложил ей набрать группу из семи человек, для которых он наймет преподавателей из среды университетских профессоров. Мокий Кузмич был министром бытового хозяйства, немолодым грузноватым мужчиной с сибирской раскосинкой в глазах и седоватой жесткой бородкой. Он мечтал о сыне, но был вообще бездетен в первом браке; потом в обширной министерской квартире появилась Верушка-вострушка, по годам более дочка, чем жена Мокия Кузмича. Она-то и одарила его дочкой, теплым солнышком в душе старого отца.

Но Егоров думал вперед, очень-очень далеко вперед. Потому и обмозговал свое необычное предложение.

Сказано-сделано. Три девушки и четверо молодых людей взяли старт на четыре года. «Лицей». Но какой! Десять часов занятий в день включали все области знаний, включая четыре языка, неведомые тогда маркетинг и менеджмент на английском, бытовую, музыкальную, танцевальную культуру, современное спортивное пятиборье и восточные единоборства; в летнее время обучение переносилось либо в глухие таежные заимки, под всхрапывание и топот местных лошадок, либо под паруса «Бригантины» на Черном море, либо в европейские музеи с дальнейшим подробным докладом об увиденном, и работу на европейских бензоколонках либо мытье посуды в кафе. Но это не все! Подумать только, в те далекие до-перестроечные времена талантливая ребятня овладели программами настоящего компьютера, и через министерский канал товарища Егорова принялась шалить и шарить в баснословных сетях Интернета!

Это была волшебная сказка!

Но Мокий Кузмич был третий калач. Дети — наше будущее? Превосходно. Не мог не предвидеть он, седина в бороду — бес в ребро, что очень скоро Ольга и Алекс, едва-едва шестнадцатилетние, рука в руке, «признаются», что ждут ребенка. Расцеловав обоих, он позвал Верушку, налил в четыре рюмки вишневый сок, и поздравил молодых. Мальчик родился в январе семьдесят первого года, его братик — в ноябре того же года, а

третий — в сентябре следующего. Вокруг детей закружились няньки и мамки.

— Третий внук все свершит, — бормотал Мокий Кузьмич. — Третий внук, третий, третий внук сделает все, что нужно.

По желанию деда третьего внука назвали Силой. Сила Алексеевич. Он имел глазки с тем же прищуром и необоримый кержацкий изгибчик над переносицей.

— Самого егоровского роду, — признал старик. — Ты, Алекса, тоже ядреного корня, но слишком высок для нас. Не обижайся, давай.

Семнадцатилетний зять прекрасно видел это. Три сына веселили его, но к отцовству он готов не был. Подрастая, три бутуза так подключились друг к другу, что вообще не беспокоили родителей. Таково свойство трехдетных семей: дети сами по себе, родители сами по себе.

Вся семерка поступила в самые престижные ВУЗы. Алекс оказался во МГИМО, Ольга экстерном окончила Плехановский. *Перестройка* не застала их врасплох. «Лицейская» четверка стала первым провайдером, *хребтом* Интернета в Москве и России. Девушки тоже не растерялись в наступившей разрухе. Ольга открыла «Консалтинговую фирму», потом «Модный салон».

В 1986 году из мест «не столь отдаленных», из опалы и заточения вернулся Василий Петрович Грачев, «Грач», немногословный человек лет тридцати шести, встреченный Мокием с земляческим почетом.

— Хозяйственник ты мой, золотой ты мой, — Мокий хлопал того по спине и вздыхал, смахивая слезы. — Стосковался я по тебе, сизый голубочек! Теперь с тобой таких делов наворотим, глазам не поверишь.

— Спасибо, Кузьмич, что пособил на волю выйти. Если б не ты, трубить мне полную десятку, как пить дать. Опаска берет, как бы вновь не зацапали.

— Ан нет, Грач, не боись! Хозяйственное радение нынче в цене, собственность свята. Дождались своих времен.

На этих посиделках увидел Алекс и другого земляка своих родственников. Фамилия его была Второй. Константин Филип-

пович. Это был тоже крепкий низкорослый мужик с широким круговым шрамом на правой щеке.

В Москве свирепствовал грипп. Он зарождался и крепчал где-то в Азии, потом собирал дань с Европы, и начинал подбираться к Москве. Едва наступала московская зимняя сырость, как первые жертвы очередного гриппа послушно ложились под одеяло с градусником подмышкой. Каждый год его разновидность менялась, и каждый раз врачи умоляли народ о предосторожностях и прививках, но беспечные москвичи по обыкновению отмахивались и полагались на авось. В моду вошли цветные марлевые повязки, из которых тотчас сделали *хит*, в транспорте вокруг чихнувшего немедленно возникала пустота. К несчастью, мокрый снег и снежные лужи под ногами делали свое черное дело.

«Каскад» жил прежней жизнью. Хозяйка вела себя с прежней твердостью, ей по-прежнему верили, несмотря на прежние двенадцать процентов. После праздников все бросились зализывать деловые раны, нанесенные вынужденным бездельем, как воспринимают пустую дыру во времени люди, «пашущие» на свое благополучие и остановленные в разгар созидания, азарта, охоты или как там еще назвать это блаженное современное состояние делания денег... Никто из тех, кто успел вкусить от щедрот рекламного бизнеса, несмотря на все его тяготы и *заморочки*, когда и небо с овчинку, и белый свет в копеечку, уходить не хотел, да и куда? По всей стране творилось такое... голодовки, забастовки, безработица, стрельба... что оставлять насиженное место было бы сродни безумию.

Лада и Шурочка подружились. Не горячо, но так, как было удобно Шуре. Она словно взяла Ладу в собственность, даже крикивала на нее, но привязалась. Девушкам нужны откровенности и душевные разговоры с ровесницами, и Шурочка болтала обо всем подряд, уверенная, что собеседнице все интересно, потому что своей личной жизни у той, по очевидным причинам, не было и быть не могло. Александра была так великодушна, что даже отправилась с нею на переговоры. Сделка удалась, заплати-

ли наличными. Успех согрел Ладу, у нее появились надежды. Но после праздника вновь пошли отказы. Ей никак не удавалось нащупать свою жилку, а присоединиться к чужим Лада считала недопустимым. С упорством муравья она прозванивала фирму за фирмой.

— Добрый день, вас приветствует газета «Городская новь»,
— произнесла она и на этот раз.

— Очень рад, милая девушка, но мы не размещаем рекламу в газетах, — ответил сочный молодой голос.

— Я бы хотела рассказать о ваших возможностях.

— Не трудитесь, я уже все объяснил.

— Да почему же? Это выгодно! Встретимся? Завтра, в среду, в шестнадцать часов? Я подъеду? — в отчаянии воскликнула она своим юным голосом.

Наступило молчание. Слышно было его дыхание.

— Буду ждать. Запишите адрес...

Она вскочила со стула.

— Я сумасшедшая! Что теперь делать?

— Раз пригласили, надо ехать. Не терять же клиента — с невозмутимостью сказала Шурочка.

Лада схватилась за щеки.

— Это невозможно! Агнесса, как поступить?

— Пусть Шура съездит, а деньги поровну. Дай ей адрес.

Шурочка жеманно протянула руку.

— Если это недалеко, — и посмотрела в записку. — Проспект Мира? Туда можно. Там Витя живет в двух шагах. Заодно и попроведаю болящего.

— Привет передавай от нас. Может, гостинец купим вскладчину? — предложила Агнесса.

— По сколько?

Агнесса в затруднении оглянулась.

— Тысяч по десять устроит?

— Фи, — фыркнула Шурочка, — за сорок тысяч я и связываться не буду. Сама куплю.

— Бери, бери, не возникай, — Агнесса сунула деньги в ее сумку.

На среду у Шурочки были уже назначены две встречи, утром и днем, в тринадцать часов. «Все в жилу, — прикинула она в уме. — Везде успеваю».

Первая встреча была в Медицинском центре лечебной косметики, в самом престижном месте на Новом Арбате. Этот договор был ее гордостью. Еще в начале октября ей удалось соблазнить главного врача на размещение в газете «Городская новь» нескольких прямоугольничков и маленьких статей. На пробу. Посетители хлынули на следующий же день, приливами после каждого выступления. И теперь этот Центр стал благодарным шурочкиным клиентом, ее кормушкой и плантацией. Они уже продлевали договор на месяц вперед, и сегодня она пришла за тем же в третий раз с тортом и цветочками.

Новое пальто сдавать на вешалку Александра не стала, лишь расстегнула, чтобы виднелось янтарное ожерелье. Брошь была бы намного лучше, ей так идет янтарь!.. А сумку сдала, та нынче была увесиста, с гостинцами для «болящего». Перед зеркалом подкрасила губки, уложила покрасивее рыжие кудряшки над бровями, пристально взглянула в глаза и застучала сапожками по коридору. В широком округлом зале сидели и ходили пациенты. Самые тяжелые случаи собрались у кабинета главного врача. Ожоги, лицевые травмы, врожденные уродства. Смотреть на них было тяжело. Она опустила глаза. Неужели это исправляется?

Чувствуя себя непростительно красивой, бочком пробралась к сидящей за своим столом медицинской сестре и положила на стол подарки. Та впорхнула в кабинет. Через минуту над его дверью вспыхнул свет.

— Войдите!

Главного врача звали Карен. Он был огромного роста, толст, грубовато-шумлив, но удивительно добр. Из глаз его по толстым, до блеска выбритым щекам, казалось, стекали на светло-зеленый хирургический халат потоки этой доброты. С красоткой-Шурочкой он шутил и смеялся, как ребенок, а ей было волнительно и жарко смотреть на его волосатые руки, на густую поросль под шеей, не закрытую вырезом халата. Перемолвившись о том, о сем, о шуме на всю Москву, который подняла ее

скромная газета, они играючи продлили договор еще на целых три месяца. И вдруг Шурочке пришла в голову плодотворная мысль.

— Карен, скажите, а вот пластическую операцию носа, к примеру, вы можете сделать?

— Это наш профиль, — ответил он и рассмеялся своей шутке. — Наш профиль, ха-ха, это наш профиль. Ха-ха-ха!

Было ясно, что он уже пересказывает шутку кому-то из друзей.

— И как, хорошо получается? — спросила Шурочка.

— Конечно, — он по-кавказски развел ладонями. — Не хвалясь скажу, что мы одна из первых косметических клиник в России. Желаете взглянуть?

Он наклонился, достал из ящика толстый альбом и грохнул перед нею.

— Только не падайте в обморок.

Предупреждение было не излишним. В альбоме на каждой странице находились двойные портреты, по две фотографии одного человека до и после операции, десятки парных свидетельств. Они пошли перед Шурочкой, как чередой грубых насмешливых уродств и чудесных исцелений, таких, что не в сказке сказать, не пером описать. Лица, лица, воскресшие к любви и жизни.

— Вон как вы работаете, — потрясенно молвила она. — Надо же... Я и не знала. А... нашей сотруднице, моей подруге, вы могли бы помочь? Сколько это стоит?

Он сказал. Деньги были немалые. Каких жертв она требует, эта красота, за всю жизнь не рассчитаешься! Шурочка вновь достала калькулятор. Подумала, посчитала запредельную скидку с полной трехмесячной стоимости договора, мысленно придумывая отговорки для начальства, мол, иначе вообще отказывались от рекламы, мол, и на эти-то условия насилу уломала, а маленькая-то прибыль все равно остается ... Эх, была не была!

— Карен, — она озабоченно потерла лоб, — если я дам скидку как раз на эту сумму, вы согласитесь ей помочь? Такая девушка хорошая, такой человек, ну, чего ж ей мучиться-то всю жизнь?

— Присылайте вашу красавицу, да? — сказал он с нарочитым армянским акцентом.

Веселая, всемогущая поехала она на Звездный бульвар. Приятно быть доброй за чужой счет! Пусть знают шурочкин размах! Таких денег одному человеку ни в жизнь не собрать! Конечно, она тоже потеряет при таких скидках, но Лада возместит ей все до копейки.

Выйдя на станции метро «Алексеевская», Шурочка посмотрела адрес и указания, как легче найти, которые получила от директора второй фирмы еще в понедельник, прошла насквозь мимо Калибровского завода, едва увертываясь от брызг, которые летели из-под машин, мчащихся по неудобным развилкам внутренних дорог. На Звездном бульваре свернула налево, нашла нужный дом, проследовала в арку, и позвонила в дверь под витым чугунным навесом.

Здесь располагался «Давид-Строитель», реставрационная фирма, занятая восстановлением древних зданий и храмов. Чтобы не попасть впросак, Шурочка заранее поговорила накануне с Агнесой о том, что можно предложить таким специалистам. Агнесса как раз вернулась из библиотеки, где просматривала рекламное искусство начала века. Ей давно не нравилась сугубая сухость газетных прямоугольничков, она скучала по украшениям, праздничной игре, ей нехватало амуров с победными трубами, косых солнечных лучей из-за пухлых громовых туч, развивающихся лент с надписями, рамок, виньеток, цветов и множества самых восхитительных шрифтов, любовно вырисованных тончайшим пером.

— В начале века знали толк в газетной рекламе, — рассказывала она. — Вот, я принесла копию, посмотрите. Скромное «Синегорское сукно», а сделано, как драгоценная картинка для дорогих духов. В этом подлинное уважение к своему труду и предприятию. Хорошо бы вернуть хоть часть той культуры.

Внимательно рассмотрев во всех подробностях и записав некоторые слова, Шурочка договорилась о встрече с художниками-реставраторами.

Они размещались в тесной комнатке, продольно разделенной надвое между двух окон, по оконцу на каждую половину. Слышимость была полная. В полумраке ярко светился экран монитора, за ним спиной к входу и к Шурочке сидела какая-то женщина, жиденький затылок, окрашенный под блондинку в позапрошлом месяце. Стол начальника помещался у самой двери, такой же захламленный, как и вся комната. На стенах висели хорошие рисунки храмов, часовен, каменных входных ворот. Начальник, маленький лысый человек с грузинской фамилией, которую она не стала запоминать, не подписав договора, пригласил ее сесть. Через минуту они уже мечтали о прекрасных рекламных картинах на страницах «Городской нови» с виньетками, древнерусскими письменами и современным текстом интервью на фоне древней кладки.

— В начале века знали толк в рекламе. Простое объявление подавалось, как драгоценная картинка дорогих духов. Уважительно и заметно, — говорила она, чувствуя, что и сама несказанно хороша сейчас, румяная от быстрой ходьбы по морозцу, что она просто светится среди хлама и бумажной рухляди этой комнаты.

— Замечательные мысли, — подхватил маленький грузин. Он уже смотрел на нее широкими глазами, можно сказать, уже влюбился в нее, она всегда нравилась кавказцам. — Кто читает вашу газету? Почему нам следует публиковаться именно в ней?

— У нас триста тысяч ежедневных подписчиков по Москве и Московской области, — с убедительной готовностью отбарабанила Шурочка. — Реклама в «Городской нови» очень выгодна для строителей. Ведь нам покровительствует Московское правительство. Каждый день в семнадцать часов на стол мэру и всем его чиновникам ложится именно наша газета, так что не прогадаете. Кроме того, к вам придет для беседы профессиональный журналист, а потом вам пришлют по факсу окончательный вариант текста, без вашей подписи «Согласен» статья никогда не увидит свет. Мы работаем очень ответственно, не сомневайтесь.

Это была истинная правда.

Начальник потер руки. Ему понравилось предложение этой рыженькой агентши. Действительно, до начала сезона следует

разок-другой промелькнуть на виду у всей Москвы, это укрепит репутацию «Давида Строителя». Точной рукой художника он с удовольствием набросал возможный макет газетной страницы, не забыв оставить место для своего портрета в окружении восстановленных храмов. Конечно, меньше чем о целой полосе речи не велось, но ради своей фирмы, своего любимого детища выложить крупную сумму маленький директор уже почти решился. У Шурочки стукнуло сердечко. Не показывая волнения, она достала бланк договора.

Директор победно огляделся.

— Ну, что, берем? — с подъемом обратился он ко всем присутствующим по обе стороны перегородки. — Что, Людмила, сможешь так набрать?

Сидевшая за компьютером привядшая полублондинка обернулась. Она была еще ничего себе, вполне сносная для узкого круга, и явно небезразлична начальнику-грузину. Шурочка поспешила погасить призывное полыхание своих глаз и скромно опустить их долу, но было уже поздно.

— Я лучше промолчу, чтобы не портить вам праздник, — ядовито проговорила блондинка. — Я слышала и читала про них столько гадостей, что... я лучше промолчу.

Шурочку опалило. Ничего себе «промолчу»! Что о них можно слышать? «Ах, ты, старая ...!»

— Да про нас худого слова не сказано! — негодуя обрушилась она на недокрашенную полублондинку.

— Я молчу, молчу, — нервозно вздрогнула та.

И поспешно отвернулась к экрану, успев так безнадежно отравить «праздник».

Наступило молчание. Скверная оглушительная тишина. Начальник сидел с наморщенным лбом, глядя на сцепленные перед собой пальцы. Ему было хуже всех, это чувствовалось. Наконец, с кислой миной, будто от изжоги, он заставил себя заговорить.

— Как видите, мнения разделились, — он избегал прямого взгляда. — Мы повременим. Извините.

Шурочка поднялась. В грудь проник холод презрения. Обведя глазами присутствующих, она медленно застегнула сумочку,

повернулась и у порога проговорила с уничтожающей насмешкой.

— И почему это некоторые мужчины обожают подчиняться всякому старью? От неуверенности, что ли? Фэ! — и с ледяной ухмылкой в гробовой тишине притворила за собой дверь.

На улице начался снего-дождь. Зонт рвался из рук, выворачивался наизнанку, принуждая бороться не столько со стихией, сколько с его японской хрупкостью. Проще сложить его «к едрене фене», подумала Шурочка и рывком погасила ярко-алый восточный цветок посреди серой московской непогоды. Внутри себя она со вкусом наслаждалась всеми сокровищами родной речи.

Гневная и легкая, как дикая кошка, уходила она вдоль той же неправильной дороги обратно, в сторону натруженно гудящего проспекта Мира. То, что она не стерпела обиды, и ответила ударом на удар, сняло половину досады с души. «Ах, ты, мымра, вобла, крашенная мочалка! Ишь встряла, звали ее! — еще кипел в ней праведный гнев. — Попробуй-ка отмыться от таких слов! Да при нем! Ха-ха-ха! А он-то, горец асфальтовый! Пусть побесится за свою скардность, подкаблучник, пусть, пусть... Поделом обоим!»

Новый адрес, фирму Лады, пришлось поискать. И троллейбусом чумазеньким проехаться три остановочки, и пешечком пройти по грязи вдоль проволочной сетки-ограждения от газовой канавы, под ветром и полуснегом; но с нею были купленные с лотка два чистых желтых банана, чудо из чудес, ими Шурочка и полакомилась себе в утешение прямо на улице. Эти бананы, как дар небес, всегда выручали ее в странствиях по городу, они сладкие и не пачкают рук.

На фирму Шурочка пришла румянее и блее прежнего.

Молодой директор ожидал ее, нервничая. В зале перед его кабинетом стояли спортивные тренажеры, горками лежали мячи, гири, снаряжение, висела спортивная одежда. Кабинетик был маленький, как клетка. С уверенной томностью она села напротив и стала расспрашивать о его делах. И пока он, волнуясь, рассказывал, Шурочка заполнила бланк и через стол подвинула ему на подпись.

— Что это? — остановился он.

— Договор. Подпишите пока, а потом пойдем в ваш салон, мне охота посидеть на ваших железках.

Помедлив, он подписал.

— Расплатитесь через банк или сразу, живыми деньгами? Вон то приспособление для чего?

— Для накачки ягодиц, — ответил он, смутился, отсчитал восемьсот долларов и отдал ей.

— Журналист будет завтра, — она поднялась, прикалывая «зеленые» к своему экземпляру договора и втискивая все в узкий прозрачный файл.

Они прошли в салон. Яркие спортивные тренажеры с педалями, подвесками, сидениями, пружинами, винтовыми нарезками, беговыми дорожками, ремнями для массажа всех частей тела предстали ее взору. Позволяя молодому мужику держаться за свою талию, она обошла полкруга и остановилась.

— Что тебе еще показать? — тихо спросил он.

— Выход.

И упорхнула.

Проспект Мира по-прежнему гудел автотранспортом. Все восемь полос были загружены легковушками, грузовиками и троллейбусами, забрызганными до самых окон. В воздухе колыхалась явственная пелена черного газа. Время от времени, при зеленом глазе светофора гул стихал, но как только пешеходы, чувствуя свою неуместность на широком асфальте, поспешно перебежали дорогу, проспект вновь набирал ровную, тяжело гудящую силу.

«Как хоть тут живут, чем хоть тут дышат?», — с насмешливым превосходством думала Шурочка, озирая многооконные фасады по обеим сторонам зачумленного тракта. У них в Тайнинке сейчас царила белая тишина, изредка нарушаемая вороньим граем. Однако стать москвичкой Шурочка бы не отказалась, ее уже завертел московский муравейник, удобства, метро, магазины; оставалось лишь удачно выйти замуж. К сожалению, от Виктора толку было немного. Его словно подменили. Появлялся как-то невзначай, без прежней зажигательности, вяло звонил клиентам и исчезал. О ней, Шурочке, будто и думать забыл.

«У него другая»- подозрительно уверилась она.

— Эй, кавалер, не спеши, а то опоздаешь, — остановила его как-то в коридоре, решив выяснить все сразу, но он лишь полубонял ее на ходу, «Потом, потом» и снова пропал. А теперь и вовсе загрипповал.

Мясо с черносливом и морковкой, баночку квашеной капусты, огурчики-помидорчики она уложили в сумку еще с утра, в магазине же купила хлеба, масла и пакетик с майонезом. Поклажа получилась тяжеленька, но своя ноша не тянет и хлеб сам себя несет...

«Путь к сердцу мужчины лежит через желудок»- говаривал сам Витя, и Шурочка усвоила это.

Его дом в Кулаковом переулке располагался в глубине, у поворота за булочной направо, возле нарядного нового строения с башенками, колоннами, зеленой черепицей и цветной тротуарной плиткой, принадлежащего ЛУКОЙЛу. Ох, этот ЛУКОЙЛ! Как к нему не подъезжай с рекламой в «Городскую новь», ничего не получишь! А на свой пряничный домик, на свою хоромину им денег не жалко, за одну лишь осень выстроили, за те два месяца, что Шурочка стала здесь бывать!

Соседство было не в пользу старого дома, довоенного, обшарпанного, отступившего вглубь, словно во второй ряд. Входная дверь в подъезде почти не закрывалась, не горела лампочка, а лифт останавливался через два этажа на третий. Так, чтобы попасть на седьмой, приходилось подниматься на девятый этаж и спускаться вниз, а чтобы оказаться на первом, надо было ехать с шестого. Зато потолки в квартирах были высокие, и отопление грело так, что, по словам Вити, в самые лютые морозы некуда было деться от жары.

«Когда хоть они были, морозы-то... не упомнишь», — Шурочка деловито миновала темные грязные ступеньки первого этажа, брезгливо вошла в лифт, поднялась на девятый, бережно затворила за собой дверь и стала спускаться к седьмому этажу. Знакомый скрип двери и голоса сначала обрадовали ее, потом в нерешительности остановили на ступеньке.

— Все, все, — говорил кто-то (Толик!), прощаясь. — Измотался, как бобик, ей-богу. Завтра закрываю счет и смываюсь куда

подальше. Наметили на тринадцатое, значит, все. Хватит по лезвию ходить.

— Да подожди, говорю тебе, поверь моей интуиции. Должны капнуть хорошие бабки, платежка пришла еще до праздников, сам видел, — простуженно говорил Виктор.

— Жадность фраера сгубила, — отрубил Толик. — Не ты каждый раз ждешь засады, а я. Попробуй разочек, тогда говори. Дураков нет стоять лицом к стенке с поднятыми руками.

— Завтра тринадцатое, плохое число. Как бы не раскаться. Перенесем на четырнадцатое, рискнем в последний раз. Тринадцатое, учти.

— Тогда уже сегодня, а не четырнадцатого. А нынче операционный день уже закончен. Я теперь все знаю. Завтра, и точка. Промедление смерти подобно. Если унесем ноги подброду да еще и тринадцатого числа, значит, для нас оно благодатное, а не проклятое. Пусть для «Каскада» тринадцатое будет «тринадцатым» на всю железку. Все, я решил. До завтра.

Он загрохотал вниз по лестнице, точно школьник, отсекая каблуками каждую ступеньку. Захлопнулась и дверь квартиры.

Шурочка стояла, замерев. Сердце ворочалось в груди, словно каменное. Ошеломленная услышанным, приседая, как испуганная кошка, вернулась она к лифту. Он словно ждал ее. Неслышно затворившись, она слетела вниз на первый этаж, выбежали из подъезда и, не помня себя, помчалась в другую, не просматриваемую из его окна, сторону.

«Молчать, молчать, как рыба, если жизнь дорога», — билось в душе единственное желание.

Валентина сидела за столом, прерывисто дыша в платок. У нее была высокая температура, она чихала и горела, как в огне. Из глаз лились слезы. Два носовых платка, выстиранные под краном, сохли на батарее.

Напротив сидела Люся.

— Скажи, Люся, на сколько дней банки задерживают платежи? Самое большее?

— На неделю, на десять дней, один раз было на одиннадцать.

— А у нас третью неделю! Платежки клиенты шлют, а денег нет как нет. С двадцать третьего октября! — она чихнула в платок и посидела, прикрыв глаза.

— Езжайте домой, Валентина Сергеевна, — посочувствовала Люся.

Валентина отмахнулась.

— Когда ты была в банке?

— Вчера.

— И что?

— Пришел мелкий давний платеж-доплата. И больше ни копейки.

— Здесь что-то не так. Что-то происходит со всеми нами, я чувствую это. Поехали вместе, — Валентина тяжело поднялась и стала одеваться, потом высыпала на ладонь две таблетки, проглотила, запила минеральной водой, прихватила высохшие платки, с наслаждением прижала горячими к лицу, и тяжело вышла из кабинета.

Шофер повез их через центр на Сретенку.

Были ранние полужимние сумерки. На тротуарах темнела бесконечная московская толпа. Снег превратился в дождь, на мокром лобовом стекле его потоках и каплях пышно расплывались и словно расцветали красные, желтые, оранжевые огни подфарников идущих впереди машин. Встречные автомобили болезненно ослепляли фарами воспаленные в гриппе глаза. Горячая, с резким дыханием, с ломотой во всем теле Валентина сидела внутри своей шубы.

«Концепт-банк» занимал прекрасное здание, выстроенное в прошлом веке и щеголевато обновленное в последние годы. Вход в банк был отделан зеленым мрамором, дверь темного стекла открывалась охранником, сидящим «в сенях», в промежутке внутренних и внешних створок. Посетитель проходил под аркой металлоискателя и попадал в роскошный операционный зал, где также дежурили секьюрити в форменной одежде с нашивками банка.

В этот предвечерний час здесь было пустынно. За стеклами окошечек сидели служащие, перед каждым из них светился монитор, защищенный от постороннего взгляда слоистыми насадками. По их приглашению в зал спустилась менеджер банка, невысокая молодая женщина, которая занималась счетами «Каскада». Был четверг, не банковский день, поэтому ее удивил приезд клиентов.

— Мы приносим извинения, — сказала Валентина, глядя на нее сверху вниз, внушительная даже с мокрым платком в руке, — с нашими счетами происходят странные вещи. Вот пачка платежных поручений, отправленных нам по факсу в течение почти трех недель на сумму свыше двухсот пятидесяти миллионов, меж тем как на расчетный счет не поступило ни одной копейки. Не затруднит ли вас проверить тщательнее, так ли это? Ваш банк ни разу не задерживал деньги на такой срок.

— Мы никогда не нарушаем договоренностей.

— И все же, будьте так добры, проверьте, пожалуйста. Мы крайне обеспокоены этими обстоятельствами.

Скрывая обиду, менеджер нашла ячейку «Каскада» в программе компьютера, и некоторое время просматривала ее.

— Ваш счет пуст.

Валентина снова показала пачку документов.

— Этого не может быть! Посмотрите по другим каналам.

Но та, взяв копии платежных документов, присланных по факсу клиентами в подтверждение сделанной оплаты, принялась рассматривать именно их. Одну, вторую, третью, наконец, бросила все на стойку.

— Но это даже не к нам. Банк получателя «Конверс-банк».

— Какой «Конверс-банк»? Что вы говорите? При чем тут «Конверс-банк»? — у Валентины закружилась голова.

— Посмотрите сами, — в глазах менеджера свернула искорка затаенного торжества.

Валентина и Люся впились глазами в мелкий шрифт документов. Да, точно, «Конверс-банк».

— С каких пор? Почему? Где этот банк? Могу я узнать его адрес?

Девушка за стеклом запросила справку и подала ей распечатку: Нижняя Первомайская улица.

— Что происходит? Ты что-нибудь понимаешь, Люся?

— Ничего не понимаю. Мы обслуживаемся здесь, а не на Первомайской.

— Поехали, — повернулась Валентина. — На Первомайскую.

Новая неожиданность словно вылечила ее. В машине она сидела, готовая к любому обороту событий. Вновь потянулись мучительные улицы города, полные грязных машин, пробок, встречных фар. Болезнь наваливалась вновь. Валентина прикрыла глаза.

Второй банк был попроще, поскромнее и, по-видимому, совсем молодой, первогодок, хотя и с претензией. Об этом говорили цветы в зале, буклеты о предоставляемых услугах на низеньких столиках, окруженных диванами, интересно решенное освещение в виде россыпи ярких точек на потолке. Но располагался он у черта на куличках, и охрана была одета в камуфляж, а не в форму с эмблемой фирмы, и пол покрыт искусственной плиткой, а не темным природным лабрадоритом с голубыми играющими кристаллами, как на Сретенке.

Увидев их документы, операционистка в окошке удивленно подняла брови.

— «Каскад»? Опять к нам?

— Что значит «опять»?

— Ваш директор сегодня закрыл счет.

Валентина схватилась за голову.

— Генеральный директор агентства «Каскад» — это я, Королева Валентина Сергеевна. Что происходит?

Лицо девушки стало серьезным, даже испуганным.

— Счета «Каскада» только сегодня были закрыты и обналичены.

— Почему закрыты и обналичены?!

— Согласно приказа клиента.

— Девушка, объясните толково, что происходит? Эти платежные поручения — ваши? — Валентине становилось совсем плохо.

- Да, это документы нашего Банка.
- Каким образом?
- Я советую вам пройти к управляющему
- Как пройти к управляющему?

Им выдали ярко-синий нагрудный прямоугольничек, знак «Чужой!» для всех служащих, и коридорами, переходами, мимо постов охраны провели на второй этаж в приемную. Секретарь-мужчина поднялся им навстречу.

- Фирма «Каскад»? Вас ожидают.

Они вошли в кабинет. Молодой человек с ниточкой-пробором в коротких, чуть вьющихся волосах, в костюме-тройке, при галстукке, пригласил их присесть. Валентина опустила в дальнее кресло, чтобы не заразить хозяина кабинета.

- Чай, кофе? — предложил он.
- Чай, если можно.
- Черный, зеленый, красный?
- Зеленый, пожалуйста.

Валентина подала ему через Люсю свою визитную карточку. Карточка заинтересовала его, он перечел ее раза два-три, и поднял глаза на Валентину. Та приступила к беседе.

— Я должна извиниться за то, что врываюсь к вам со своим гриппом, но дело настолько необычное, что требует совместных усилий. Я генеральный директор рекламного агентства «Каскад». Нас постоянно обслуживает «Концепт-банк», и все наши платежи осуществляются по счетам именно этого финансового учреждения. Каким образом наши деньги стали поступать к вам? И как можно их получить?

— Минуточку, — он наклонился к переговорнику. — Распечатку по «Каскаду», срочно. Не волнуйтесь, сейчас выясним.

Сначала принесли чай в тонких золоченых чашках. Секретарь поставил перед каждым вазочку с сухим печеньем и сахар. Нельзя было не согласиться с тем, что присутствие мужчины-секретаря придает солидность приемной шефа. Это было ново. Валентина пила горячий чай мелкими глотками. Сейчас все разъяснится, образуется, и полоса ужасных неудач сменится на обычную, рабочую.

Потом принесли таблицу с колонками цифр. Управляющий, сдвинув брови, склонился над нею. Вновь взглянув несколько раз на лежащую перед ним визитку, он невольно качнул головой. «Каскад»! Тот же адрес, те же телефоны, факс, но не рекламное агентство, как на визитке, а примитивная ИТД, мастерская пош. р. о., рабочая одежда. Ему стало ясно, что кто-то обошел эту львицу простой игрой ума! Ничего не попишешь, кто-то должен проигрывать. Но как остроумно, как изящно сыграно! Блиц, да и только!

— Боюсь, — медленно сказал он, не сводя глаз с бумаги, — боюсь, что ничем не смогу вам помочь. ИТД «Каскад», пошивочная мастерская, открыла в банке расчетный счет в октябре сроком на три недели. Движение по счету началось сразу же, а сегодня наш клиент полностью обналичил и закрыл счет.

— Как фамилия директора?

— Мы не разглашаем сведений о своих клиентах. Примите мои сожаления.

Подавленные страшными новостями, они вернулись в агентство. Первый же взгляд на бланк договора объяснил все. Внизу, под текстом и расчетами, там, где отпечатаны банковские реквизиты, по которым клиенты отправляют свою оплату, стояли чужие цифры чужого «Конверс-банка». Кто-то столь искусно подменил семнадцатизначные числа расчетных счетов и само название, близкое по начертанию «Концепт-банку», что никто ничего не заметил. Как ни в чем не бывало, советники стали использовать эти бланки, как прежние, и деньги пошли в другом направлении, обогащая неизвестных злоумышленников. Никто не разглядел даже платежки, которые исправно высылали клиенты по факсу!

— Иди, Люся, теперь все ясно. Завтра же обзвони тех, кто еще не успел проплатить и пошли подлинные реквизиты.

— Езжайте домой, Валентина Сергеевна. На вас лица нет, вам в постель нужно. Грипп.

— Да, да. Ступай.

Она легла на скрещенные руки. Вновь запылал огнем грипп, заломило виски. Кто это сделал? Валентина почувствовала себя преданной. Похоже, что он не один, что прекрасно знает внут-

ренные порядки. Кто? За два месяца через агентство прошло не меньше семидесяти человек.

Отдышавшись, позвонила Алексу.

— Алекс, беда. Кто-то подменил реквизиты на договорных бланках и перехватил всю выручку за три недели. Через «Конверс-банк».

Алекс молчал.

— Ты бы мог узнать фамилию?

— Это ничего не даст. Там все подставлено.

— Что же мне делать?

— Ничего. Он где-то близко, сам попадетсЯ.

— Он?

— Не она же.

— Ох, не знаю, не знаю. У меня голова кругом.

— Работай, держись, такова жизнь. Встретимся?

— Я гриппую.

— А-а... Ну, поболей, раз надо. О`кей!

Валентина разболелась на пять дней. В жару и в бреду она вновь превратилась в маленькую девочку, ей вновь виделся сильный добрый человек с седыми висками, капитан дальнего плавания, который увозил ее на сказочные острова, брал на руки и даже взлетал вместе с нею.

Все это время за ней ухаживала Анна Стахиевна. Как врача «божьей милостью», болезнь никогда не касалась ее самой, словно знала, с кем имеет дело, и уважала «спарринг-партнера». Действительно, со времени клятвы ГиппократА Анна Стахиевна ни разу не заболела ни гриппом, ни простудой, видя в этом лишнее доказательство точности своего выбора. В доме Королёвых она стала своим человеком. Между нею и Викентием Матвеевичем, двумя немолодыми людьми, соседями, вырАстала теплая человеческая привязанность, согревавшая их обоих.

Тем временем, бухгалтер Люся названивала по клиентским телефонам, чтобы опередить их платежи по ложным реквизитам. Случайно позвонила и Роберту Кофману.

— Как это? — неприятно поразился он. — Я заплатил валютной госпоже Щербатовой. Что-то не так?

Люся спохватилась.

— Ах, ах! Извините, я ошиблась.

— В самом деле? Я могу быть спокоен?

— Да, да, совершенно! Накладка получилась, простите, пожалуйста. Все в полном порядке! — уверяла она.

— Это очень странно.

Положив трубку, он недовольно нахмурился, словно кот, которого погладили против шерсти. Ну и страна! Никогда ни в чем нельзя быть уверенным! «Накладка»! Новое слово в его словарь. «На-клад-ка»... или «на-кладка» ... или «наклад-ка»? Подумав, он дал сообщение на пейджер Алексу. Звонок раздался минуты через две.

— Что у тебя? — они давно перешли на «ты».

Роберт поделился своей тревогой.

— Мне не нравится этот звонок из «Каскада». Что там произошло?

Алекс расхохотался и в двух словах осветил ситуацию. Роберт был изумлен.

— Никогда не приходилось слышать ни о чем-либо подобном. Это работа артиста.

— Артиста... — повторил его собеседник.

— Безусловно, несомненно! Очень талантливый мошенник! Надеюсь, агентство не погибнет? Этой милой женщине, Агнессе, не будет плохо?

— Конечно, нет. Пустяки.

— Такие натуры не всегда благополучны в обыденной жизни... — начал было Роберт, смутился и оборвал себя на полуслове.

Неожиданно для самого себя, в понедельник Виктор пришел в агентство. Его словно тянуло сюда неведомой силой. «Как злодея на место преступления», — подумал он и с постным лицом уселся за свой стол.

В комнате царило уныние. Как всегда в таких случаях, многие, если не все, оказались крепки задним умом. Кто-то давно заметил смену банка, да не придавал этому значения, рассудив философически, мол, раз нет ничего постоянного в нашем лучшем из миров, то все перемены в порядке вещей; кто-то удивился новому сочетанию нулей в семнадцатизначном расчетном счете, но, вспомнив, что на книжках по оплате квартиры тоже поменялись цифры, решил, что так и надо, третьих невнятно удивило качество бумаги, словом, как водится, в наблюдательности никому отказать было нельзя, зато в бдительности — должно. За три недели у всех случились сделки с оплатой по безналу, и сейчас каждый подсчитывал потери.

— Ух, попадись мне этот негодяй! — кипела Екатерина Дмитриевна, — я бы ему сказала! У нас, у трудяг, воровать, уму не постижимо! А ведь свой, в глаза нам смотрит ...

— Это не факт, — отозвался Юра. — Зачем ему тут засвечиваться? Его и след давно простыл. Такие вещи требуют длительной проработки.

— Очень, очень хитроумный жулик, — задумчиво согласился Максим Петрович.

— Совести нет у людей, — в сердцах проговорила Екатерина Дмитриевна, успокаиваясь.

Виктор поднялся и стал расхаживать по комнате, по свободному промежутку между столами и цветочными подставками.

— Ужасный век! Ужасные сердца!

— Внимание, классика! — поднял палец Юра.

Но Виктор добродушно отмахнулся.

— Не цепляйся, вьюнош. Да, классика. О, времена! О, нравы! Что исправляет нравы? Труд? Никогда, посмотрите на капиталистов. Искусство? Сомнительно. Некоторые уверены, что красота спасет мир. Но пока что она губит его, потому что знает о себе от зеркала. Если бы та береза, за клумбой, старая и корявая, могла посмотреть на себя в зеркало, она засохла бы от горя при виде молодой белоствольной соседки.

— При чем тут... — поморщилась Екатерина Дмитриевна. — Мы, Витя, и так сидим, как прибитые, а вы, артист, вместо поддержки, лишь добавляете желчи.

Виктор вернулся за стол. Он удивлялся на себя. Никакой жалости, никакого стыда, ни раскаяния, ничего! Неужели все это у него на левой руке? Чушь собачья. «Наверное, на старости лет буду ворочаться в постели, но пока, тьфу-тьфу-тьфу, стою как скала». В течение двух дней, предвидя смену денег после Нового года, он носился по городу, менял рубли на *зелень* разного достоинства в трех десятках обменниках. Не в одном и том же, упаси бог! Теперь его девизом стала осторожность. Со вчерашнего дня в укромных тайниках квартиры лежали плотненькие зелененькие пачечки долларов, услада чувств и дум заветных... Он подумывал о железной двери, но побоялся привлечь внимание. И главное. Никакой мести «Белой звезде»! Мальчишество, чушь собачья. Его ответ — его наличность.

— Добрый день! Вас приветствует газета «Городская новь»... — звучал тихий голос Лады.

Несмотря ни на что, она продолжала разыгрывать бесконечные телефонные гаммы. Наконец, и она, вздохнув, положила трубку.

— Не идет сегодня. По голосу чувят, что ли? После двадцати пяти отказов нужно как-то восстановиться.

Она давно заметила, что от плотных рекламных переговоров в душе смолкают все тонкие звуки. И когда это случалось, когда накатывало уныние, а душа просила счастья и музыки, Лада поднималась на последний этаж, и выше, на чердак, если на его дверях не висел замок. Железная крыша, деревянные стропила, гравийная засыпка пола обладали мягким звучанием, и если удалиться от входа и отвернуться к слуховому окну, можно было петь в полный голос и даже плясать на деревянном настиле. Чего она только не пела! «Рябину», «Степь да степь», «Позарастали стежки-дорожки», частушки, арии Розины, Виолетты, Кармен, короля Филиппа, и даже концерты для скрипки с оркестром! На душе вновь возникали нежность и высь. Мягкая, освеженная, спускалась она вниз, к телефонным поединкам. Никто не знал, где она бывала, даже Шурочка.

Виктора, между тем, так и подмывало. То, что никто не догадывается о его успехе, угнетало его, как немота. Он вновь вскочил и пустился в размышления на любую тему, хотя бы о

последнем замечании Лады, лишь бы не молчать, высказываться на публику.

— Да, двадцать пять неудач — это круто, — сочувственно начал он. — Так и сорваться недолго. Ведь кто такой рекламный агент? По большому счету, змеелов. В чем его искусство? Сначала обманными движениями он выманивает змею из норы. Страшно? А как же! Потом хватает за голову и прижимает зубами к чашке. Это вообще жуть. Наконец, готово, змея подоена, договор оплачен. Или сорвалось, и все напроги насмарку. Еще круче. Вот почему надо восстанавливаться. В режиме страха долго не продержишься.

— Вы неисправимы, Витя, — с досадой оглянулась Екатерина Дмитриевна, стоявшая у полки.

Она набирала чистые бланки для своей группы и придирчиво сверяла банковские реквизиты.

— Я просто назвал вещи своими именами. Тьму низких истин, так сказать. Желаете возвышаться самообманами — ваше право.

— Ты всех разрушаешь, герой, — посмотрел Юра. — Я тебе не верю.

Виктор пожал плечами.

— И не надо мне верить. Ищи себя, любого себя в тайных глубинах самого себя. Если бы ... если бы вот это окно стало исправлять себя, чтобы отразиться в мониторе ровным прямоугольником, каким бы оно оказалось на самом деле? Можно представить.

— Оаа, — делано зевнул Юра.

Виктор рассмеялся и уселся на место. Уходить не хотелось. Теперь, после треволнений минувших недель, он ощущал ровную сытость богатого человека. Драгоценная жизненная энергия, затраченная сотрудниками агентства и превращенная в социальную, в деньги, надежно защитила его от суровостей жизни. Но все же следовало сделать хоть несколько звонков, чтобы не вызывать подозрений. Он набрал номер. Был обеденный перерыв, тамошняя секретарша, по счастью, отлучилась, ответил вице-президент компании.

— Слушаю, — сказал он бархатистым баритоном.

И Виктор, уважительно и солидно, как состоятельный человек состоятельному человеку, посоветовал разместить в прессе статью, а лучше интервью на полстраницы, а лучше на целую газетную полосу накануне Нового года, чтобы показать друзьям и недругам, кто чего стоит. Все в комнате подняли головы, внимая этой беседе. Такого здесь еще не слышали! Высший пилотаж!

— Вы меня убедили, — согласился клиент, — пришлите счет по факсу.

— Может, подъехать с договором? — суетнулся Виктор.

— Я сказал, по факсу. Мы оплатим.

Через пять минут заполненный договор, без единого процента скидки, был отправлен.

— Хорошо идти пешком, держа за повод своего коня... — щелкнул пальцами Виктор, полагая, что эта фраза из Монтеня не будет понята никем.

Он ошибался. Шурочка вполне ощутила издёвку этих слов. Сдерживая себя, она сжала кулаки и поднесла их к пылающему лицу. В эту минуту в комнату вернулась Лада, и Шурочка сгоряча накинулась на нее, и неловко, оскорбительно предложила свою прекрасную спасительную помощь.

— Ты меня, конечно, извини, — резко сказала она, — но тебе давно пора сделать пластическую операцию. Молодость проходит, а ты так ничего и не знаешь. Правда, Агнесса?

Агнесса от неожиданности не нашлась с ответом. Все повернулись к Ладе. Девушка залилась румянцем. Как все блондинки, она вспыхивала так, что лицо, шея, уши, и, казалось, само тело розовели в минуты смущения.

— Я... я не знаю, — пролепетала она.

— А что там знать? — напористо продолжала Шурочка, — мой клиент в Косметическом центре делает эти операции каждый день. У него такие альбомы с исцелёнными — глазам своим не поверишь! Я положила им скидку в сорок три процента, так что все схвачено, за все заплачено, как в песне. Иди и возвращайся красивой.

Все молчали. Поворот темы был сногшибательным.

— Быть или не быть, вот в чем вопрос, — Виктор встал в позу Гамлета. — «Достойно ли смиряться под ударами судьбы или надо оказать сопротивление»...?

Никто не обратил на него внимания. Все молча обдумывали новость.

— Что молчишь? — смягчилась Шурочка.

Из глаз Лады покатались слезы.

— Я боюсь, — мучаясь вторжением в свое сокровенное, прошептала она. — Вдруг не получится...

— А если не получится, то врач обязан на тебе жениться. Опять не хуже, — наставительно склонился к ней Виктор.

— И ничего смешного! — наконец-то сорвалась на него Шурочка. — У человека судьба решается, а ему шуточки! — базарные нотки явственно зазвучали в комнате. — Смотрите на него! Ходит тут, выказывается... Плевать ему на всех, ему хорошо, и ладно! А люди хоть пропадай!!

Виктор опешил. Что-то знакомое было в этом, что-то, что-то...Зора... Черт бы побрал этих женщин с их ведовством!

Но Шурочка уже выплеснулась и замолчала ради собственной безопасности. Она под села к Ладе.

— Не бойся. Я видела у Карена фотографии людей до и после операции. Очень хорошо получается, правда-правда. Вот его визитная карточка. Звони и записывайся на первый прием. Скажешь, от меня.

— Алло! Семен Семенович, ты слышал новость?

— Нет. Какую?

— «Голоса» передали только что. Крах на биржах Юго-Восточной Азии. Азиатские «тигры и драконы» ранены. В Сингапуре, Южной Корее, Тайване — везде обвал. Они говорят, что это дело рук США, точнее Джорджа Сороса. Как ты считаешь?

— Выходи на сквер, Викентий Матвеевич. Надо обсудить.

Они встретились минут через сорок и пошли по обледенелым дорожкам. Было ветрено, на ледок ложилась пороша. Они сошли с тропинки и зашагали по газону, чтобы не поскользнуться.

— Теперь жди беды, — говорил Викентий Матвеевич. — Подскочит доллар, поползут цены. Это надолго.

— Не сразу же, — возразил Семен Семенович. — Сначала в Европе, потом у нас.

— В Восточной Европе, скорей всего. Мы следующие.

Семен Семенович нахмурился. Он получал военную пенсию и мог бы, казалось, не слишком печалиться, но жена, дети, внуки — всех надо поддерживать, и если поползут цены, накроет всех без разбора.

— Понятно, чьи это козни, — произнес он. — Конечно, все это Америка делает. Не нравится ей, что они все могут объединиться и жить своим миром. Азиаты! К ним Китай ближе, вдруг с ним сговорятся? Вот американцы и хотят их в пыль разбить. И нас заодно. Мы теперь слабые, дохлые, никудышные. Знаешь, под каким условием они помогают Украине и Молдавии?

— Под каким? — Викентий Матвеевич знал, и сам же говорил об этом майору, да тот, видно, запомнил.

— Чтобы они не платили долгов Газпрому!

— Ишь ты.

— Так нам и надо! — злился Семен Семенович. — Тащим к себе их демократию, точно заморскую невесту. Промышленность остановилась, народ криком кричит, жулики расплодились, как тараканы. А мы их во власть выбираем в этой *дерьмократии*, что в Кузнецке, что в Нижнем Новгороде. Учителя, святые люди, прекратили занятия с детьми! Голодают! Когда это было? Позор! Нет, Викентий Матвеевич, демократия не для нас. Вон, в девяносто третьем, в октябре, помнишь? — расстрелял собственный парламент, и что? Вскочил петух на забор, кричит с танка, а руки-то в крови, кто он теперь?

— Помнишь, Семен, как народ повалил тогда на Пресню? Зевак на улицах, как на гулянии! Нам все игрушки, — майор погрузился. — Потом как запылал, как задымился Белый дом. Мне из штаба хорошо видно было. Клубами черными, с пылью, лишь красные флаги сквозь них трепетали... Нет, Викентий Матвеевич, труха все это. Верховная власть должна быть крепкой, единой, как всегда было на Руси. Иначе рассыпемся на кусочки.

— Военным людям нравится дисциплина, — миролюбиво согласился Викентий Матвеевич.

— Я и не скрываю этого. Что такое ваша свобода? В понятии русского народа свобода — это воля, а воля — озорничество. Дать ребенку свободу, значит, погубить его, дать русскому человеку свободу, значит, погубить Россию. Так и происходит.

— Ты слышал о гонорарах этого рыжего? Четыреста пятьдесят тысяч долларов за книгу! — усмехнулся Викентий Матвеевич.

— Да слышал, слышал. Такая же пакость, как и все они там *наверху*. У них свои разборки. Деньги — в заграничные банки, народу — лапшу на уши. Что же нам-то делать?

— Пока не поздно, все сбережения перевести в доллары.

— А где хранить? Государство опять обманет.

— А коммерческие банки, думаешь, не обманут? Клады пора закапывать, земля сохранит. Дожили. Держите деньги в банке, а банку в огороде — безнадежно усмехнулся Викентий Матвеевич.

— Не верит народ правительству, уже не верит. У кого, в какой стране такое возможно? Государство чистит карманы граждан, яко тать в нощи... куда ж бедному человеку податься? Куда-а?... Беззащитны мы, сиры и бесправны в родном отечестве, — старый солдат с горечью отвернулся.

Они прошли до большой дороги и повернули обратно. Был час утренней выгулки собак. Множество животных разных пород, в том числе овчарки и доги, бегали по всему скверу без поводков и намордников, сбивались в стаи, учиняли драки и хриплый злобный лай. Чистый снег покрывался ежедневными пятнами их грязи. Собак было столько, что мамашам с колясками и с маленькими детьми гулять по дорожкам становилось опасно.

— Выйдешь еще? — спросил Семен Семенович.

— Наверяд ли. Разве что к вечеру. Как же нам разобратся с этими «тиграми и драконами»?

— Будем наблюдать.

Тот недоброй памяти октябрь девяносто третьего года, грохот канонады на Пресне ударил по здоровью Мокия Кузьми-ча первым инсультом. Внезапно, среди бела дня, прямо за рабочим столом, старик обмяк и повалился на левый бок, уронив телефонную трубку. Недели через три речь его восстановилась, в руках для устойчивости появилась массивная резная трость, однако, на былое здоровье рассчитывать уже не приходилось. Поэтому-то и повез Егоров своего зятя «в медвежий угол» к холмистым переулкам Трехгорья, там же, у Красной Пресни.

Впервые в жизни Алекс увидел этот двухэтажный, нескладный, крепко сделанный домик с аршинными стенами и мелкими оконцами. Он выделялся простою побелкою, сквозь которую нет-нет да и розовел голый кирпич.

«Утюг»- усмехнулся Алекс, вылезая из машины.

В этом неказистом строении, по объяснениям тестя, совсем недавно располагался склад министерства бытового хозяйства, упраздненный лишь в позапрошлом году. Теперь же, «охраняемый государством, как архитектурный памятник середины восемнадцатого века « домик стал собственностью господина Егорова. Кому этот «утюг» принадлежал от-века, Алекс стал догадываться, когда, отгремев железными дверями, стали подниматься — он, Грач, Мокий Кузьмич и доверенный нотариус, по крутым, белого камня ступеням на второй этаж. Ковры, занавеси, старинные стулья, лавки, сундуки... по дубовым кондовым доскам пола мужчины шли под крепкими сводами в залу. Перед ее тяжелой, с латунными накладками, дверью находились две-три двери поменьше. Из одной вышел и присоединился к ним Константин Второй, в других, чуть приоткрытых, виднелись фигуры служащих и современное офисное оборудование.

Зала сохраняла облик, соответствующий впечатлению от всей постройки. В камине потрескивал огонь, вдоль белых стен тянулись глухие деловые шкафы, батареи парового отопления были прикрыты дубовыми панелями, всю середину помещения занимал обширный тяжелый стол, окруженный неподъемными стульями. Внизу, под столом, нашлась удобная и широкая подставка для ног.

Отдуваясь, Мокий Кузьмич сел на председательское место. *Одесную* усадил Алекса, по левую руку — Грача, пригласил расположиться поближе нотариуса и Второго.

— В присутствии доверенных лиц я, Егоров Мокий Кузьмич, владелец ИЧП «Параскева», находясь в ясном уме и твердой памяти, передаю права на все имущество внуку моему Силе Алексеевичу Мотовилону одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения августа двадцатого дня. До достижения моим внуком совершеннолетия в две тысячи третьем году опекуном и доверителем назначаю его отца, то есть моего зятя Алексея Андреевича Мотовилова. В случае развода супругов все имущество ИЧП «Параскева» разделу не подлежит как принадлежащее единственно Силе Алексеевичу Мотовилону.

Примерно так была выправлена бумага, взвалившая на плечи Алекса, двадцатисемилетнего Президента Интернет-провайдерской российско-американской Компании, тяжкий груз из сотен разнородных предприятий, разбросанных по всей Руси. И как только Егорову удалось нахапать полные руки такого добра?

Ответы и догадки на эти вопросы мог бы отчасти подсказать портрет, что висел на белёной стене. Сходство с Мокием Кузьмичем было разительным. Сумрачный старик с белой колючей бородой, стриженный в кружок и причесанный на прямой пробор, в халате с куньей опушкой и толстой золотой цепью на груди, сердито смотрел вполборота влево, опустив на колени руки — руки хозяина, украшенные обручальным кольцом и двумя перстнями.

Изображение было выполнено в манере провинциального семейного портрета, судя по всему, в начале восемнадцатого века; подобных ему характерных живописных полотен немало сохранилось в русских отдаленных музеях. Художник, как правило, оставался неизвестен.

Секретарша внесла подносы с напитками и угощением. Событие отметили, уважили. После этого хозяин попросил удалиться всех, кроме зятя.

Алекс молчал. Странное ощущение владело им. Словно из отдаления, со стороны увиделся ему изгиб его собственной судь-

бы, искривленный стариком Егоровым, изгиб предумышленный, но... но... *не петлевой*... Это слово закрепило легчайшее ощущение проблемы, чтобы не потерять ее в хаосе повседневности, но *отработать* в ближайших буднях.

— Что скажешь, зятек? — усмехнулся Егоров. — Нагрузил тебя на десять лет, словно срок дал. У тебя и своя ноша немалая. Потянешь?

Алекс молчал. Трех прекрасных сыновей не назовешь ловушкой, хотя замысел тестя обнаружил себя полностью.

— Справлюсь, — кивнул он.

— Глянь-ка сюда, Алекса.

Образованный человек, министр, Егоров словно снимал с себя *весь политес*, когда оставался наедине со своими.

Он тяжело подошел к шкафу, просунул руку в щель у стены. Нажал на что-то. Шкаф открылся, обнаружив идущие внутрь — вверх деревянные ступени.

— Ступай, пока не скрипнет. Фонарик не забудь.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Седьмая ступенька тихо скрипнула под ногой. Алекс замер.

— Плашечку справа чуешь? Сдвинь.

Алекс ахнул. В тайнике мигал огонек шпионского самописца! Выпускник МГИМО, он понимал в них толк. Эта модель принимала условный сигнал на расстоянии до пяти километров и шифровала на пленку. Одной заправки хватало на полгода.

— Внял, Алекса? Смени на свежую. Спускайся.

Заметя следы, они уселись за стол. Тесть молчал. Глаз его стал дергаться, левая щека перекосилась, в дыхании появились хрипы.

— Таблетки, таблетки, — он неуклюже полез в боковой карман пиджака.

Алекс дал ему запить из бокала. Мокий Кузьмич пришел в себя. Помолчал и заговорил спокойно, как человек, свершивший задуманное.

— Все, зятек. Теперь хочешь-не хочешь, тащить тебе этот воз и приумножать. В тебе я не сомневаюсь. Ты умен, но крылат, легковат для нас, грешных. Не сорвись. Время бежит, дети растут. Так.

Он отдышался и кивнул на плоскую, извлеченную из тайника пластинку с пленкой.

— Это, дружок мой, удивительный материал. Я плачу за него огромные деньги. Потому что в нем содержится досье на все московские и российские криминальные группировки, что существуют на сей момент. Источник готов работать еще хоть десять лет, лишь переводит сумму на его счет. Имея это, мы с Грачом в состоянии оградить себя от любого наезда, не ввязываясь в их разборки. Нас уважают. Недавно машину украденную пригнали обратно, узнав, чья она. Вот так.

Алекс тонко улыбнулся.

— Авторитет-с?

— Бери повыше.

Они помолчали. Алекс вздохнул.

— Грачу доверять полностью?

— Да, да. У нас вековые связи.

— А Второму?

— Тут похуже. Он пока не опасен, но может... ох, может!

Старику пришлось выпить еще три пилюли. Он становился плох, и спешил, спешил сказать все необходимое.

— Горизонтальный бизнес, Алекса, рыхл и блудлив, грош цена ему в базарный день. Нужна поддержка, вертикаль. Два-три своих губернатора, место в Думе, свое лобби. Ты и сам высоко летаешь, должен знать. Так. Еще вот что. Десять лет — срок огромный. Ежели лет через пять выдохнешься, земь наша занудит тебя, — передай дело Грачу. Он дотянет, ему в охотку. Так. И последнее. Обещай мне. Все внуки должны получить образование получше вашего. Оксфорд, Кембридж — вот уровень. Все, Алекса. Зови докторов.

Старик Егоров умер дома, в своей постели, не велел везти себя в больницу. Грача просил не оставлять семью, его Верушку. Родственникам наказал не вскрывать тело, предать земле в краях заповедных. В последний час успел исповедоваться своему священнику и отошел с миром.

Если найти место, равноудаленное от Кремля и от храма Христа Спасителя, хотя бы за Москвой-рекой, на Болотной площади, близ «Дома на набережной», то можно понять опасения архитекторов, возводивших в девятнадцатом веке этот храм, как символ мощи Руси и православия. Да, златоглавая махина тяжело перевешивает Кремль. Да, древнее сердце столицы, седые стены, древние палаты и колокольни выглядят отсюда хороводом остроконечных башенок на углах красной зубчатой ограды, внутри которой празднично и невесомо красуются разные постройки, тонко-узорное белокаменье да сияние золотых луковиц. И все городские окрестности вокруг возведенного Храма также пригнулись в его поле, уменьшились, словно вросли по колено в сырую землю. И название станции метро пора менять на третье, вслед за улицей, потому что «Кропоткинская» напоминает о князе Кропоткине, путанике и путнике в обольстительных дебрях русского анархизма, который нынче, как и Дворец Советов, давно вышел из моды.

Думая обо всем этом, Агнесса шла на переговоры в Московскую Патриархию. У нее была самая благая задумка. В связи с приближением Нового года и Рождества поместить на газетном развороте «Календарь церковных дат и праздников», даже открыть постоянную страничку для верующих всех конфессий, которые действуют в Москве. Нет слов, такие вещи делаются бесплатно и бескорыстно, но раз идея возникла у нее, сотрудницы рекламного агентства, то почему бы не попробовать вначале рекламные средства? Попытка не пытка.

Сама Агнесса верующей себя не считала, не ходила в церковь и ничего не просила у Бога. Но быть матерью больного ребенка и не веровать совсем — невозможно, к тому же краткий опыт религиозного просветления у нее был.

Это случилось в прошлом году в такие же мокрень и грипп. Горячая, простуженная, Агнесса сидела на постели и сквозь болезненный туман едва внимала историческому телевизионному рассказу об иконе Владимирской Божьей Матери. В пятнадцатом веке, во время нашествия икону привезли в осажденную Москву. Навстречу ей вышел весь московский люд; на улицах был отслужен молебен. После этого на следующий день без видимых при-

чин татарский хан отвел войска из-под самых стен и удалился. Сейчас, правда, считается, что это был не хан, а казак из Орды, то есть, войска, и что никакого татарского нашествия на Руси вообще не было, так, обычные военные разборки и полевые командиры, иначе почему бы татарам бояться чужой иконы? Но тогда Москва была спасена. Агнесса смотрела и слушала будто в забытьи, как вдруг в душе, подобно первому, еле слышному, движению ребенка во чреве, шевельнулся светлый завиток. Обратившись во внутренний слух, Агнесса принялась бережно выращивать в себе этот слабенький росточек. Больше, больше. Наконец, заиграли переливами лучи, сноп света озарил каждый закоулок. И странно. Не было ни умиления, ни упования, но лишь радость и приобщение, словно *там* и не хотели ни самоумаления, ни коленопреклонения, но лишь возрастания человека до *их* светлоты. Болезнь ослабла.

Под зонтиком от зимнего дождя Агнесса поднялась по Пречистенке.

Старинная улица была неширока и малолюдна, чего не скажешь о машинах, мчащихся от Лужников и Новодевичьего монастыря напрямую к центру. Других звуков, кроме влажных автомобильно-дорожных, вокруг не было. Вдоль тротуаров струились ручьи, их сильное течение бурлило вокруг ног, когда приходилось пробираться через переулок, из водосточных изгибов крыш вдоль фасадов всех особняков, которыми была богата улица, на головы пешеходов также рушились потоки воды. Чистый переулок был залит водой более, чем любой из встреченных, поэтому обходить его пришлось широким окольным ходом.

Наконец, Агнесса прошла вдоль невысокой зеленой ограды с желтыми шишечками и свернула во двор к строениям, выкрашенным в нежный светло-розовый цвет.

За оградой царила тишина. Словно и не было вокруг городского шума, гудящей автомагистрали. Здесь покойно стояли темные ели, вдоль расчищенных дорожек лежал влажный белый снег, над дверьми красиво нависали чугунные козырьки с витыми украшениями.

Потянув на себя неширокую, мокрую от непогоды, деревянную дверь, Агнесса оказалась внутри приземистого здания. Внут-

ри него стояла такая же тишина. Над головой плавными тонкими гранями сходились к вершине низкие закругленные своды, в небольшие окна лился неяркий свет зимнего дня. Она вдруг ощутила всю суетность своей затеи. Бородатый служитель в черном, из простых, надзирающий за порядком, показал ей дверь священника-администратора в одном из боковых проходов.

Из кабинета доносились голоса. Следовало обождать.

В тесноватом коридорчике Агнесса была не одна. Сюда выходила и другая дверь, возле которой висела табличка: «К преподающему не толпитесь, размещайтесь на стульях в передней.» Несколько священников в черном облачении с крестами на груди ожидали (толпились стоя) в почтительном молчании. Это были мужчины солидного возраста, с бородами, давно побитыми сединой. Среди них выделялся красивый, совсем не старый, грузин с огненными черными глазами, свежим лицом и тоже сединой в смоляной кудрявой бороде, но, как бывает у южан, лишь украсившей его мужественную внешность. Они оказались совсем близко, и он невольно скользнул взглядом по фигуре Агнессы.

Но тут из «ее» двери вышел молодой человек в сутане, и она перешагнула порог.

Кабинет был обширен. Ей показалось, что его теплое сумрачное пространство не было «обставлено», но было «обжито». За стеклами шкафов поблескивали золотые книжные переплеты, на большом «толстовском» столе с оградкой и зеленой настольной лампой было опрятно и строго. Суховатый, светло-приветливый человек, отец Владимир, приподнялся навстречу, предложил сесть напротив него, устремил на нее внимательные глаза. Волнение улеглось. Просто и толково она развернула перед ним свое *коммерческое предложение*, подала составленную накануне и набранную на компьютере «Записку...» о том же, и медиаплан с расценками, объемами и сроками. С учтивостью, подбаивающей месту, поинтересовалась службой «Связи с общественностью» в условиях Патриархии, и выслушала серьезные, чуть-чуть иронические, ответы.

Наконец, беседа окончилась. Отец Владимир поднялся, сделал шаг навстречу ей и двери.

— Я доложу по начальству, — с мимолетной улыбкой сказал он, как бы расставляя точки *над чисто-коммерческими переговорами*.

— А я, с вашего разрешения, перезвоню вам через неделю, — простилась она.

Бережа впечатление от беседы с умным, неощутимо-легким человеком, Агнесса вышла за зеленую ограду и дальним обходом, переулками с дивно-старомосковскими именами принялась плутать вдоль старинных особняков, словно по кривым дорожкам, так или иначе ведущим к станции метро.

Через неделю она осторожно напомнила о себе по телефону и услышала сдержанный, чуть усталый голос.

— Преподобного не было, ничего не известно.

Еще через неделю звонки остались безответными, трубку не брали. Умудренная рекламным опытом, она больше не звонила.

В театральной труппе «Белая звезда» давали премьеру. «Катя + Гриша = любовь» современного автора Кондрата Рубахина, как обозначил он на афише свой псевдоним. Была его пьеса недлинной, в двух актах, по образу и подобию всех современных спектаклей, которые не рискуют задерживать внимание «новых русских» долее, чем на два часа. На суд зрителя представлялись шумные сцены золотых екатерининских времен, эротические, танцевальные, с простой, но лихо закрученной интригой, с откровенно-грубоватыми, в духе «светлейшего», шуточками и россыпью намеков. И хотя давным-давно можно было говорить, что угодно, автору казалось, что намеки действуют острее, будоража глубинные влечения и либидо каждого зрителя. Вениамин Травкин был согласен с ним.

Главным затруднением спектакля чуть было не оказались костюмы. Из-за них, этих фижм и камзолов, париков и корсетов грозили обрушиться все творческие находки и осуществления молодой труппы. А помещение! Аренда, ремонт... Но репетировали так, будто были приглашены, по крайней мере, во Дворец Съездов

Всю осень на Веньку было жалко смотреть. Он вел стаю вслепую, в полную неизвестность, уповая лишь на то, что работа, как хлеб, сама себя несет. И точно. В последнюю минуту, уже в декабре, за три недели до премьеры у театра появился спонсор. И какой!

В помещении застучали молотки, зажужжали швейные машинки...

Премьера, премьера!

... Виктор гулял по фойе, рассматривая портреты артистов. Его портрета уже не было. Это понятно. Но изменилось и еще кое-что. Появились новые входные двери, самораздвигающиеся перед входящим, и обивка стен рубчатой синей тканью вместо обшарпанной масляной краски, и пушистые одноцветные ковры под ногами, диваны и многое, многое. Знакомая буфетчица, разодетая в фирменную блузку с вышитой «Белой звездой» на груди налила ему коньяку в чистейший фужер, подала черную икру с лепестком сливочного масла, и осетрину первой свежести на мягком ломтике белого батона.

Он вошел в зал после третьего звонка, сел на последний ряд.

Екатерину Вторую играла, конечно, Наталья Румянцева. С тех пор она похорошела и расцвела еще больше, и в этой костюмной роли была неотразима. Наташка, его Наташка, чужая жена... А сами костюмы! Даже с последнего ряда бросались в глаза богатые шелковые и бархатные ткани, вспышки драгоценностей на шее и руках. Бриллианты, ясное дело, были поддельными, но от дорогих зарубежных поставщиков. Зато хрустальные бокалы, и, чего доброго, шампанское были настоящими!

И вся пьеса пенилась и кипела страстью Императрицы и Потемкина. Bravo, Рубахин! Bravo, Травкин! Любовь героев казалась настолько искренней, необузданной, отчаянной, словно у них оставался один-единственный миг жизни! Что вытворяли артисты! Как раскручивали действие!... Но Виктор-то знал, что в жизни сама Наталья на ножах с этим актером — «Потемкиным», что лучшая подруга — «Княгиня Дашкова»- в жизни чуть не отравилась из-за ревности к нему, Виктору, что весь блеск лицедейства и гром аплодисментов не спасет артистов от обществен-

ного транспорта, которым они вернутся домой. Но таков ТЕАТР, божественное искусство!

В антракте он вновь завернул в буфет, выпил коньяку и отправился за кулисы. Ноги сами несли его по знакомым переходам. С бьющимся сердцем прошел коридором, свернул налево, поднялся на несколько ступенек и вдруг увидел всех сразу. Вся труппа в париках и костюмах стояла с бокалами в руках вокруг молодого господина с бородкой, в черном смокинге с блестящими отворотами, и его дамы. В даме, высокой царственной женщине с открытыми плечами, горделивой головой и спокойным взглядом серых глаз он мгновенно узнал Валентину. Она была в длинном платье удивительной красоты.

— Виктор! Какая встреча! — произнесла она. — Ах да! Ведь это же ваш театр! Налейте ему, друзья!

Виктора затормошили старые знакомые. Он подошел к Наталье, нагнулся к ручке, поздравил с законным браком. Она поблагодарила. Театр!

— Кто это? — негромко спросил Алекс у Валентины.

Брови его слегка подрагивали, он словно ощупывал явление нового лица.

— Это мой сотрудник. Он артист.

— Артист... — произнес Алекс и вновь полоснул взглядом лицо Виктора. — Его фамилия Деревянко?

— Селезнев. Почему Деревянко? — повернулась она.

Виктор сбежал из театра в том же антракте. Неясное, тяжелое чувство глодало его. Вот кто стоит за Валентиной! Вот с каким огнем он игрался! Под морозным ветром, не замечая холода, бежал он по переулку, домой, скорей домой, под защиту своей норы. Неведомым образом этот холеный незнакомец переворочил его, словно стог сена. Чушь, бред собачий, как он может? Виктор злился, вновь и вновь переживая острый, как бритва, взгляд Алекса.

Главный дирижер оркестра отложил в стороны документы и дипломы сидящей перед ним девушки и сделал вид, что задумался. Он знал Ладу еще в консерватории, помнил ее тончайшую

музыкальность, и, не колеблясь, пригласил бы ее к себе, но... простит ли зритель? Не слушатель, зритель. И почему эта девочка никак не осмелится сделать шаг? Как просто все решается за рубежом, там человек в ее положении давно бы расстался со своим изъясом и жил полной жизнью! Но как ей скажешь... Он прижал пальцы к утомленным глазам под очками, зажмурился и встряхнулся.

— В мае следующего года мы объявляем конкурсный набор исполнителей на многих инструментах, в том числе на арфе. Готовьтесь.

С благоговением, внушенным еще в музыкальной школе, покинула она «обитель муз», Московскую Филармонию, тихо закрыла высокую входную дверь. Оркестр! Многоструние, громады звуков, божественное в человеке! Какое счастье играть в оркестре! Она знала его, это счастье, когда участвовала в конкурсах, в последнем туре... о, как она знала это!

Рассказывать дома о посещении главного дирижера она не стала, пообедала мамиными котлетами и ушла заниматься в свою комнату. Дело не в конкурсе, дело во внешности, — с унынием думалось ей. Арфа стояла в изголовье возле постели, подальше от окна и внешней стены. У внешней стенки помещалось пианино. Больше в маленькую комнатку ничего не втиснулось, было тесновато и скромно, но инструменты были хорошие.

Она села на постель, подобрал ноги. Посидела тихо-тихо, словно затаилась, потом прерывисто вздохнула, поднялась, прошла, не подымая глаз, мимо зеркала к телефону в передней.

— Слушаю вас, — ответил сильный мужской голос.

— Алло, — еле слышно начала она. — Можно мне... — и запнулась.

— Решительнее, дэвушка! — весело засмеялся Карен, нарочно усиливая акцент. — Из «Городской нови»? Шурочкина подруга? Созрели? Жду вас на первые смотрины завтра к одиннадцати часам. Без очереди.

— Грач? Я, Алекс. Приятная новость. Я вычислил твоего двойника. Процентом на девяносто.

— Кто он, Андреич? Я ему голову сверну.

— Ха-ха. Это сотрудник «Каскада», артист из «Белой звезды» в амплуа первого любовника. В свободное время любит играть в разбойников. Его зовут Виктор Селезнев. Последи за ним. Он может быть нам полезен.

— Понял, шеф.

— Мягко, неназойливо. Он чуток и восприимчив. Не спугни.

— Ясно, Андреич. Будет сделано.

На Ленинградский вокзал Толика пришла проводить жена. Она стояла на перроне в беличьей потертой шубке, в пуховой шаляе на голове, держа в руке букет недорогих ветвистых гвоздик. Ее тревожил негастрольный отъезд мужа, и лишь безусловное доверие между ними охраняло от подозрений. Не ведала она и о деньгах, не видела их, а то бы испугалась.

Они дорожили друг другом. Он появился в ее жизни шесть лет назад, вечером после похорон ее матери, когда она почти без сознания стояла у своей двери и не могла войти. Три месяца мать ее, молодая, в сущности, женщина, умирала от рака. В последнюю минуту дыхание ее выровнялось, глаза открылись, и перед взором развернулись быстрые картины, полные света и смысла, потому что зрачки съузились в точку, как от солнца, а между бровей заломилась легкая складочка внимания, знакомая дочери по прежним временам.

Анатолия же судьба привела в тот вечер прямо на ту же лестницу, к закрытому окошку между этажами, где стояла горячая отопительная батарея и где он расположился на ночлег. С окончанием учебы общежитие для него закрылось, жить было негде. Анатолий не ухаживал за девушкой, он выхаживал ее. В армию, подводником на Северный флот, ушел уже семейным человеком, на пятый месяц службы родился его первый сын. Сейчас жена его работала медицинской сестрой в послеоперационной палате. Взятка не брала. Толик подшучивал над ней и ценил ее.

— Когда прибудешь, позвони или дай телеграмму, — она шла под фонарями вдоль перрона вровень с окном его купе, под которым было написано «Москва-Мурманск».

— Да, да. Иди домой, — так же знаками отвечал он.

Наконец, закончились и вокзальный перрон, и прощание с женой. Он остался один на один с тем, что задумал.

В купе, кроме него, оказались два моряка, соседние купе заняли еще несколько человек в морской форме. Больше пассажиров не было. Поезд шел незагруженным, пустовала половина вагона. Да и кому охота уезжать из Москвы под зимние праздники! Морячки ушли к соседям, а он, постелив, что дали в пакете, залег под одеяло на нижней полке.

По окончании второй «операции» он стал человеком, имеющим начальный капитал. Это еще не деньги. Деньги должны работать. А вот в том, что дерзкая афера удалась дважды, что пережитый им гибельный «трус» не обагрил его рук и принес целое состояние, явственно ощущалась благосклонность судьбы, обязующая его взрастить взамен нечто прочное и благотворное. В бытность свою на северах, в заливе близ Кандалакши, где стояла его часть, заметил он, бог знает зачем, ладно работавший заводик стройматериалов — гранитной крошки, щебня и гравия. Даже память о Кольском полуострове, искристый кусок розового гранита, взял из его отвалов. Нельзя сказать, что свет сошелся клином на приполярном сельце, или что валяльное производство под Верхней Салдой сулило меньший размах — отнюдь нет. Просто, из многих равенств следует брать то, куда тянется душа.

Он выбрал.

За окном было черно. Колеса стучали и словно ворочались под вагоном, бились и валились друг на друга. Резкие пристанционные огни слепили даже через простыню. Уже через сутки вновь увидит он неяркое небо без солнца, розовые, пересыпанные снегом и поросшие соснами гранитные увалы в косом, всегда вечернем зоревом освещении, ледяные зеленые торосы в заливе, низкий, грозный Млечный путь над головой, и холодное полыхание северного сияния.

«Да, — подумал он, поворачиваясь под теплым одеялом лицом к стенке, спиной к синему потолочному ночнику. — Коли

есть на мне грех перед той Валентиной, то я искуплю его, расплачусь когда-нибудь, ей-богу. Только бы споро пошло. Собственное дело — не хухры-мухры, как говорится, а хрю-хрю. Да».

Митяй появился в агентстве незаметно. Посидел в одной комнате, у Екатерины Дмитриевны, заскучал в тамошнем обществе и сел за свободный стол в другой комнате. Народу здесь было мало, лишь Шурочка да Максим Петрович, потом пришел Виктор. Увидев, что стол его занят, хлопнулся на место Агнессы. Шурочка поговорила с новыми клиентами, позвонила двум-трем старым, условилась о встрече и стала собираться в путь.

— Нравится наша работа? — спросила приветливо у новичка.

К новичкам здесь привыкли, как к бесплатному развлечению, потому что каждый из них был непохож на другого и чем-то интересен. У этого, к примеру, была очень модная прическа «горшком», когда русые сыпучие волосы растут до середины затылка, а ниже побриты чуть не наголо.

— Нормально, — кивнул Митяй. — Сколько в месяц?

— Чего сколько? Звонков или денег?

— Денег, конечно.

— Как постараться. Двенадцать процентов от суммы договоров.

— А кому остальное?

— Сорок процентов берет газета, остальное... не наше дело. Каждый делает лишь свой бизнес.

Митяй хмыкнул

— Ничего себе, бизнес. Двенадцать процентов!

— В других местах вообще по шесть дают, а люди работают.

Она увязала цветастый платок поверх пальто и ушла. В комнате остались мужчины. Виктор никак не мог бросить «Каскад». Почему-то казалось, что была необходимость в том, чтобы знать, что происходит здесь каждый день. После блистательного договора на целую страницу без скидок он мог без зазрения совести бить баклуши на глазах у всего агентства, потому что таких

денег хватает на полгода, а звание суперсоветника, как не крути, у него не отнимешь... И проще было зайти, перекинуться двумя-тремя словами, даже прозвонить прежних клиентов, их свеженьких звонкоголосых секретарш, чем опасаться неведомо чего.

А чувство опасности не проходило.

— Где здесь курилка? — спросил у него Митяй.

— Пойдем вместе.

Они спустились по лестнице. Митяй, щуплый, вертлявый, спускался впрыжку, словно пританцовывая.

Строители успели поставить глухую перегородку подальше по коридору, а поближе к торцу построили другую, с дверью, для переговорной комнаты. Ни обоев, ни мебели еще не было, стояли два стула из верхних комнат. Виктор сел и посмотрел на быстроглазого малого.

— Работать пришел?

Тот дернул щекой.

— На пробу, да вряд ли останусь. Эту рыжую, я смотрю, стригут здесь, как овцу, а она блеет от удовольствия. «Мой бизнес!» Двенадцать процентов! Ничего себе, ага? — его глаза обежали Виктора, его новый «прикид». — Ты тоже так вкалываешь?

Виктор усмехнулся.

— Со мной особый расчет.

Митяй понимающе кивнул русской головой.

— Знаешь анекдот?

— Ну?

— Приходит один наниматься в уборщики. Ему дают штуку баксов в месяц. «А что так много?» — удивляется он. «А ты думаешь, здесь только мусор убирать придется?» Ага?

— Нормально.

— Не хочешь познакомиться кое с кем? — невзначай спросил Митяй.

— Чем они интересны?

— Да так. Из одного рубля делают два всего за неделю.

— Что ж тебе не сделали?

— Сделают. Где тебя можно найти?

— Зачем?

— Да хоть денег занять. У меня ни копейки.

Виктор достал сто тысяч.

— Бери. Разбогатеешь — отдашь.

— Ага. Новыми, после Нового года.

Они поговорили еще немного и поднялись наверх.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В восемь часов вечера в дом пришли Дед Мороз и Снегурочка. Высокий, с белой бородой, одетый в красный халат с серебряной опушкой, в рукавицах и с посохом, Дед Мороз вогнал девочек в робость. Они робко отступили, увидев в комнате это красно-белое громкоголосое диво, застеснялись, потупились, еле слышно отвечая на его звучные вопросы. Но Снегурочка, вся в блестках, с длинной желтой косой, сразу пришла им на помощь. Она была заодно с ними, на их стороне, и весело рассказала Деду Морозу о том, какие они прекрасные девочки, как слушаются маму и дедушку, и что они, конечно, заслужили самые лучшие в мире подарки на Новый Год.

— Я очень рад прийти в гости к таким замечательным детям, — провозгласил Дед Мороз, доставая из мешка блестящий пакет. — Примите мои подарки, пусть Новый Год будет для вас самым счастливым и веселым! Поздравляю красавицу-матушку и молодого дедулю, всем здоровья и счастья!

Валентина украдкой опустила в его мешок бутылку хорошего вина, а в карман несколько новеньких хрустящих сотен. А в блестящем пакете лежали две нарядные куклы, две пары туфель для танцевальных уроков в колледже, две пары фигурных коньков и воздушное печенье. От себя мама, одетая в красивое платье, подарила им по маленькой коробочке, открыв которые девочки нашли золотые знаки Весов на тонкой цепочке.

— Это что? — спросила Нюся.

— Это Весы.

— Зачем?

Валентина посмотрела на свекра.

— Зачем, Викентий Матвеевич?

— Чтобы взвешивать хорошее и плохое. Поступки и мысли, — нашелся он не очень уверенно.

— А как? — эта маленькая девочка не в первый раз ставила втупик взрослых.

— За стол, за стол, — позвала Валентина.

Стол подвинули к елке. Ее нарядили еще вчера, все вместе, повесили игрушки и множество сладостей, мандаринов, конфет и печенья в виде колечек и морских звезд с дырочкой в серединке. По ветвям перебегали разноцветные огоньки, искрились блестками кусочки ваты. Дети надели новенькие туфельки от Деда Мороза и уселись за праздничный стол.

Девочек звали Бася и Нюся. Взрослые имена их лежали в документах. Девочки были похожи, но не как две капли воды. Бася, дедова любимица, была копией темноволосого и темноглазого Бориса, напоминала его веселостью нрава и привычкой скашивать глаза, не поворачивая головы. В колледже у нее уже был мальчик. На школьной елке он подарил ей открыточку со своим рисунком и пожеланиями счастья. Все это выглядело очень серьезно.

Нюся была блондиночкой, но обещала стать шатенкой. Она была серьезна и что называется себе на уме, задавала неожиданные вопросы в самое неподходящее время. Вот и сейчас, поглядев в чашку с чаем, она подняла глаза на мать и спросила.

— Мама, скажи, пожалуйста, бизнес — это сколько на наши деньги?

Викентий Матвеевич рассмеялся, но Валентина, тоже с улыбкой, ответила сразу, нисколько не удивляясь.

— Бизнес — это не деньги. Бизнес — само дело, которое приносит деньги. Почему ты спросила?

— Просто так. Интересно.

— Я рада, что тебе интересно. Еще хочешь спросить о чем-нибудь?

— Как взвешивают на этих весах?

— Эти весы... они у тебя в душе. Вчера убрала за кошкой, значит, хорошее положила на чашечки, вот сюда, справа, а...

— ... когда за хвост ее дернула, значит, плохое? На левую чашку?

— Умничка. Все поняла сама.

Дети посмотрели «Спокойной ночи, малыши» с Хрюшей и Степашкой и отправились спать в маленькую комнату.

Викентий Матвеевич волновался. К ним в дом, на встречу Нового года была приглашена Анна Стахивна. Это было значащее приглашение. Ничего еще сказано не было, но все было ясно. Чувство «пары», знакомое редким счастливым, без слов объединяло их в ровное доверительно «одно». Сегодня дежурство ее оканчивалось после десяти часов вечера. Викентию Матвеевичу не хотелось ни пропустить ее, ни надоедать ей, усталой. Открыв дверь, он тихонько вышел в коридор. По всему дому пахло пирогами, тушеным мясом, специями, слышались голоса, шаги, хлопанье дверей. Мягкой сильной поступью стал прогуливаться мимо всех трех дверей по желтым и белым шашечкам кафеля, которые, казалось, висели под полом.

— Гав! — из соседней квартиры подала голос болонка.

— Привет, Кутя, — ответил он.

Пустая квартира напротив была уже куплена, оставшиеся в ней вещи розданы желающим в доме, и даже наняты маляры для ремонта. Деньги Валентины верно работали на благосостояние семейства. В этих условиях сближение с Анной Стахивной не могло не окраситься корыстным оттенком, и это мучило Викентия Матвеевича, в глубине души он тяготел к старомодности. Но в тех же глубинах сохранялись в нем свежие родники бодрости и той отважной беспечности, которые свойственны лишь добрым открытым людям и которые, в конце концов, все устраивают наилучшим образом.

Накануне они в последний раз в уходящем году погуляли по морозцу с Семеном Семеновичем. Отставной майор ругал всех подряд. На его взгляд, нельзя было допускать ни одного иностранного займа, ни одного доллара в долг, и вообще не пускать в Россию иностранцев с их миллиардами.

— Открытая экономика, Викентий, это джунгли с рыщущими хищниками. Для кого мы открылись? Для жуликов и спекулянтов? Они за двести лет заматерели, как волки, они нам голову

оторвут и не заметят. А мы перед ними на задних лапках ходим. С каких пор?

Медленно падал снег, темнело, морозец забирал градусов под десять. Из сквера они спустились к прудам, пошли по тропинке вокруг плоских белых чаш, даже рискнули пройти по льду к острову, где летом выводили птенцов утки.

Викентий Матвеевич думал о детях, о будущем и вздыхал.

— Ты меня слушаешь? — обернулся к нему майор.

— Слушаю, слушаю, я согласен с тобой, Семен Семенович, — отвечал он.

— Мы должны сами заработать себе страну, помалу, помалу, но сами, своими руками, — отрывисто говорил его собеседник, вышагивая по свежему снегу. — А мы в фантики играем, в ГКО какие-то! Что за детское поведение! Предложи-ка нашим банкирам прибыльное производство, они же откажутся! Там же работать надо, помогать, рисковать... А тут стриги сорок процентов в год и в ус дуть не надо! Где это видано?

Снег перестал падать, в разрывах рыхлых сквозных облаков засветились звезды. В такой вечер Викентию Матвеевичу хотелось говорить об Анечке, о хрупком волшебстве, что происходит между ними, но майор давно забыл, что такое волнения личной жизни, и все равно бы перевел стрелки на политику.

— Ты следишь за Индонезией? — говорил он. — Что там происходит? Кредитный рейтинг страны снижен, инвесторы бегут, внешний долг висит над экономикой, как туча, и назревает дефолт. Что такое дефолт? Отказ от уплаты по международным обязательствам. Это обвал и позор. После него весь мир вправе вытирать об них ноги. Но гвоздь программы не в этом. Скажи, пожалуйста, на что они надеются? А? Вот скажи, скажи.

— Не знаю. На что тут можно надеяться?

— То-то. Они надеются на приход к власти диктатора Сухарто. Вот! Никто, кроме него, не выведет страну из тупика. Единая воля и сильная рука. Что и требовалось доказать. Власть должна быть державной и крутой, как сейчас говорят. Тогда воцарится порядок.

— Нам-то кого ты предлагаешь, друг Семен? Лебеда, что ли? Он сейчас рвется в губернаторы Красноярского края. На него

ты надеешься, Семен Семенович? Слабó сказать, как говорят мои девчонки?

— Слабó. Не знаю.

— И никто не знает. Мы с тобой тьяваем на события задним числом, а поставь нас, запоремся не хуже нынешних.

Они обошли пруды, полюбовались на ясную звездочку, повисшую в одиночестве над ровной заснеженной гладью, на лыжников, бежавших по большому кругу самого обширного водоема, и простились до завтра, поздравив друг друга с наступающим праздником.

— Посмотрим, как они вывернутся с бюджетом. Я бы его не принял, — проворчал Семен Семенович и свернул к своему дому.

... Викентий Матвеевич посмотрел на часы. Двадцать три ноль пять. Не случилось ли чего?

— Гав, гав! — за дверью вновь залаяла болонка.

Лифт, действительно, шел вверх. Викентий Матвеевич поспешно скрылся в квартире.

... Соседка позвонила без четверти двенадцать. Викентий Матвеевич открыл дверь и ахнул. Как удивителен грим на любимом лице! Самим присутствием он намекает на причину своего появления. Для кого? Для тебя.

Она подарила Викентию Матвеевичу дорогой кожаный очешник, а Валентине — кожаный кошелек с тремя сияющими новенькими пятирублевками. Чтобы в новом году деньги не переводились! На эти дары она истратила весь свой денежный запас.

Королёвы поднесли ей набор французской косметики и духи.

— Ах, прелесть! Аромат! Чудо! — восхитилась она. — Жаль, не смогу часто душиться!

— Почему?

— Больные не выносят запаха.

— Тогда по праздникам.

Удары курантов настигли их посреди передней. Началась паника.

— Уже бьют! Скорее за стол! Бьют, бьют!

Они успели чокнуться с двенадцатым ударом часов.

— С Новым Годом!

— С новым счастьем!

Осушили.

— Ах, вот какое оно, французское шампанское... Пить можно, — тихо удивилась гостья.

— Да уж, не наши дрожжи, — засмеялся Викентий Матвеевич.

Все уселись за стол.

— Кушайте, кушайте... Викентий Матвеевич, поухаживайте за дамами, — приятно улыбалась Валентина.

Она была по, обыкновению, великолепна. Никто не должен знать о том, какие кошки скребут у нее на душе. В эту новогоднюю ночь Валентине нестерпимо хотелось быть в обществе, царить, принимать поклонение, хотелось остроумной беседы с блестящими мужчинами ее уровня. Любви, любви! Все в ней жаждало вызова и греха, все противилось добропорядочному семейному кругу. Э-эх! Сейчас бы на тройке, забиться в огненном поцелуе... ах, да, она же мечтала о бале! ... Но перед нею сидели свекор и соседка, за стеной спали дети. Ее семья, дом, главная часть ее жизни, такая же работа, как все остальное. И эту скромную женщину надлежит принять по высшему разряду, потому что от нее слишком многое зависит.

— Кушайте, кушайте, — тепло улыбалась она пухлыми губами с ямочками в уголках. — Как у вас дела на работе? Каково положение в больнице?

Анна Стахиевна давно не сидела за таким столом. Забытое сочетание мягкого хлеба, свежего масла и красной икры захватило ее. Она не могла остановиться. А балык! А маслины! Чуть не плача от смущения, она тянулась то ножом, то вилкой, утоляя в себе какую-то непреклонную потребность. Никто за столом ничего не замечал.

— В больнице скудно, бедно, — говорила она между маленькими глоточками. — Все свалили на больных, белье, посуду, медикаменты, халаты, тапочки. Все из дому. Даже термометров нет. А врачи работают! И как работают! Удачи, находки, сложнейшие операции. Ах, какие есть врачи!

— Зарплата приличная?

Доктор махнула рукой.

— Выдают вовремя, и на том спасибо.

— А правительство уверяет, что начался экономический рост! Кто его заметил? — привычно подхватил Викентий Матвеевич, он хотел быть интересным перед дамами. — Президент хвалится, что криминала поубавилось, дескать, по улицам ходить стало безопаснее. Он ходил? Я бы ему рассказал. Кто ему поет в уши? Кремлевские шептуны, подковерная нечистая сила...

— Вам долить чаю? — невозмутимо предложила Валентина.

— А... извините, милые дамы. Я скучен, как старый ворон. Но, право же, зло берет, когда все кривые идут вниз, а «там» утверждают, что правительству абсолютно ясно, как и что делать дальше!

— Не пугайте меня, Викентий Матвеевич! Разве может быть еще хуже?

— Я бы этого не хотел, милая Анечка, — Викентий Матвеевич поцеловал ее ручку.

— В нашем доме, — внятно проговорила Валентина, — в нашем доме будет только хорошо. Предлагаю тост за самое прекрасное в жизни. Пусть каждый пьет, за что хочет!

Чокнулись, выпили.

На экране телевизора мелькали беззвучные вспышки, прыгали и разевали рты известные певцы, мелькала реклама. Валентина краем глаза ловила ее. Новые фирмы, новые ролики, новый почерк в новом году. Пора выходить на телевизионщиков, там крутятся настоящие деньги, да на регионы, в Санкт-Петербург, Нижний Новгород, пора, пора...

— Кушайте, кушайте.

Она разрежала ореховый торт собственного изготовления, и светлой лопаточкой, почти такую же, как в столовом серебре у Щербатовых, но без дворянских гербов и вензелей, разложила по тарелочкам.

— Ах, как вкусно, Валечка! Научите меня?

— Без проблем, Анна Стахиевна, с удовольствием. Это просто.

— Мой Санька так любил в детстве сладкое, а дочка его, Настенька, совсем не ест, ее на кисленькое тянет.

— Переел, стало быть, — добродушно отозвался Викентий Матвеевич, не спуская глаз с любимого лица.

Шел третий час ночи. За окнами творилось невообразимое. Взрывы сотен хлопушек, ракет, петард слились в непрерывную вспыхивающую канонаду. Слышались крики «ура», песни, громкий смех.

— Не хотите прогуляться в новогоднюю ночь? — предложил дамам единственный кавалер.

— Идите вдвоем, — откликнулась Валентина.

— С удовольствием, — согласилась Анна Стахивна. — Освежиться перед сном.

И они ушли. А Валентина, по-бабьи подпершись кулаком, осталась одна за новогодним столом.

На экране медленно раздвинулся, покачиваясь, тяжелый занавес. На пустую сцену вышел танцор. После первых же его движений Валентина включила звук. Михаил Барышников танцевал под стук собственного сердца с полными слез глазами. Валентина смотрела, не отрываясь, мелкими кивками головы соглашаясь с великим артистом.

В другом московском доме за столом засиделись семь человек. Ольга, полненькая, свежая, с крепкими крупноватыми зубами, разговаривала с матерью и Грачом. В другой комнате спала маленькая дочка Грача и Верушки. Алекс уже станцевал с женой бразильскую самбу, медленный вальс, русскую плясовую. Они умели и любили танцевать еще с тех «лицейских» времен. И сейчас он по-английски рассказывал мальчикам, что свой подарок они получают немногим позже.

— А что это будет? — замирая, спросил младший, умница-крепыш Сила.

Они доверяли отцу.

— Это будут билеты на Чемпионат мира по футболу.

Ребята вскочили.

— Этим летом? Во Франции?! Ура!

— Это означает, — добавил Алекс с прелестным выражением глаз, — что те две недели все мы будем разговаривать на языке принимающей страны. По-французски. И прямо оттуда, не возвращаясь домой, вы поедите в Англию поступать в Кембридж, все трое в один поток. Факультеты по выбору.

Он вновь оглядел сыновей смеющимися глазами.

— Покой нам только снится, пацаны, вы это знаете. Работа внутренняя переходит во внешнюю, и так без конца, вновь и вновь, выше и выше.

На другой день к вечеру Валентина улетела с Алексом на горнолыжный курорт в заснеженные австрийские Альпы.

Зимняя ночь длилась и длилась. Лунный блик изогнулся на арфе, от стекол веяло холодом, Внизу, в неживом свете желтых фонарей блестели сугробы, беззвучно скользили по шоссе редкие машины, на крышах домов лежали тени... В эту ночь перед операцией Лада не спала. Мысли, мысли кружились в тишине, одна страшнее другой. Что она делает? Здоровая, молодая, зачем идет под нож? Вдруг неудача? Вдруг будет еще хуже? Вдруг она вообще не вернется? Ее начинала бить мелкая дрожь, хотелось крикнуть, сделать что-то резкое, включить свет, телевизор, но в другой комнате спали родители, их разбудил бы поздний шум. Подбив подушку, Лада села и укуталась одеялом. Почему ей так не повезло в жизни? Отверженность от рождения, мучительное детство, юность. Одиночество — род тюрьмы, «которая всегда с тобой». Что может разрушить такие стены? Дружба, братство, любовь... вот верховная сила. Если бы не музыка, она бы не выдержала. Только музыка спускается в глубины страдания, только она проникает все! Откуда гениальные музыканты знали все это? И это мужчины, мужчины, которые кажутся ей такими толстокожими...

В доме напротив засветились окна. Пора. Все было собрано заранее. Посуда, белье, тапочки, халатик... по списку. Даже термометр. Родители еще спали, когда тихо-тихо отворилась и за-

крылась входная дверь, бесшумно повернулся ключ с той стороны.

Отринув ночные сомнения, она устремилась навстречу судьбе.

Несмотря на ранний час, клиника уже работала. Полы блестели свежей влагой, на утреннюю смену пришли врачи и медицинские сестры, уходили домой уставшие дежурные. Ладу провели в палату на две койки. На одной из них лежала и еще спала женщина с перебинтованной головой. На белых бинтах у лица проступали пятна крови. Сердце захолонуло. Еще не поздно... бегом! ...Сдерживая себя, она застелила постель своим цветастым бельем, поставила на тумбочку тарелку и чашку, переоделась и стала ждать. Соседка проснулась, взглянула, все поняла.

— Не бойся. Врач — золотые руки, — сказала она, едва шевеля губами.

— А у вас... что было?

— Простая подтяжка. У меня муж молодой. В командировке. Завтра бинты снимут. Вроде получилось.

Дверь открылась. Сестра в зеленой рубашке и брюках повела Ладу в конец коридора. В светлой комнате ее уложили на узкий операционный стол, пристегнули руки, ноги. Мелкая дрожь вновь заходила по телу, но после уколов стало спокойно и тепло, только лицо одеревенело.

Вышел Карен, огромный, веселый, в белых резиновых перчатках на обнаженных волосатых руках. Посмотрел ее карту с анализами, кивнул и наклонился к ней, укрытой зеленой тканью.

— Звездой будешь, милая. Потерпи немного.

Через минуту на лице развернулась настоящая строительная площадка. Гулкие удары молота, хруст, лязг пилок и сверл... Оглохшая, она лежала, не шевелясь, и твердила, твердила:

— Звездой не звездой, но самой собой, но самой собой...

Наконец, тишина. Сестры вытирали ей лоб, быстро бинтовали голову.

— Умница, хорошо вела, — похвалил врач. — На свадьбу пригласить не забудь.

И ушел. А ее, в бинтах и скрепах, осторожно переместили на каталку, повезли в палату, на жесткую постель без подушки.

На лице холмилось нечто незначительное, едва угадываемое под белыми пеленами.

Январь застал Виктора в Новосибирске. Здесь, в драмтеатре, работали трое его друзей, приглашенных в сибирский академгородок по окончании училища. По разному складывались их пути. Двое по прежнему жили в квартире-общежитии, мечтая о своем доме, но больше всего тоскуя о Москве, как скучает о ней каждый, кто жил или учился в столице. «В Москву, в Москву!». Третий, Парфений Морозов, успел все на удивление: жениться, стать отцом, сняться в кино в роли молодого Михаила Бакунина. Того же героя, но в пожилом возрасте играл в фильме маститый Алексей Петренко. Участь друзей была нелегка, скупа на подарки, щедра на потрясения и творческое счастье, в общем, как раз такова, какова и назначена судьбой служителям Мельпомены.

Виктор появился под Новый год с пачкой денег и поселился у ребят в общежитии.

Как и в Москве, магазины здесь ломались от дорогой еды, но, как и там, она не была главным питанием горожан. Жили просто и бедновато, крепились и терпели, как могли. Лишь морозы стояли обычные, сибирские, без оттепелей и снежных дождей. После новогодней ночи с тяжелой головой ребята отправились на утренние спектакли в школы, с них помчались на дневные, потом на обычные ежевечерние. И так все десять дней рождественских каникул. Когда-то и Виктор вкалывал не меньше. Но сейчас на правах гостя он оставался дома, и сюда, прослышав о дармовой выпивке, набивался весь театр, актеры, суфлеры, знакомые знакомых. Виктор верховодил. Его отчетливый голос перекрывал всех, звенел в ушах, поучал и требовал внимания, обрывал на полуслове, высмеивал и уничтожал. Виктору быстро наскучили речи о нужде и повседневности, и даже об искусстве, если говорил не он, Виктор Селезнев.

— Гамлет? — кричал он, покачиваясь в завесе табачного дыма, — я вас научу, как играть Гамлета. Во-первых, наши евнухи, эти господа интеллектуалы оскопили шекспировский текст, не оставив ни одной ядрени, ни одной непристойности, а ведь это

средневековье! У вас в городе, в Новосибирске, есть поэт, который впервые перевел «Гамлета» как надо, я читал в НЛЮ первый акт. Блеск! Жизнь!.. А во-вторых... Кто там болтает? Замолчи, тебя, кажется, не спрашивают!... Да, а во-вторых, господа, «Гамлет» — это пьеса о страхе смерти. «Быть или не быть» надо произносить шепотом, немеющими от ужаса губами... Все просто убегут из зала!

— Это слишком в лоб, прямолинейно, — возражали ему. — Гамлет современен. У него дядя в мафии.

— Молчать! — кричал он. — Вы все здесь и трехсот рублей не стоите!

Через две недели, трезвый, бледный, он летел в Москву вместе с Парфением. Того пригласили в столичный театр и даже обещали помочь с квартирой. Парфений был радостен, мечтал о работе, о славе, о том, как вызовет семью и заживет по-московски. Пассажиры узнавали его, смотрели подолгу, подходили за автографом. Виктор мрачнел. Если бы его пригласили в телесериал, у него было бы больше поклонников. Его лицо значительнее, чем у Парфения. Хотя, крупным планом все значительно.

— Как тебе это удалось? В Москве столько безработных артистов... Мохнатая рука, да?

— Нет, — отвечал Парфений раздумчиво и не сразу. — Дело в другом. Ты просто работаешь, пашешь по-черному, и когда оказываешься *готов*, к тебе подходят и предлагают. Тогда все получается как по маслу. Если полезешь сам, получишь по шапке. Вот и все.

— «Подходят» — кто?

— Нужные люди. Судьба присылает.

Виктор отвернулся, стал смотреть на белые облачные равнины. «Вот и я был *готов*. Толик ко мне и подошел. Поэтому и прошло, как по маслу» — вывернул он в свою пользу весь разговор.

В начале февраля в прессе прошла утечка сведений о том, что Запад поспешно сбрасывает свои пакеты ГКО. Среди россий-

ских держателей ценных бумаг началась паника. Чтобы ее успокоить, доходность по ГКО пришлось поднять до сорока пяти процентов. Если учесть, что один процент уплаты по этим обязательствам стоил пятьсот миллионов долларов, то можно представить, в какие расходы входило государство! Мировые цены на нефть летели вниз, азиатский кризис набирал обороты, а президент в своем послании по-детски радовался процветанию и экономическому росту.

Семен Семенович ходил мрачный, и разговаривать с ним было трудно. Едва увидев друга возле дома, он хватал его за рукав и кричал командирским голосом.

— Что они себе думают? Их всех гнать надо поганой метлой, а их опекают, как наследных принцев! Посадили на голову до двухтысячного года! Где это видано? Неужели они хотят сделать Черномырдина преемником президента? Кто за ним пойдет? Как ты думаешь, Викентий Матвеевич?

— Наверяд ли. Там просто растерялись. Побираются по всему миру, долгов наделали на сто лет вперед. Боятся, что новая власть поддаст коленкой всему семейству. Что значит «преемник»? Это выборная должность, как народ решит, так и будет.

— Народ, народ... Задурили с экранов, чародеи. Слушай... давай напишем в Кремль, может, прислушаются?

— Обязательно, — хмыкнул Викентий Матвеевич. — Ты ли это, Семен Семенович? Кому нужны наши письма! Там советников пруд пруди. А вот почему Степаныч обещает устойчивый рост экономики к концу века? Мужик ответственный, не с потолка же берет.

— Явлинский говорит, что удач нет. А он часто бывает прав.

— По-противному, в белых перчатках, прав. Все равно как предсказать, что алкоголик напьется к вечеру «Видите, я же говорил!»... А что скажешь про историю Клинтона с Моникой Левински? — неловко усмехнулся Викентий Матвеевич.

— Фу. Даже говорить не хочу, — отрезал отставной майор, но в ту же минуту хмыкнул и рассмеялся. — Ему можно. Быль молодцу не укора.

Замолчав, они стали подниматься в горку к оптовому рынку. Там принялись ходить вдоль палаток, набирать в сумки продукты, сравнивая цены с магазинными. Оптовые были ниже.

Ребенок захныкал среди ночи, сначала тихо, будто нехотя, потом громче и громче. Агнесса взяла его к себе под одеяло. Он был горячий, с мокрыми волосами. Не открывая глаз, стал карабкаться на подушку и просить-умолять разумным голосом.

— Мамочка, вылечи меня-я...

В семь часов сверху спустилась мать, и Агнесса, в шубе и меховой шапке вышла из дома под холодные яркие звезды. Сегодня, в студеной понедельник, ей были назначены сразу две встречи и обещаны договора в разных концах пригорода. Ехать было не близко, но январь оказался так скуп на заработки, что приходилось использовать любую возможность. Под ногами визжал промороженный снег, на востоке, над ломаными очертаниями домов алела заря; выше нее птичьим крылом разметнулись перистые розовые облака с жемчужно-серыми переливами, и к ним из темной середины неба неслась раскаленная стрела самолетного следа.

Агнесса опустила глаза.

В молчаливой утренней толпе, в смешанном паре дыхания она спустилась в подземный переход, вошла в качающиеся двери станции метро Китай-Город и поехала на Киевский вокзал. За две минуты до отправления успела купить билет, газету, села в раннюю электричку. В полупустом вагоне у окна развернула газету, пробежала глазами две статьи на первой странице. И помертвела. Отбросила газету подальше на скамейке.

Поздно. Незнания не воротишь.

Первая новость сообщала о взрыве в вагоне поезда метро как раз на ее линии, близ станции Третьяковской. С жертвами, ранеными. Должно быть, о нем сообщали в «Новостях», но Агнесса не смотрела телевизор ни утром, ни вечером. Вторая новость была еще хуже. Двое подростков после долгих побоев и издевательств убили третьего, своего одноклассника. Мальчик доверчиво пошел с ними в тот подвал, он так просил о пощаде, не

убивайте, меня дома ждут... Агнесса заломила брови. Эта надолго... С тех пор как родился ее сын, все события, что бы не происходило в мире, воспринималось ею по касательной к его благополучию, особенно, если страдали дети. По этой касательной тревога настигала ее прежде, чем мысль об опасности, потом бродила, саднила сердце.

Город отступил, за окном потянулись белые поля, холмы с дальними серыми перелесками, ленивым полетом черных галок.

— Тарасовка, — объявили по вагону.

Агнесса вышла.

Отшумев, электропоезд стал умяться, втягиваясь в дальнюю путаницу железнодорожных проводов, столбов, рельсов. Подмосковная тишь повисла вокруг. Заснеженные сосны и темные ели с сугробами на ветвях стояли сразу за откосами. От дальнего конца платформы уходила в лес дорога, уродливо разбитая тяжелой колесной техникой на множество продольных ухабов, слева, под деревьями вилась белая тропка. Агнесса пошла по ней.

Солнце поднялось, день наступил ясный. Согласно пришвинскому календарю, начиналась «весна света», хотя мороз стоял трескучий, редкий для московских зим. Под ногами визжал снег. Повсюду валялись красные, растрепанные птичьим клювом или беличьими зубками, еловые шишки, виднелись следы птиц и мышей, чьи-то похожие на заячьи, на лосиные. Лесная жизнь доверчиво вершилась вокруг.

Доверчиво... о-о!

Идти пришлось недолго. За деревьями показалась стройка. Фирма строила коттеджи. Четыре дома уже стояли под крышей, два-три достраивались, для следующих были открыты котлованы. Их грубые суглинки хранили следы жестких экскаваторных зубьев, в днище торчали серые, как обелиски, ряды свай. Рабочий и прораб ходили по краю и делали промеры стальной лентой. Пришлось пожать сизую руку начальника, смотреть в его мясистое красное лицо. Подсобник, совсем мальчишка, одетый не по-зимнему, дрожал на морозе, как щенок, его ученические руки с заусенцами то и дело роняли стальную ленту.

«Запущенный ребенок, — с жалостью посмотрела Агнесса. — Где его мать? Как он питается?»

На этом объекте сделка сорвалась. Не приглашая в вагончик, прораб объяснил Агнессе, что руководство решило отложить публикацию статей о весенней распродаже домов в виду снижения цен на них.

— Мы вам звонили в пятницу, никто не подошел. Мы не виноваты.

Она промолчала. Бывает. Звонили, не звонили. Кто церемонится с рекламными агентами!

День разгорелся. Окруженное морозной радугой, солнце накалилось до полного белого сияния, залило землю ярким светом, но без тепла, как бы для самого себя. В застылом лесу между древесных стволов дымно стояли его косые твердые лучи, в которых играли серебристые искры, словно в сказочном снежном королевстве.

Следовало поспешить, чтобы успеть на последнюю перед дневным перерывом электричку. Легко, как спартанка, Агнесса пробежалась по визжащей тропке, мимо шишек, следов, кустов и деревьев, вбежала на платформу одновременно с поездом и вошла в раздвигающуюся дверь вагона. Вновь потянулись широкие белые поля, дальние деревеньки, промышленные пригородные зоны, вновь разлилась саднящая боль.

В Москву она вернулась в середине дня.

Второй адрес был на Ярославском шоссе, близ кольцевой дороги, и тоже строительный котлован, глубокий, как провал. Далеко внизу еще возился маленький оранжевый экскаватор, было видно, как из его ковша от свежевынутой земли валит на морозе густой пар. Пришлось спуститься туда по длинному-длинному покату, ходить по незамерзающим грунтовым лужам, слушать напористую речь управляющего. Душа ныла и ныла. Отсюда, с уровня днища, стены казались высокими, как египетские пирамиды, в них желтели и неровно переслаивались с серыми и коричневыми, слои песка и суглинка, вверху, ближе к поверхности, виднелись остатки белой кладки давно исчезнувшего храма, там и сям краснелись сгустки раскрошенного кирпича, а в углах выработки стояли истуканами молочно-белые комы льда.

Возле них с ломиками и кувалдами теснились толсто-одетые женщины в синих, красных, зеленых головных платках, пытаясь отколоть твердые, как камень, ледовые куски. В слепящих помарсиански лучах солнца от этих пятен заломило виски.

— Кому он нужен, подземный гараж? — не сдержалась Агнесса.

— Подземный-то? — недоверчиво глянул строитель. — Да поверней как-будто, подземный-то.

Они поднялись наверх, прошли в жаркую барак-контору. Вторую нынешнюю неудачу Агнесса сотворила собственными руками. То ли управляющий не простил ее сомнений в полезности глубокого гаража и, задетый за живое, раздумал допускать ее к своему детищу, то ли, в самом деле, как объяснил ей, забыл где-то печать, только заполненный договор пришлось оставить на его столе «до завтра», на произвол судьбы без всяких прав и надежд, потому что согласие между Заказчиком и Исполнителем развалилось на глазах.

Короткий день угасал. Город вновь зажигал фонари. Горячим росчерком загорелась вдали изящная буква «М».

«Домой, домой...» — она побежала к остановке автобуса.

Окутанный клубами пара, с утеплителем «на морде», автобус высадил пассажиров из заледеневшего салона с лубяными, пушистыми от инея окошками в двух шагах от метро ВДНХ. Вестибюль станции тоже дымился морозным паром, люди, люди, зыбкие, отдельные, закачались вокруг нее.

«Домой, домой...»

Миновали Алексеевскую, Рижскую, Тургеневскую. Вдруг поезд остановился. За черными окнами проявились стены тоннеля, пыльные ленты электропроводки. Пассажиры молчали. В вагоне быстро сгущалась духота. Сто двадцать человек молча смотрели перед собой.

Постояв перед семафором, поезд двинулся дальше.

... Дома Агнесса учила ребенка драться. Она села на пол, поставила его перед собой.

— Бей! — раскрыла свою ладонь. — Сожми кулаки. Бей!

Но малыш не понимал, он соскучился, ему хотелось играть.

— Бей! — встряхнула его Агнесса. — Я не хочу за тебя бояться. Бей!

... Ночью она проснулась от страха. Он охватил сердце колкими пальцами, заполз в мысли едким предчувствием. Все казалось гибельным, беспросветным, ее жизнь, ее материнство. В доме было тихо, ребенок спал. Страх разрастался. Агнесса села. Внутренним усилием стала пристально смотреть на этот страх, противостоя темной силе. «Потерявший мужество теряет все»... Понемногу что-то переменялось, стало знакомо, стало «работой» с известным протеканием. Ком напряжения сместился выше, выше и, наконец, оставил ее совсем. Повеяло свежей легкостью. Агнесса перевела дух. «Пусть, — подумалось ей, — пусть я не умею жить и никогда не буду богатой, пусть меня испытывают бедой и страхом, но... я смотрю на *них*, смотрю, и между *ними* и мной встает мой взгляд. И я права».

Весть об операции Лады разнеслась по всем этажам института с быстротой молнии, вызывая необычайное, почти истерическое, оживление. Оказалось, что ее не только, конечно, заметили, но и прониклись сочувствием, даже назвали «Солнышко» за тихость и светлоту. И теперь стали ждать, как волшебную сказку про Золушку, про золотые яблочки, про царевну-лягушку. Чуда, чуда! — зывали истомленные скудной жизнью женские сердца. Не проходили дня, чтобы кто-нибудь не заглянул в «Каскад» с вопросом «Когда?», так что рекламное агентство поневоле оказалось вдруг в центре такого *publik relations*, будто на всей планете не происходило ничего более примечательного.

Ждали ее и в самом «Каскаде».

— А вдруг мы ее не узнаем? — предположил как-то утром Максим Петрович. — В самом деле, как она докажет?

Все рассмеялись. Громче всех почему-то Юра.

— Действительно! — воодушевился он и принялся расхаживать из угла в угол, чуть не сшибая подставки с цветами.

С Шурочкиного лица исчезла улыбка.

— Вряд ли что получится, — с сомнением произнесла она. — Как на твои глаза, Агнесса?

Та неопределенно повела плечами. Тряхнув рыжими пружинками, Шурочка повернулась к Юре.

— А ты как считаешь, Юра? — спросила напрямую.

Он остановился и прижал руку к сердцу.

— Ты прекрасна, спору нет.

Но это не убедило ее. Минуту спустя она достала зеркальце и незаметно подкрасила губы.

Наконец, Лада позвонила Агнессе, предупредив о своем появлении завтра, во вторник.

В то утро, пока Валентина вела переговоры в Санкт-Петербурге, Екатерина Дмитриевна осталась за хозяйку во всем агентстве. По своему обыкновению, она прошагала мимо вахтера самая первая, включила везде свет, оглянулась на пустые столы в своей прежней комнате и разложила бумаги на месте Виктора, предполагая провести здесь весь день. На кабинет Валентины она не посягала никогда. Самого Виктора уже давно никто не видел, но стол его занимать не спешили, дожидаясь возвращения супер-агента, заключившего по телефону легендарный договор на целую страницу без скидки. Группы ноябрьско-декабрьского набора давно разбежалась, от них остались пять крепких трудоголиков, за которыми догляд менеджера был излишним. На следующей неделе открывалась полоса новых наборов-просеиваний сквозь сито равных возможностей при сдельной оплате труда без единой социальной гарантии.

Следом за главным менеджером с букетом пышных гвоздик, данью признательности Ладе от благодарных мужчин «что бы с нею не стряслось», переступил порог Юра. И все остальные, в обеих комнатах, собрались гораздо раньше обычного. На женщинах были украшения, праздничные платья. Шурочка, по обыкновению, взялась поливать цветы, но желтая лейка выскользнула из ее рук, и посередине комнаты на ковре появилось темное влажное пятно.

«Не к добру»- подумалось Екатерине Дмитриевне.

Внизу прозвенел институтский звонок. Все молчали.

Вдруг издалека, с лестницы по коридору выкатился и стал нарастать комок восклицаний, вскриков, топота и шагов. Ближе, ближе... Дверь распахнулась и на пороге появилась ... появилась...

ошеломительно-красивая женщина с фигурой Лады, глазами Лады, но не она, не она!

Все оцепенели, все буквально пораскрывали рты. Вслед за нею ворвался разбуженный рой женщин, все завертелось, закружилось и выплеснулось вон вместе с виновницей переполоха. В комнате воцарилась тишина. Первым опомнился Максим Петрович.

— Фантастика, — произнес он, двигая кожей лба. — Никогда бы не поверил.

И умолк, забыв распуścić морщины.

— А на ваш взгляд, Екатерина Дмитриевна? — встрепенулась Шурочка.

Та развела руками.

— Прекрасно, по-моему. Вот только тени немножко под глазами. Пройдет, надо думать, у молодых все проходит.

— И тебе понравилось, Агнесса? — не унималась Шурочка.

Агнесса молча кивнула. Она не сводила глаз с махровых гвоздик, раскинувшихся из массивного цветного стекла на столе Лады. За дверью творилось нечто невообразимое. Женщины словно сошли с ума.

— Неужели Лада? Дайте взглянуть! Покажись, Солнышко!

Максим Петрович взглянул на Агнессу, потом на часы, и потряс за плечо Юру. Сегодня они собирались на выставку Интернета в Экспоцентр. Молодой человек сидел за столом, обхватив голову руками.

— Какая женщина! Я пропал, пропал. Шурка, держи меня крепче!

Шурочка так и вскинулась на стуле.

— Вот еще!

Максим Петрович похлопал Юру по спине, и они уехали.

В комнате остались три женщины. Ладу, судя по всему, захватили надолго, ведь только на втором этаже более десяти комнат. Екатерине Дмитриевне, конечно же, не терпелось обсудить это невероятное появление, повоскликать, услышать и высказаться, но... в комнате царило молчание. Молчание, словно бы ровно ничего не произошло только что на глазах у всего света!

«Не к добру»- снова нахмурилась пенсионерка.

Лада вернулась минут через сорок. Сияющая, упоенная, в синем платье с тяжелой брошью из янтаря на груди слева, с копной рассыпавшихся светлых волос. Эта неумелая прическа единственная напоминала прежнюю Ладу. Напевая, она обошла мокрое пятно, понюхала цветы своим новым носом и легко опустилась на место.

Наконец-то появилась возможность рассмотреть ее поближе. Екатерина Дмитриевна сменила очки.

Перед нею в профиль сидела юная женщина поразительной красоты. Носик ее был изящно и тупенько вздернут, лицо излучало благородное спокойствие. Глаза, чуть приподнятые к вискам, словно раскрылись, а в линии губ появились нега и прихотливость. Дивное преображение!

— Лада, — приветливо окликнула ее Екатерина Дмитриевна, — ты замечательно выглядишь. Прими мои самые добрые пожелания и поздравления. Эти цветы от наших мужчин, они рады за тебя и желают тебе счастья.

— Спасибо, — ответила та растроганно.

Екатерине Дмитриевне не терпелось расспросить подробнее, как, за сколько, больно ли, долго ли?, но сразу на такие вопросы не задают. Придет время — сама расскажет, и не раз.

Ее подружки неприступно работали, звонили, вели переговоры. Девушка тоже достала какие-то бумаги, разрисовала их завитушками, встала и принялась ходить по комнате, хватаясь то за справочники, то за подшивку газет. Признания жаждала ее душа, праздника, разделенного с ближайшими друзьями!

Женщины переглянулись. Екатерина Дмитриевна замерла.

— Подойди ко мне, Солнышко, — вкрадчиво позвала Шурочка.

Лада готовно приблизилась.

— Янтарная? — спросила Шурочка, всматриваясь в брошь.

— Да. Красиво, правда?

Шурочка сокрушенно вздохнула.

— Ты меня, конечно, извини, но ведь у тебя голубые глаза, тебе не идет янтарь. Продай его мне.

Агнесса фыркнула, пригнувшись к самому столу. Лада онемела. Шурочка торжествующе двинула стулом и удалилась.

Стало тихо. Стало нестерпимо тихо. Екатерина Дмитриевна боялась поднять глаза. «Женщины, женщины... вот мы, — она чуть не плакала. — Столько любви, столько добра, и вдруг как молния сверкнет жестокость!» Холодно, бесприютно показалось ей в этой комнате с ее кладбищенской пышностью, северной стороной, тусклой метелью за окнами. «Нет, — вздохнула пожилая женщина, нашаривая таблетки в сумочке, — нет, нет, никаких снисхождений, приходит срок и ты остаешься один на один с гибельным злом этого мира... — томь, слабость овладели ею. — А я-то думала, мне износу не будет. Нет, нет».

Лада сидела тихо, сжавшись, точно подбитая птица, на лице проступили какие-то тени, пятна, вмятины.

И тут сильным движением поднялась из-за стола Агнесса. В руках ее был гребень и несколько шпилек.

— Не время лить слезы, подруга, одна лужа у нас уже есть, — сказала она, подходя. — Посмотрим-ка лучше твои новые возможности.

И развернула ее стул спинкой к себе.

Для начала она бросила русые пряди наискось через лоб, по шелковистому завитку на каждую щеку. Двадцатые годы, первые кино-дивы возникли перед глазами. Потом устроила на макушке светлую путаницу и тремя взмахами придала ей очертания камеи, даже перевила алой ленточкой от конфет, найденной в ящике среди кнопок и скрепок. Стало изыскано и строго. Затем с помощью резинки свернула волосы в рулик, потом чего заколола на затылке конский хвост, напустив на глаза низкую челку. Вот появились косичка, глубокий овал, высокая бальная... Лада сидела не дыша, не отводя глаз от зеркала, от волшебной сказки, где за каждым поворотом ждали новые чудеса.

Агнесса творила молча и вдохновенно. Екатерина Дмитриевна любовалась ею. Все-таки милосердие... это, знаете ли, не пустой звук. Она была очень рада за Агнессу, и за эту девочку тоже, и за себя.

В заключение Агнесса стянула волосы рыхлым японским двойным узлом и с сожалением отошла. Новоиспеченная красотка принялась смотреться в два зеркала сразу.

— А мне прическу? — непримиримо сказала Шурочка, давно уже наблюдавшая их занятия.

— Перебьешься, — кинула ей Агнесса и отвернулась.

Сложив на груди руки, она прислонилась к подоконнику, спиной ко всем, сидящим в комнате. Перед ней, заметаемый мелким снегом, лежал безлюдный переулок с выпирающими углами домов, рытой канавой, глухим бетонным забором. Низко стелились тучи.

Постояв, Агнесса вернулась к столу, убрала все бумаги и уехала.

В феврале Виктор Селезнев искал работу. Он оставил заявку в театральном союзе, навестил несколько театров и студий. Везде кипели репетиции, ставились спектакли, зрители наполняли залы, но денег было в обрез, проблем выше головы, свои актеры ревнивы и настроены, поэтому никто ничего Виктору не обещал. Жизнь его оскудела. Даже Шурочки не было возле него. Он пытался было заговорить с нею, пригласить, но она стала резкой, как рыночная торговка, и ему пришлось отскочить. Ужасный век, ужасные сердца! Пусть у нее другой мужчина, но нельзя же так неделикатно! Один, без занятий, скучный и желчный, он валялся с книгой или слонялся в ожидании привычного часа, когда заканчивались спектакли и артисты собирались в артистическом кафе.

Играть хотелось до чертиков, отыграть полный спектакль на сцене перед живой темнотой зрительного зала! Вместо этого он разыгрывал монологи и куски драматических поэм перед японской кинокамерой и озвучивал, подкладывая фон из чужих аплодисментов. А вечерами сидел за столиком в «Артистическом» и говорил, говорил. После десяти часов народу прибывало, с Большой Никитской приходил Парфений, и начинался «большой загул», они «хорошо сидели» до утра, потому что Парфения тоже никто не ждал, он жил в общежитии, и даже не видел свою дочку, родившуюся в конце января. У пригласившего его театра не было ни денег, ни влияния для приобретения квартиры и московской прописки. Чтобы не падать духом, Парфений старался

не заглядывать вглубь себя, поддерживал в себе праздничный вихрь, шумел, балагурил, волочился за актрисами. Его снова пригласили сниматься, он разрывался между съемками и сценой, известность его росла. От этого Виктору было особенно тошно. Уколы самолюбия превращались в пылающие раны.

Однажды за столиком у стены увидел он молодого человека, лицо которого показалось знакомым. Митяй! Тот был с дамой, и Виктор лишь приветственно помахал ему рукой. Через полчаса тот подсел к нему сам. Он выглядел очень стильно в коричневом кожаном пиджаке, кремовой рубашке, зеленовато-коричневых брюках.

— Привет! Как жизнь? — тряхнул он сыпучими волосами.

— По всякому. Как ты? В рекламе? — поинтересовался Виктор.

— Еще чего? За двенадцать процентов? Дураков нет, ага, — он вынул из портмоне сто рублей и протянул Виктору. — Мой должок.

Они налили по рюмочке, выпили, закусили.

— Помнишь, я говорил тебе о ребятах?

— Ну?

— От них и кормлюсь, ага. Даю тысячу баксов, через две недели беру полторы.

— Уже на тысячи счет пошел?

— Скоро на десятки пойдет, без мелочевки. Ага.

— Серьезные ребята, — Виктор посмотрел на Митяя. — Познакомь как-нибудь?

— Познакомлю как-нибудь. Ага.

Митяй попрощался и, покачивая плечами, пошел к своей даме. «Интересная походка», — привычно заметил Виктор.

В тот вечер Парфений не пришел. У него появилась постоянная привязанность, молодая актриса его же театра, и нынче, по видимому, у них была ночь любви. Виктор ушел до полуночи, рано лег и проснулся тоже неприятно-рано. Навел чистоту в квартире, полил шурочкины цветы. Умылся, вычистил зубы. Все, больше этому дню он ничего не должен, — как сказала Вера Павлова. Что дальше?

«Старею»- скривился желчно, бреясь перед зеркалом.

Поджарил яичницу, выпил кофе. Дела кончились.

— С собой-то что мне делать? С такой машиной-то как мне быть?

Пространство дня казалось неодолимым.

Придумав купить в ГУМе лезвия «жилетт», он поехал в центр. И, действительно, накупил мелочей, намозолил глаза заграничным ширпотребом, вывалился, обглоданный глумливым торжеством вещей. И замер перед новеньким храмом, церковью Казанской Божьей Матерью, белорозовой, с многочисленными кокошниками. Остановился.

Что с ним происходит? Он не знает, как прожить день, придумывает, как убить время. Время жизни! Вот перед воробьем, что скачет по брусчатке, такого вопроса не стоит. Дожил, воробью завидую... Потому что меня волнуют высшие вопросы, — привычно вывернул в свою пользу. — «Вся тварь разумная скучает, Иной без дела, тот от дел. Скучай и ты»... Нет, без публики цитаты не убедительны... Тоскливо оглянувшись по сторонам, на ширину Красной площади, на заснеженные ряды елей под кремлевской стеной, от Спасских ворот до Никольской башни, он свернул в Исторический музей.

Музей открылся недавно после многолетнего перерыва. В детской памяти Виктора хранились воспоминания об огромном мамонте, волосатом, с бивнями, и о железном шлеме, мече и кольчуге Дмитрия Донского. Его потянуло к чистоте тех впечатлений, к детскому холодку в душе под высокими стрельчатыми сводами, к памятникам русской истории. Он вошел и поднялся к кассе. Ему выдали красивый билет-сувенир, похожий на открытку с изображением Кремля и Музея, с древне-русскими письмами.

Как и раньше, всюду сновали школьники, водимые заботливыми женщинами-экскурсоводами с нежными материнскими голосами. Экскурсий было много, у каждого стенда. Мамонт исчез, но картина под потолком о древних охотниках, звериные шкуры на их телах, огромный зверь, попавший в яму, впечатляла по-прежнему. На стендах под стеклом лежало множество кремневых наконечников, каменных стрел, грубых каменных ножей, которыми невозможно отрезать хоть что-нибудь без зверских

усилий, молотки, долбленая черно-окаменевшая лодка... Всегда тяжела была жизнь на земле, всегда сохранялась запредельным неотложным трудом! Его дурацкого вопроса ... и подумать стыдно! Они донесли и передали жизнь ему, а он... как же он забыл об этом?

— Проклятые деньги! Я гибну в гнусном безделье. Что мне делать? Раздать деньги нищим? «Сом лупоглазый в тине болотной...» Надо спасти себя, спасти, пока не поздно. Спасать, спасать! — он бродил по залам, в отчаянии от самого себя.

Наружу Виктор вышел с твердым намерением измениться. Немедленно.

Над площадью светило солнце, пахло весной. Ряды елей вдоль зубчатой стены стояли ярко-зеленые, стряхнув с ветвей утренний снег. Виктор с воодушевлением прошелся по брусчатке, весело оглянулся на башни, на золотых орлов, на золотой крест над новенькой Иверской часовней.

-«Владыко, единый безгрешный! Возри со святыи небес на нас, убогих, и хотя согрешили, но Ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй и нас, впавших в заблуждение..."- припомнились слова молитвы калика перехожего из старинной пьесы, что украдкой ставили еще в училище.

Высокое прозрение держалось в нем до вечера, он с подъемом говорил о нем Парфению и друзьям. Все желали ему удачи и пили за его здоровье.

К началу марта, несмотря на все старания, доходы Лады почти не увеличились. Что-то не клеилось в ее рекламных делах, все было ненароком, случайная сделка, случайный срыв, вне единого делового потока. И вовсе не потому, что на фирмах сидели вредные люди. Напротив. Свет не без добрых людей. Отказ в просьбе мало радовал и противоположную сторону тоже.

— Уж и не знаю, как вам сказать, — мучились и вздыхали на том конце провода. — Директор сказал, что не время брать рекламу. Вы не обидитесь?

Были и забавные случаи. Молодой управляющий, которому она звонила три месяца подряд, тепло пошутил в очередном разговоре.

— Мы с вами так давно знакомы, что, как честный человек, я обязан на вас жениться.

А однажды она уговаривала на рекламу директора, фирма которого праздновала свой пятилетний юбилей.

— Это же надо отметить! Сейчас год за два считается, так все трудно, — улыбалась она.

— Приезжай, отметим, — предложил он.

Новые деньги казались маленькими, курс доллара тоже небольшим, но цены, соразмерно уменьшенные с тысячу раз, кусались по-прежнему. Денег в семье было мало, отец, главный инженер электролампового завода, не зарабатывал почти ничего. Мама, учительница музыки, встав к рыночному прилавку с наборами моющих средств и хозяйственных товаров, кормила всю семью. Иногда, чтобы поскорей распродать мыло и шампуни, она придвигала столик с товаром к потоку людей, спешащих от автобуса к метро и всякий раз грубо изгонялась дюжими молодцами.

— Проваливай, тетка, со своими мочалками! Место куплено!

Скромная сделочка с фирмой «Фототовары» принесла всего четыреста рублей. Их рекламка вышла в газете «Городская новь» в среду, в то же утро в агентстве раздался звонок. Секретарь фирмы, молоденькая девчонка, с которой Лада почти подружилась, гневно сообщила ей, что произошло нечто невероятное. В один из трех телефонных номеров, опубликованных в газете, вкралась опечатка. Это всегда неприятно, но здесь случился полный «улет». Телефон с неправильной цифрой совпал с телефоном наисекретнейшей, наизакрытнейшей службы страны, о которой и знать-то никто не смел! И вдруг туда хлынул поток молодых голосов, интересующихся пленкой для предстоящих пляжных снимков! Фирму вычислили и потрясли, но без шуму.

— Наш президент требует от вас извинений и бесплатного повтора рекламы в качестве возмещения моральных убытков, —

не без торжества закончила секретарша, забыв дружеские отношения.

Газету уже принесли. Лада сверила телефоны в договоре и в рекламе, убедилась в ошибке и стукнулась в кабинет Валентины.

— Валентина Сергеевна, можно к вам?

— Заходи, красавица. Что у тебя?

Лада рассказала. Валентина сделала большие глаза, потом рассмеялась, потом обхватила голову руками.

— Какой ужас! Нарочно не придумашь! И чего они хотят?

— Извинений и бесплатного повтора.

Валентина задумалась, качая головой вправо и влево, как бы разводя мысленно спорящие стороны.

— Это ошибка газеты, мы тут не при чем. Насчет извинений — сколько угодно, брань на восточном входе не виснет, а с бесплатным повтором ничего не получится. Ссориться с редакцией я не собираюсь, платить за чужие ошибки — тем более... Сделаем так. Ты принесешь наши искренние сожаления, и в знак раскаяния и доброй воли предложишь неслыханную скидку. Двадцать процентов.

— Но это же обычная скидка, — простодушно возразила Лада.

— Они об этом не знают. Нет? Объясняю. «Только для вас, — скажешь ты, — только ввиду стихийного бедствия и рокового стечения обстоятельств». Понятно? Учись хитрить, девочка, на рынке работаешь.

С тяжелым сердцем Лада поехала на Кожевническую набережную. На Белорусской шел ремонт эскалатора, пришлось ехать по кольцевой линии, в толчее вокзальных «гостей столицы». На Краснопресненской многие вышли, вагон опустел, но она не села, бережа от складочек светлое пальто и шерстяное платье, зато набились с узлами и чемоданами на Киевском вокзале. Она стояла в уголке у не открывающейся двери и собирала дань с пассажиров. Смотрят. Как хорошо! Раньше в этом была новая мука, а теперь радость. В ее стеснительности любующиеся взгляды эти выручали как друзья, подпитывали уверенностью, без них снова становилось шатко.

Вот смотрит, не отрываясь, молодой военный с одной звездочкой на погонах, вот с мальчишкой-студентом она встретилась глазами, женщины тоже обращают внимание на ее лицо, по-разному, чаще по-доброму... А вот мужчина — пожилой, лет за тридцать, с лысиной — сделал вид, что уступил место тетке с корзинами, приблизился и стал смотреть на нее в упор. Лада смутилась. Только бы не покраснеть! Стихи, стихи читать, как молитву.

И любой колени склонит
 Пред тобой,
 И любой цветок уронит
 Голубой.

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция Парк Культуры»

Пассажиры стеснились к выходу. Уходя, мужчина коснулся ее рукава и доверительно шепнул на ухо.

— Красивым девушкам очень к лицу улыбка. Советую.

Она вспыхнула. Улыбка, конечно улыбка! Таинственная, как на Востоке, загадочная, в уголках губ, как у Джоконды. О, счастье! Она окинула вагон смелым взглядом.

На Октябрьской вошли двое. Одни высокий, Громадина, другой пониже, оба с яркими спортивными сумками. Освободилось крайнее, возле нее, место. Оба вопросительно посмотрели на нее. Она отрицательно качнула головой. Сел высокий и с живостью повернулся к ней.

— А почему вы не сели?

Она улыбнулась уголками губ.

— Не хочу.

И сразу град вопросов.

— Вы с работы? Из института? Вы свободны сегодня вечером? — снизу смотрели смелые и веселые глаза Громадины, под расстегнутой курткой поблескивал олимпийский значок.

Лада смутилась, ответила что-то и вдруг покраснела совсем по-детски, с капельками пота над верхней губой.

Он опешил.

— Вы такая скромная? Не ожидал, не ожидал, — и что-то сказал другому про пот на верхней губе, про то, что не ожидал.

Еще два-три вопроса, ее сердитый неумный ответ и все было кончено. На Павелецкой они вышли, не оглянувшись, не пропустив ее вперед.

На эскалаторе Лада стояла, отвернувшись к стене, чтобы не видели ее слез. Что за мучительный день! И впереди не легче...

Просторный городской автобус с треугольной звездочкой на капоте, «мерседес», после крутых поворотов помчался вдоль набережной Москвы-реки. Еще лежал лед, серый, грязный, как всегда в конце зимы да в промышленном районе, хотя от промышленности этой остались рожки да ножки. Лада смотрела в окно. Что делать? Вот и красивая стала, а счастья нет... Не доезжая до красно-белого корпуса старинной фабрики, «украшенной» вдоль всего фасада темной и толстой вентиляционной трубой, она вышла из автобуса, вернулась против хода метров на семьдесят, свернула в переулок. Множество вывесок украшали вход в каждый подъезд невысокого дома, половину его занимало какое-то серьезное учреждение, возле которого, отражаясь в холодных лужах, прогуливался милиционер.

«Уж не то ли это учреждение — жертва газетной опечатки?» — покосилась она на милиционера, осторожно прошла мимо, вошла в подъезд и позвонила в офис «Фототоваров».

Президент выскочил к ней с глазами волка, белыми от ярости. Казалось, он готов был разорвать ее в клочья!

— На западе с вас содрали бы двести процентов в счет ущерба! Ваше счастье, что много звонков! — бессвязно закричал он и скрылся у себя.

«Неужели такова внутренняя среда этой фирмы?» — поежилась она.

Секретарша отворила дверь в соседний кабинет, и с Ладой стал заниматься коммерческий директор, невысокий, похожий на бычка, мужчина с широким лбом и насмешливыми темными глазами. В тесном закуточке они уселись друг напротив друга, он за многослойно-заваленным столом, она за тумбочкой, придвинутой для расширения к его столу.

— На какую компенсацию вы готовы?

— Мое руководство предлагает вам извинительную скидку в двадцать процентов.

— Всего-то? Мы рассчитывали на большее.

— Это эксклюзивная скидка, только для вас.

Он усмехнулся.

— Ладно, валяйте. Заполняйте договор со скидкой двадцать процентов. Что, думаете, пожалею вас, откажусь? Нет уж, провинились, так отвечайте. Хотя лично я прекрасно понимаю, что ваше агентство не виновато ни сном, ни духом, — он был добродушен, и видно было, что его тоже позабавил этот случай.

Лада расхрабрилась.

— Знаете, как Плевако за одну минуту, на пари, оправдал подсудимого?

— Как? — в темных глазах зажегся интерес.

— Плевако, известный русский адвокат...

— Я знаю, знаю, кто такой Плевако.

— Его подсудимым был поп, растративший церковную казну. «Господа присяжные, — обратился к ним Плевако, — этот человек всю жизнь отпускал нам наши грехи. Отпустим же и мы его единственный грех»

Он усмехнулся.

— А я не отпущу. Я коммерсант, — он взял в руки поданный ею бланк. — Где видно, что это со скидкой?

И Лада, увлекшись волнением разговора, протянула ему свой, неофициальный, прайс-лист, где карандашиком, для себя, были указаны допустимые скидки до тридцати пяти процентов. И замерла с протянутой рукой, словно застигнутая на месте преступления. Волна стыда и страха чуть не лишила ее сознания.

Глянув на бумагу, он мгновенно понял все и поморщился.

— Ну и замашки у в... — он запнулся, пожалел ее и добавил, — у вашего агентства...

Размашисто подписал оба экземпляра и бросил ей.

На ватных ногах она спустилась по лестнице, добрела до метро, села в вагон. Хотелось плакать и жалеть себя...

«Но это же случайность, я не виновата! — оправдывалась она и тут же казнила себя. — Обман был с самого начала, а стыд — когда схватили за руку. Вот какая я».

В вагоне начался шум. Подвыпивший бедноватый мужик из простых задирался к молодому человеку с квадратной прической, в богатом кожаном пальто.

— Ворье! Россию продали! Жулики!

Его удерживали, он рвался, а тот стоял у дверей, сдерживаясь, в ожидании станции. Мужик вырвался, схватил парня за «грудки». Тот развернулся и врезал ему в ухо. Мужик отлетел.

— Молокосос! Отца ударил! Седого...

Пожилая женщина встала между ними. Двери раскрылись, молодой человек вышел, пострадавшего усадили на диван.

И никто не догадывался, что виною всему была она, Лада, ее падение. «Подобно несчастному Ионе, бывшему причиной морской бури, — думала она, — ужасно, ужасно».

В начале марта в артистическом кафе неожиданно появился Толик. Он обветрился, стал похож на ядреного краснорожего купчину, в облике и походке появились одновременно быстрота и уверенная в себе осанистость крутого, знающего себе цену предпринимателя.

— Как дела? — хлопнул он Виктора по плечу.

Тот скривился, ответил кисло и нецензурно.

Толик расхохотался. Он заказал графинчик водки, закуски попроще и, почему-то, ломтик ананаса.

— А я, брат, капиталистом заделался. Зора-то как в воду глядела, точно. Слышал про Каменец под Кандалакшей? У меня там заводик на берегу залива, гравий, щебень, гранитную крошку гоним, конгломераты разные для строителей. Я там и президент, и директор, а попросту хозяин, — он налил в рюмки себе и Виктору.

Тот посмотрел на него с сомнением.

— Это не скучно?

— Хозяином-то быть?

— Гравий какой-то... ты в нем понимаешь?

Толик насмешливо прищурился.

— Поначалу, точно, ни бельмеса не понимал. Приехал туда, смотреть не на что, пьянь, разорение, бабы злые, ух! За пять лет,

как в той песне, «по камушку, по кирпичику растащили кирпичный завод». Спасибо, стены под крышей уцелели. Ну, позвал народ, выступил. Думаешь, просто? Вече новгородское, одно слово. Пять часов орали, чуть не подрались, мужики-то здоровые. Насилу утихли, поверили. Выбрали, правда, «совет директоров», приглядывать за мной. Смех! Денег ни у кого нет, по десятке спрашивают, директора-то мои ... Ха! Потом по местному начальству кинулся. Всех подмазал, научился. Заработало. Сейчас лопим, любо-дорого! Ты был на северах? Темно, холодно, а сердце прикипает. Дом достраиваю, своих перевезу, места чистые, ребята не расти — здоровее некуда. У меня третий намечается, знаешь. Бог даст, ждем дочку.

Он наливал и говорил, говорил и наливал безостановочно, видно было, что он, наконец-то, удовлетворен, душевно здоров, доволен жизнью, хотя и соскучился по своему кругу.

— Я как прилетел, сразу на спектакль побежал, Парфения нашего смотреть. Отменно работает, ей-богу! Как на твои глаза?

Виктор пожал плечами. Он ни разу не видел Парфения на сцене, ему достаточно было иметь того собутыльником. С мгновенным острым проникновением Толик вдруг почувствовал его состояние. Увидел тусклые глаза, вялую белую руку и ужаснулся.

— Фух... Ты-то как? Работаешь? Ездил куда-нибудь?

— Был. В Новосибирске.

— Как там ребята?

— Вкалывают, — Виктор скривился. — Все на вторых ролях. Один Парфишка в люди вышел...

Он чуть не добавил смачных ругательств, но удержался. Друзья помолчали. Толику становилось не по себе. За этим приятельским столом, в праздничном, полном друзей зале, по которому он бродил в мечтах темными приполярными вечерами в своем далеке, его стала забирать, волна за волной, тягучая серая тоска, исходившая от Виктора. Если утром, распределяя время, он рассчитывал посидеть здесь на радостях часа три-четыре, то теперь вдруг засобирился домой и заговорил напоследок о том, чего еще не успел, но о чем непременно хотелось похвалиться именно перед Виктором.

— Там, знаешь, по-соседству другой заводик загибается, лесопильный и мебельный сразу. Ходоков прислали, ко мне просят. К лету присоединю. Эх, Витя, как же вовремя ты подвернулся! Мне эти деньги уже тысячи процентов принесли, все в производство вкладываю. И знаешь, я готов возместить твоей красавице, Валентине-Валькирии. Каково было ей, женщине, в одиночку начинать с нуля?

— Она не одна. За ней такой возвышается, видел его однажды.

— Тем лучше. Теперь-то мне иначе все видится. Я свой грех искуплю.

— Ты серьезно?

— Я теперь все серьезно... А потому серьезно, Victor, что это по роду передается, на детях отражается. Он еще и не родился, кроха, а папашка уж тут такого наворотил, святых выноси! Не веришь? Полюбуйся-ка на дальнейшее потомство власть имущих. Не дай бог! Верну, верну до копейки, пока Манюська не родилась. Расчетный счет этого «Каскада» где-то записан, примите, мол, с благодарностью за вашу своевременную помощь. Ха-ха! У меня сейчас тридцать два человека работают, да школа со столовой и драмкружком. Вон скольких кормлю с семьями... Эх, Витек! Пока рубль держится, как вкопанный, я тоже на ноги поднялся, в землю врос. Теперь устою, что бы ни случилось. Ей-богу! Вот какой я теперь.

Виктор сидел молча, наливаясь желчной завистливой тоской. Толик кинул на стол деньги, поднялся. Какая-то мысль мелькнула в его лице, рука скользнула карман пиджака. На свет появился паспорт в лиловой обложке.

— Возьми.

— Зачем? — Виктор потемнел.

— Вдруг пригодится. Все, бывай, меня дома ждут.

Виктор посмотрел вслед мутным взглядом. Значит, это Толик был *готов*, а он, Виктор, ему *подвернулся*. Вот оно что...

В ту давнюю новогоднюю ночь Викентий Матвеевич пришел домой только днем. Он впервые остался у Анны Стахивны.

И уже третий месяц они жили общим домом. Тихое, закрытое от чужих глаз счастье веяло над ними. Конечно, он не забывал своих обязанностей, дети ни минуты не оставались без присмотра, но Валентине все же пришлось нанять пожилую женщину с верхнего этажа для пригляда и кухни, а та раззвонила новость по всему дому. Их поздравляли. Наконец, они объявили о том, что решили пожениться.

Свадьбу справляли всем домом. Дверь на этаже была открыта, и все три квартиры казались одним помещением. После ремонта новокупленное приобретение обставили уютно и скромно мебелью Анны Стахиевны. Ее ковер украсил спальню, ее холодильник встал на кухне, даже черно-белый телевизор она не разрешили заменить на цветной.

— Яркие искусственные краски цветных экранов вредны для зрения человека, — сказала она с твердостью медика.

— Не может быть. Почему? — удивилась Валентина.

— Потому что снижается чувствительность глаза к слабым оттенкам. Это, увы, доказано. Многие из современных детей не различают красочных переливов на полотнах старых мастеров. От этих красок и громких звуков для людей исчезают самые тонкие и тихие радости жизни.

Но здесь Валентина не согласилась с ней. Она купила японский SONY с пультом переключения программ, и спрятала у себя. И только сегодня утром его установили в квартире.

— Летом будет чемпионат мира по футболу, Анна Стахиевна. Вы же не хотите, чтобы ваш муж смотрел его в другом месте?

Обменом малой квартиры на большую, новокупленную, а проще говоря, еще одной покупкой, Валентине пришлось заниматься с ее сыном, наследником, неуступчивым молодым человеком из современных быстроумных деятелей; за отказ от своих прав он потребовал положить на его счет сумму в долларах, раза в полтора превысившую стоимость квартиры его матери. И ни у кого не повернулся язык осудить его. Что такое цена? Если покупателю позарез нужна именно эта жилплощадь, рынок благословит любую цену. Деньги Валентины продолжали работать на ее род. В будущем ее семья займет всю половину этажа с тремя лоджиями и собственным входом, а уже на днях она установит в

холле общий технический холодильник с отделениями для одежды, овощей и прочих необходимостей.

Молодых встретили на пороге, осыпали зерном и монетами. Свидетелем со стороны Анны Стахиевны была Розалия, со стороны Викентия Матвеевича — Семен Семенович. На *молодой* было в светлое платье, и белые туфельки, голова ее золотисто переливалась, ухоженная в соседней парикмахерской. *Молодой* краситься не стал, и даже сегодня, в такой день, Викентий Матвеевич пробежал с утра свои пять километров вокруг всех прудов.

Родственники, соседи заполнили квартиру, однокомнатную, без мебели, с тремя столами и собранными по дому стульями и табуретками. Подарки были по-пензионерски небогатыми, не покупными. Хрустальные вазы из домашнего серванта, наборы рюмок, собственноручно вышитые салфетки, скатерти, приберегаемые для торжественных случаев. И цветы. Букеты покупали вскладчину, на двоих-троих. Было трогательно, женщины плакали.

— Дорогие мои! — Валентина статно и внушительно встала перед *молодыми*. — Поздравляю вас с законным браком! Поздравляю с заслуженным счастьем! Совет да любовь! Живите и процветайте на радость всем нам, а мы, молодые, приложим все силы, чтобы жизнь ваша текла достойно и полноценно.

Она расцеловалась с «матерью» и свекром.

Угощение было обильным. Конечно, икра черная и красная, винегреты и салаты, холодец и заливное, горячая куриная ножка с горошком, пироги с капустой и яблоками, заказной свадебный торт. В опасениях Валентины, как бы пенсионерам, уже привыкшим к своим скудным трапезам, не стало бы плохо от яств и вин, имелся свой резон, но сами гости об этом не заботились.

За отдельным столом угощались дети. Девочки и их друзья пили чай с конфетами и пирожными, рассказывали случаи и анекдоты, оглядывались и смеялись с легкой неловкостью за поступки взрослых.

Потом все смешалось. Заиграла музыка, женщины запели «народным хором», мужчины вышли курить к лифту. Дым по зарешеченной шахте повалил под крышу, проникая в квартиры на верхних этажах.

— Пожар? Горим? — слышались голоса сверху.

— Заливайте! — отвечали подвыпившие гости.

Конечно, разговорились о политике. Мужской разговор, словно футбольный мяч, ударился о Госдуму и ее героев, о займы, о цены, и попал в Монику и Билла.

— Нам бы их заботы! Да если бы наш президент отличился так-то, мы б ему слова не сказали.

— Прошло его время. Царствует, лежа на боку!

Все были благодушны. Но не Семен Семенович. Он петушился, задирался спорить и, наконец, нашел повод.

— Молчать! — загремел он на кого-то, возразившего ему. — А я говорю, что нельзя играть против собственной валюты, подставлять ее под топор! Эти олигархи как собаки на сене... Нельзя занимать чужие деньги, перекладывать долг на детей и внуков! Где это видано? И не уверяйте меня, что на доллары проценты в мире выгодные, маленькие. Так говорят преступники! Стоит рублю упасть в два-три раза, и нам негде будет заработать, чтобы купить на них столько зеленых дураков для расплаты. Это же кабала, цепи, — он схватился за сердце и привалился к стене.

— Анна Стахивна! Семену Семеновичу плохо! — побежали к ней.

Но он уже отдышался, сунул под язык таблетку валидола, вернулся в комнату и сердито сел возле жены.

К весне Шурочка завела свой бизнес. Разговорившись как-то раз по телефону с пригородным хозяйством, она приехала в «Заречье». В стороне от главных дорог, за лесом и обширной болотиной, которая угадывалась по торчащим из снега желтым сиротливым камышинам, раскинулись поля и теплицы бывшего «кремлевского» поставщика свежих овощей, грибов и лекарственных снадобий. Как представителю газеты, Александре показали цветной ролик о самих себе, провели по фермам с голландской и французской компьютерными технологиями, и, слово за слово, признали в ней «своего» человека, а вскоре сделали и доверенным лицом сначала по рекламе, а потом и по другим пору-

чениям. В «Каскад» стали звонить множество людей и спрашивать Александру Никаноровну. Валентина насторожилась. Сгоряча сделала одно замечание, другое, потом, разобравшись и не желая терять сотрудницу и деньги, обложила Шурочку планом по рекламе и данью за «крышу». Все к лучшему. Новые дела у Шурочки пошли так бойко, что бесконечный поиск рекламных клиентов стал ей в тягость, и будь в Тайнинке телефон, она могла бы уже не сидеть в агентстве целыми днями. Но привычка к месту, к людям немало значили для ее кошачьей натуры. Очень скоро владение небольшим собственным «делом» проявилось во всем ее облике, в нем проступила та хватка, тот думающий прямой взгляд, какие раньше восхищали ее у клиентов-директоров. Подобно им, у нее была на счету каждая минута. Шурочка подумывала о машине. А вот какой?.. Мелкие сделки ей уже досаждали, и она передавала их Ладе в счет погашения тою старого долга. В конце концов, в этой гонке ее схватила простуда, голос ее осип, но являться на работу она продолжала ежедневно. Как Валентина. И странная вещь: дела пошли еще лучше.

— Что за чудеса? — удивлялась Шурочка, — я хриплю, а им больше нравится. Агнесса, слышишь?

Агнесса подняла на нее задумчивые глаза.

— Очень точное наблюдение. Всем надоели агрессивные и деловые, душа потянулась к подлинности. Ты не мяукаешь, ты проста и бесхитростна, и они верят.

— Ишь ты.

Весна приближалась медленно, почти неохотно. Морозы не отпускали, снег заносил улицы, ломал ветви деревьев. На югах с беспокойством ждали весеннего паводка. И все же...

— Валечка, — с улыбкой вошла в кабинет Екатерина Дмитриевна, — будем праздновать Восьмое марта? Надо бы расслабиться, *оттянуться*, как говорят молодые, потанцевать, сдружить новых и старых. А?

— Без проблем, — поддержала Валентина. — Готовьте самодеятельность, талантов у нас хватает. Да позвоните тем, кто работал у нас раньше. Почему не показываются? Как у них дела? Пусть приходят, мы всем рады, тем более обученным и обстрелянным.

И в доме Виктора Селезнева раздался звонок.

— Витенька, а мы вас потеряли, — он узнал Екатерину Дмитриевну. — Соскучились, хотим повидаться. Женщины приглашают вас на вечер накануне нашего праздника. Ждем вас седьмого марта, в пять часов.

Виктор был тронут. Он переживал скверное время, чувствовал, что совсем одичал в своем затворничестве.

— Буду, — сказал он весело, — приду непременно. Благодарю за внимание, дорогая Екатерина Дмитриевна.

Положив трубку, закурил и стал ходить по квартире.

В агентстве былолюдно и оживленно, как ни на одной из оперативок. Две новейшие группы слушателей, еще не вполне вкусившие от щедрот рекламного бизнеса, были счастливы оказаться на пирушке вместе с легендами «Каскада» — Юрой, Агнессой, Шурочкой, самые простодушные из них лелеяли надежду приобщиться под шумок к «их секретам». В большой комнате были сдвинуты рядами все столы, резались хлеб и угощения, пробовались музыкальные диски, слышались зовущие хлопки открываемых бутылок. В общем, звучала та пленительная увертюра, которая отрывает любое застолье. Как в любом человеческом сообществе, в «Каскаде» уже отстоялись кое-какие обычаи вроде шурочкиных солений и мяса с морковью и черносливом, которых ожидали, глотая слюнки, и как десятка два застольных русских песен, слова которых были отпечатаны на плакатиках. Их также напела Шурочка. В другой комнате еще дозванивались клиентам и, всем на удивленье, договаривались о встрече несколько завятых трудоголиков, хотя и на том конце провода трезвых давно уже не было.

Виктор, мужественный, прекрасно одетый, вошел с бутылкой виски и букетом цветов. «Старики» встретили его восторженным гулом, на который с почтением оглянулись и стали рассматривать вошедшего советники «помоложе». Виктор польщенно поклонился, подошел к Валентине.

— Вы, как всегда, самая обворожительная, — единым взглядом схватив ее прическу, малиновое бархатное платье, золото на шее и на запястьях, все ее величие, как видимое всем, так

и знакомое лишь им одним. С артистизмом первого театрального любовника склонился к ее руке.

Валентина улыбнулась.

— Рада вас видеть, Виктор. Где вы сейчас? На какой сцене, в какой роли пожинаете лавры? Ваши друзья замечательно отзываются о вас.

— Придет время и мир услышит обо мне, — ответил он загадочно.

— Витя! Как приятно! — с подъемом подкатилась Екатерина Дмитриевна. — Что вы, как вы? А мы-то ждем-ждем, когда нас на премьеру пригласят! Не бойтесь, не задаром, мы сами билеты купим, мы богатенькие Буратино.

— Скоро приглашу, — открыто улыбнулся он. — Я сейчас труппу набираю, человек восемь-десять единомышленников. Как откроемся, милости просим.

Это блеснуло как молния, в один миг, и он чуть не упал от такой находки. Вот что надо делать! И вот что такое беседа. Самодвижущаяся коляска, самонаводящееся на открытие действие! Убийственно молчать целыми днями...

— Как интересно! — сказала Агнесса, подходя ближе. — И где он будет, твой театр?

— Поначалу в каком-нибудь подвале, по обыкновению. Но это будет сплав всех сценических жанров, даже архаики, все звонко, взрывно!

— Желаю тебе успеха.

— «Директор театра», — улыбнулась Лада, и тихонько напела моцартовскую тему.

— Благодарю, — Виктор прижал к груди руку. — Ты счастливо преобразилась, Лада, тебя не узнать. Прими мои поздравления.

Оглядываясь, он увидел свою прежнюю подружку. Подошел, чмокнул в щечку. Шурочка пристально посмотрела ему в глаза и отвернулась. Какое ее кошачье дело до его собачьей жизни!

— Господа! — негромко сказала Валентина. — Господа! Мы вновь за праздничным столом. Но пусть сегодня говорят

мужчины! Нас хотел поздравить самый молчаливый человек в агентстве. Максим Петрович! Вам слово.

Легкий смех взлетел над столом. Максим Петрович с доброй застенчивой улыбкой на худом некрасивом лице, поднялся из тесного ряда сидящих за столом.

— Бесконечно мое восхищение нашими милыми сотрудницами. В России женщина — больше чем женщина, в России женщина — сама Россия.

Все захлопали, закричали и принялись было выпивать, но Максим Петрович продолжал стоять с тою же смущенной улыбкой.

— Разрешите мне прочитать мои скромные посвящения, навеянные окружающими меня красавицами.

Лучшая в мире реклама —
Женщины нашей страны.
О, благородная Дама!
Рыцари вновь влюблены.

И вновь возник
И будет сниться
Твой дивный лик.
На всю страницу!

— О-о, Максим Петрович! Талант! Спишите слова! — поднялся гвалт и уже не утихал.

После него две новенькие, еще полные наива и доверия к лучезарному будущему молодые женщины, повязав на головы платочки, и молодой человек в алой рубашке навывпуск, подпоясанной кушаком, притоптывая и поводя плечами, пропели вместе и поочередно, частушки собственного сочинения.

Встану рано поутру,
Базу данных наберу,
Здрасьте, фирмы, это я,
Рекламная компания.

Через поле яровое,
Через восемь деревень,
Я хожу к клиенту Коле
На свиданье каждый день!

Разговоры-договоры,
Слово к делу клонится,
У клиентов денег горы,
Да не вдруг обломится!

Подружка моя,
Как тебе не стыдно,
Я мудрила, ты отбила,
Разве не обидно!

А я не сетую, не плачу,
Фирмы сызнава иначу,
В море бизнеса страны
Все советники равны!

Не рыдаю и не плачу,
А звоню с улыбкой,
Приплывет моя удача
Золотою рыбкой!

Если ты работе рад,
Денежкой любишься,
Приходи к нам на «Каскад»,
Не разочаруешься!

Валентина растрогалась.

— Милые вы мои! Ах, какие молодцы! Премию каждому по десять процентов от всех заключенных вами договоров! Таланты надо поощрять! И вообще, господа, внимание! С пятнадцатого марта все будут получать не двенадцать, а четырнадцать процентов от суммы договора, как было обещано еще в октябре. Вы так

замечательно работаете, что мы, наконец-то, можем себе это позволить. Если опять не помешают.

— Ура-а!

Запели «По Дону гуляет...», не допели, потому что плохой конец, запели «Живет моя отрада...», «Лучину», «Пряху», «Рябину», поглядывая на плакатики. И расчувствовались, расплакались, будто и веселье не в радость, если не выбьешь слезу из сердца.

И тут в дверях возник Митяй. В руках его был огромный букет темно-красных роз.

— С праздником, драгоценные! — закричал он. — Каждой женщине по розе за один поцелуй! Подходите. Все честно, ага.

Все были «хороши» и «поддаты» как раз настолько, чтобы принять его условия. Выстроилась очередь. Смеху прибавилось. Митяя целовали в губы и щеки, брали розу, вдыхали аромат.

— Лада! Скромница! Твоя очередь!

Шум затих. Лада, прелестная, в голубом платье, осторожно коснулась губами лица молодого человека. Он пылко прижал ее к себе.

— Бери весь букет! Солнышко ты мое ненаглядное! Еще один поцелуй, настоящий!

Но она высвободилась и отбежала с цветком в руке, а к Митяю приблизилась Агнесса. Ласково причесала пальцами его русые волосы, коснулась губами щеки и взяла свой приз.

Погасили главный свет, в полумраке начались танцы. Виктор пригласил Валентину, Шурочку пригласил Юра. Он теперь нечасто бывал в агентстве, готовясь в МГУ, но забегал, не бросал ни «Каскада», ни старых клиентов, потому что деньги нужны были всегда. А Виктор хотел подузнать у своей дамы о ее спутнике тогда в театре, впечатление от которого так врезалось в память, что мечталось ему, тревожило его и поныне. Была даже ревность к нему, блистательному, и тяга к его личности, широте и размаху. Кто он? Но Виктор не посмел даже слова произнести о той встрече.

— Агнесса, можно с тобой поговорить? — подседа к ней Лада.

Сейчас, когда все казалось легко, ее тянуло признаться в самом нежном и скрытом, и попросить совета. А состояло ее

тайное в том, что непривычная к вниманию молодых людей, она, словно дикарка, проигрывала все знакомства с самого начала, с первых же слов. К ней подходили на улице, в метро, на фирмах, но быстрый страх сковывал ее, словно цепями.

— Агнесса...

— Что, Солнышко? — Агнесса угадала ее волнение.

— Я... знаешь...

— Смелее.

— В общем, научи меня общаться с мужчинами.

Конечно, Лада зарделась, как маков цвет, но в полумраке, слава богу, можно было пренебречь этим. Агнесса обняла ее.

— Спроси что-нибудь попроще, подруга. У тебя трудности?

— Ужасные. Я не знаю, что со мной творится, когда на меня смотрят. Никакой смелости. А уж если кто понравится, то я теряю последние крохи. Вот... как быть?

— Рада бы тебе помочь, но... я сама, как та рябина. Чего-то жду, жду... В Москве, я знаю, есть группы общения, там, говорят, многому обучают. Попробуй. А что, в самом деле! Ради красивой тряпки мы готовы ехать на край света, а для главного в твоей жизни, встречи с человеком, пальцем шевельнуть не желаем! Странно, правда?

— Да, — уныло согласилась Лада.

Группа общения... нет, это не для нее, это слишком явно. Все сразу догадаются, почему она пришла.

В это время танцы стали общими, каждый двигался независимо, как ему желалось, под общий настороженно-ритмический бой барабанов.

— Пойдем танцевать, — поднялась Агнесса.

Увидев, что они вошли в круг танцующих, Максим Петрович откачнулся от стенки, которую подпирал, зачерпнул на столе горсть конфет, приблизился и угостил обеих.

— Вам и вам, самым очаровательным из всех. С праздником!

— Спасибо, Максим Петрович! И за стихи тоже! Что за изысканный слог, что за возвышенное чувство!

— Вы стоите большего, Агнесса, вы... — покачиваясь и наклоняясь, он стал нести изящно-пьяный вздор. Потом вернулся в свой простенок, а возле них очутилась Екатерина Дмитриевна.

— Агнесса! — укорила она низким голосом. — Давно хочу тебе сказать. Чего ты теряешься? Этот мужчина тебя на руках носить будет, особенно, если родится девочка!

Агнесса посмотрела на нее

— Ой.

— Вот тебе и ой! Прислушайся к моему опыту. Я дурного не посоветую, сама знаешь. Жизнь-то проходит, что у тебя, что у него. «Ой»!

Вдохнув глубоко-глубоко, Агнесса разом выдохнула и помотала головой, отчего длинные прямые волосы ее упали на лицо и на грудь.

— Я обдумаю ваши пожелания, милейшая Екатерина Дмитриевна. Благодарю за участие.

В полумраке она подошла к столу, налила себе горьковатого мандаринового сока, запила им сладость шоколадных конфет. Все. Веселье окончено, пора домой.

«Святая простота, — усмехнулась она. — Куда там вымощена дорога для таких блаженных, нищих духом? Но прежде они с легкой душой спихнут туда своего ближнего».

Танцы стихли. Всем захотелось теплого тесного круга. Усевшись прямо на пол, стали рассказывать анекдоты, петь под гитару. Агнесса спела старинный романс, Лада сыграла что-то сложное, концертное, после чего шестиструнку перехватили молодые люди и отвели душу в современных песнях.

Виктор и Митяй вышли покурить. Все в агентстве было давно обустроено, между комнатами возле входа из общего коридора за столиком сидел дюжий молодец с оттопыренной полкой пиджака, тут же разместились полка с подшивками газет, пестрыми стопками тонких журналов, а также стол с папками, в которых под строгим наблюдением лежали бланки договоров, расценок, гарантийных писем. Лестница на первый этаж была снабжена деревянными светлыми перилами и освещена настенными светильниками в виде ракушек, бросавших на светлые стены полукружные слоистые тени, и даже украшена гирляндами

искусственной зелени. Внизу, напротив железной двери расположилась другая дверь, в переговорную комнату, обставленную кожаными диванами и низким овальным столом посередине. О полутемном, паутинном, оставшемся за стенкой, ходе напоминало маленькое окошечко с вентилятором.

Ребята уселись на диваны.

— Цветет «Каскад», — заметил Виктор и дернул шнур вентилятора. Лопасты качнулись и исчезли в быстром движении. Повеяло холодочком. — Ты здесь работаешь, что ли?

— Нет. Меня девчонка пригласила, ага, помнишь, была со мной в «Артистическом»?

— Понятно.

— А ты, правда, директор театра?

— Пока нет, но буду. Это будет новое слово в искусстве сцены...

Виктор курил и думал о своей идее. Он был сражен ее очевидностью, когда неожиданно для себя высказал ее два часа назад. Работа перед кинокамерой дала кое-что, сколько задумок, одиноких находок! Все пойдет в дело. Но сколько потребуется денег... Нищенствовать, пробиваться, как когда-то Венька Травкин, он не собирается.

— Помнишь, ты говорил о ребятах, которые наваривают бабки? Они еще существуют? — остро взглянул он на Митяя.

— А как же. Процвечают не хуже «Каскада», ага.

— С ними можно потолковать?

— Вообще-то, можно, но только одному тебе, больше никому. Сейчас они берут десять кусков на две недели.

— Восемь возьмут? — это были последние восемь тысяч долларов. — Когда пойдем?

— Как столкнемся, так и пойдем, ага. Сколько дашь?

— Сколько просишь?

— Двадцать процентов.

— С прибыли?

— С суммы.

— Ты даешь! Пять. Мне ж на дело, на театр!

— Годится. Я с ними повидаюсь и позвоню тебе.

— А я еще подумаю.

— Ага.

Однажды вечером, после семи часов, когда деловые мужчины, руководители серьезных фирм, отпустив длинноногих секретарш, работают в тишине кабинетов, Лада разговорилась с директором консалтингового агентства. Сама она задержалась в «Каскаде» для того, чтобы послать пять факсов, и пока посылала, проверяла, повторяла те, что неясно читались, наступил полный вечер.

«Позвоню-ка Неуловимому» — набрала она номер телефона, по которому звонила уже несколько раз, да все «его нет, он вышел, он будет через час, после обеда, вечером, утром...» Он оказался на месте. Много слышала она мужских голосов на своем музыкальном веку, но в этом баритоне разместились целые пейзажи, горы и долины, теплые моря, вереницы озаренных облаков, океаны любви и ласки. Ах, как они поговорили! Они, можно сказать, поцеловались по телефону! И условились о встрече на завтра, в девять тридцать возле охраны его офиса. Он сам ее встретит.

— Да, да, и прихватите вашу газету и ваши условия, у меня как раз совещание по рекламе. Я должен быть в курсе.

Наутро в девять-тридцать она стояла возле столика дежурного в ожидании того, кого нарисовало ее воображение, конечно, богатыря, принца из сказки. Он будет самым красивым из всех, высоким, добрым, благородным... И не видела, не замечала, глупышка, поглядывая поверх голов, что он-то уже перед нею, смотрит на нее, низенький, по плечо ей, с тяжелым крупным лицом. Этого мгновения, этого движения ее глаз сверху вниз, от мечты к действительности, он ей не простил. Выхватив газету из ее рук, он закричал, как раненый зверек.

— Да, да, я заказывал эту информацию, мы вам звонили, да, да ... — и убежал.

На улице уже наступила «весна воды». Было пасмурно и тепло, серые снежные сугробы по обочинам дорожек покрылись кружевными корочками, с которых быстро бежала светлая во-

дичка. Возле них скакали воробьи и пили талые капли прямо с ледяных прозрачных узоров..

Лада брела вдоль улицы. Опять переживание. Почему он так поступил? Ах, она все понимает, давно ли сама вышла из подобной же тюрьмы... Но все равно, с этим надо как-то работать, он же мужчина, и он может быть таким... таким... тончайшим. Ах, как скверно! ужасно! Понурая, она обходила лужи, не забывая поглядывать на свое отражение в новом берете с помпоном на макушке. Потом с интересом оглянулась по сторонам, на просторную улицу. Магазины, вывески, витрины... Что ж. Сегодня ей незачем ехать в агентство, сегодня можно попытаться счастья прямо с улицы. У Шурочки, кажется, был такой опыт, она что-то рассказывала ей, когда они были дружны.

Присмотрев скромную вывеску, и толком не разобравшись, о чем там, она нажала кнопку.

— Кто вы? Представьтесь, — раздалось в переговорном устройстве.

— Газета «Городская новь». К директору.

— У вас назначено?

— Нет.

— Сейчас узнаю.

Щелкнув, дверь отворилась. Она вошла. По белому пушистому ковру ее проводили в приемную, отделанную черным деревом. Окна были забраны жалюзи, сквозь окна новейшей конструкции с тройным стеклопакетом (у Юры прошла о таких большая реклама) с шумной улицы не проникало ни звука.

— Присаживайтесь. Пальто повесьте вот здесь. Сейчас к вам выйдут.

Кожаное кресло, все в черных гиппопотамовых складках, приняло ее словно на хранение. Она с любопытством огляделась. У стены справа стоял большой, размерами с хороший шкаф, подсвеченный аквариум с редкостными золотыми рыбками. Царственно и лениво плавали между зеленых водорослей и каменных гротов их вуалевые золотые тела. У стены слева раскинули ветви две живые пальмы с ворсистыми стволами. Чем может заниматься подобная фирма?

— Здравствуйте, — к ней выбежал тонкий белокурый молодой человек с орлиным носом, в пышном лиловом свитере и черных вельветовых брюках. — Чему обязаны вниманием газеты?

Она объяснила, мол, предлагается реклама в одну строчку длиной около тридцати трех печатных знаков всего за пятьдесят долларов, можно в рублях по курсу.

Он был удивлен.

— Так-таки с улицы и зашли? Невероятно! Но пусть так, смелость города берет. Пишите «Жевательная резинка. Опт.» и телефон.

Он подмахнул договор, расплатился за четыре публикации и убежал в таинственную глубину еще более прекрасных помещений. Лада очутилась на улице, удивленная легкостью происшедшего.

За следующей дверью от нее отшутились.

— Мы избегаем славы, девушка.

— Почему?

— Известность вредит нашему делу.

— Что же вас кормит в такой тайне? — улыбнулась она.

— Заказные убийства.

Третье, пятое посещения оказались удачными, денежными. Освоившись, Лада входила в незнакомую дверь с улыбкой фото-модели, что поначалу казалось сущей пыткой, а потом понравилось. Перешагни через страх и поднимешься на ступеньку. Зато как непохоже устроен мир даже в этом простеньком измерении! Ни разу не удалось предугадать, что ожидает за очередной дверью!

В середине дня под мелким снегом, посыпавшимся из бледного облака среди чистого неба, она оказалась возле стеклянной башни-гостиницы. В ней, сразу видно, давно уже никто не гостил, а все номера были сданы в аренду разным предпринимателям под офисы и склады. Если взлететь на лифте на двенадцатый этаж и медленно спускаться по этажам, обходя коридор за коридором, то можно собрать такой урожай, который не при-
сниться ни в каком сне!

Сердитый страж в лице седого вахтера остановил ее. Он сидел слева от двери и управлял длинной щеколдой в виде стального лома с наваренной ручкой. Увидев ее, он толкнул лом и щеколда вошла в паз, преграждая дорогу.

— Вы к кому?

— Я из газеты. Мне нужно поговорить с обитателями вашей гостиницы. Разрешите, я поднимусь на лифте.

— Из какой такой газеты?

Лада представилась, но это не помогло.

— Вы даже не знаете, к кому идете! Не пушу, — обозленно уперся он, и в ответ на ее объяснения, закричал. — Незачем ходить туда, ничего они дадут, никакой рекламы, такие скупые жадюги. Знаете, чем они торгуют? — он понизил голос. — Тампакс!

Лада опустила ресницы.

— Могу ли позвонить кому-либо отсюда, снизу? Ко мне выйдут и проведут. Обычно я веду переговоры с директорами, а не с вахтерами.

Старик задохнулся от ярости.

— А я вам не вахтер! Я генерал в отставке!

Она махнула рукой и вышла. Отойдя несколько шагов, с сожалением оглянулась. И замерла. В один миг мелькнул перед ней образ цивилизации, мертвенный, кубообразный, холодно-жестокый. Почему? кто знает. Это была всего лишь стена дома с оловянным блеском серой облачности в окнах. Только и всего.

Одиссея продолжалась. До метро оставалось две троллейбусных остановки.

В мастерской по ремонту музыкальных инструментов висели скрипки, виолончели, отсвечивала тусклая духовая медь, под старинным пыльным офортом в деревянной раме стояло коричневое пианино с бронзовыми подсвечниками и резным черным пюпитром для нот. За конторкой сидел молодой человек. Увидев ее, медленно поднялся.

— Вы — к нам? — с тихим восхищением произнес он. — Вас привезли? Вы сами пришли? Ах, верно так, для здоровья, потому так прекрасно выглядите...

И стал молча созерцать ее, сводя свои впечатления к единственному внутреннему звуку. Она ощутила, как раскрывается простран-

ство над ее головой... и поспешила уйти, сбежала, боясь, что потом не сумеет.

Уже смеркалось. В лужи под фонарями сыпались мелкие иголки морозящего полудождя. Одиннадцать договорчиков и кучка денег лежали в сумочке. От усталости звенело в ушах. Но кто сказал, что хлеб должен быть легким? Перекусив горячей сосиской в булочке с горчицей и кетчупом, Лада вновь ощутила прилив сил.

И вновь толкнула незнакомую дверь.

Металлическое беззаконное здание было доверху заполнено ящиками, в которых тесно стояли пустые бутылки. Центр стекло-тары принимал винную посуду со всего района. Остро пахло пивом, в скользких проходах между рядами пошатывались в полутьме зыбкие фигуры. Ее провели по лестнице в пристройку на уровне второго этажа в кабинет директора. Такого кабинета она еще не видела и никогда бы не могла себе вообразить!

Маленькая комната была доверху забита разной рухлядью настолько, что присесть можно было лишь на край чего-нибудь, торчащего из хлама. У самой двери примостился письменный стол с бутылкой вместо одной ножки, а на столе в луже воды стояло полное ведро, в которое со звоном бежала с потолка и переливалась через край весенняя капель. И за этим столом сидел директор!

Увидев Ладу в сопровождении кого-то снизу, он смутился, поискал, на что бы ее усадить, выдернул дырявый стул, прикрыл дощечкой, газетой, и втиснул в просвет общего навала.

— Не взывайте, пожалуйста.

— Это вы меня извините, вторглась без приглашения... — она протянула визитную карточку. — Газета «Городская новь». Как ваши дела?

— Какие дела... — вздохнул он. — Видите, что творится!

Она мягко смотрела на него. Это был складной молодой мужчина, с виноватостью во взоре, присущей всем выпивающим. Лада невольно обратилась к нему, как к ребенку.

— Может быть, маленькое объявление в газете будет вам полезно? Может быть, кому-то позарез нужны именно ваши бутылки?

Он усмехнулся.

— Кому нужны, тот о нас знает. Нет, барышня, реклама — это для больших людей, а мы люди маленькие, нам и так сойдет.

Лада помолчала. Полноценный, хваткий, с умными цепкими глазами, как тот расторопный ярославский мужик, он сидел в полном самоуничижении. Она выпрямилась на своем стуле и тихо произнесла.

— Если вы согласны с тем, что вы маленький человек, значит, делать нечего, так и будет. Но если не согласны, то никогда не поздно все поменять.

Он взглянул ей прямо в глаза и промолчал.

... Последним посещением оказалось охранное предприятие «Русская броня». Здесь тоже был беспорядок, но продуманный и чистый, сытые мужчины в камуфляжной форме со значками и нашивками на груди, на рукавах, укладывали в ящики оптические приборы, фонари, бронежилеты.

— Опоздали, — сказал ей начальник. — Завтра в Экспоцентре открывается наша выставка. Вот если бы неделей раньше.

— Вам интересна реклама перед выставкой? — насторожилась она.

— Конечно. И не только нам, все участники не отказались бы пригласить москвичей через вашу газету.

— Часто бывают ваши выставки?

— Наши нечасто, раза три в году, но в выставочных залах по Москве постоянно идут разные показы. Неужели газета не знает об этом?

— Под таким углом навряд ли. Спасибо, вы мне очень помогли.

— Рад был познакомиться. Приходите на выставку.

В метро, по пути в «Каскад» она обдумала эту мысль во всех подробностях. Если составить список выставок, интересных для читателей «Городской нови», медицинских, строительных, даже о продуктах питания, то можно делать целые страницы накануне каждой из них, обзванивая участников. Мало кто откажется рассказать о себе и пригласить москвичей к своему стенду! А как сужается объем ненужной работы!

Вот он, деловой поток! Лада поняла, что и ей, наконец-то, попалась «золотая рыбка»!

В назначенный день Виктор и Митяй встретились на Баррикадной. День был снежный, крупные мокрые хлопья летели в воздухе, забрасывая прохожих словно обрывками белой бумаги. Через дорожную брусчатку они прошли к высотному зданию, вдоль его цоколя, отделанного грубосколотым темно-красным гранитом, взяли правее за угол, вдоль тех же гранитных плит, но, в отличие от ухоженного, с магазинами и кафе, фасада слегка затянутых замшелостью, и свернули к старому кирпичному дому, одному из четырех желтых пятиэтажек, с давних времен оставшихся как бы в тени высотки. Свернули, не доходя до последнего подъезда, и никуда не подымаясь, позвонили.

— К кому? — спросили из-за двери.

— В «Ростинг» к Ярославу, — ответил Митяй.

Виктор напрягся. До этой минуты он еще тянул с решением, хотел посмотреть, что да как, не отдавать последние деньги... Теперь колебания кончились. Или-или. Он шагнул вслед за Митяем.

Коридор, в котором они очутились, поражал своей захлапленностью. Мало того, что доски пола прогибались и прыгали под ногами, но и шкафы, коробки, ящики, приборы, мониторы, телевизоры громоздились под потолок, готовые обрушиться на неловкого посетителя. В воздухе стоял затхлый дух гниющего подполья. Они пробрались к дальней двери. На этот раз им открыли без расспросов. В комнате находился всего один человек, мужчина лет тридцати с наушниками на голове. Его рабочее место располагалось в кресле перед компьютером, на экране которого бежали колонки цифр. В углу стоял сейф типа несгораемого шкафа, столик с пластмассовым электрочайником и парой стаканов.

— Заходите, — пригласил хозяин, снимая наушники. — Ярослав.

— Виктор.

— Времени у нас немного, я расскажу вам, кто мы и чем занимаемся. Мы брокеры, игроки на мировых биржах через Интернет. Здесь на экране бегут котировки всех акций, и мы ставим то на повышение, то на понижение. Пока получается. Дмитрий говорил, что вы хотели бы инвестировать десять тысяч долларов.

— Восемь.

— Хорошо, пусть восемь. Через две недели вы имеете право на пятьдесят процентов этой суммы, при желании можете забрать вклад целиком с этой прибылью. Расписок мы не даем. Решайте.

Виктор посмотрел на экран. В течение пяти секунд вспыхнули одна за другой четыре цифры, сопровождаемые английским текстом и речью, которая слышалась из наушников, лежащих перед ним. Оператор щелкнул мышью по двум из них и вновь пустил цифры струиться снизу вверх.

— Я согласен, — сказал Виктор, доставая деньги.

Тот пересчитал сумму, кивнул, отворил сейф и кинул к лежащим там пачкам.

На следующей неделе Виктор не видел Митяя ни разу. В нем зародилась тревога и уже не покидала его. Сидя за столиком в «Артистическом», он оглядывался на каждого входящего. Напрасно. С каждой минутой убеждался он в дикой, глупой, непростительной ошибке, не мог понять, как мог «фитюльку, тряпку, принять за большого человека!» Наконец, в нестерпимом волнении помчался туда сам. Предчувствия оправдались. На его звонок из-за двери грубо ответили, что фирма «Ростинг» съехала, и где находится, неизвестно.

Вскоре он продал магнитофон, потом пришел черед кинокамеры. Ницета заглянула в глаза и клацнула зубом.

В конце марта правительство Виктора Черномырдина было отправлено в отставку. Произошло это внезапно, в оскорбительном ельцинском духе, посредством издевательски-срочного утреннего указа, о котором сам премьер-министр слыхом не слышал, видом не видал, направляясь на совещание к десяти часам. Тоскующему в болезненном душевном глодании президенту захотелось очередной бучи и разрушения, всегда питавших его

волнами счастья, захотелось очередного взрыва и изумления вокруг своей старческой персоны, захотелось «давануть» когонибудь из подчиненных, чтобы излучения оскорбленных людей, испытавших его произвол, напитали сладостной энергией его севшие батарейки. Развалив страну, он разваливался сам.

Отставка кабинета случилась в понедельник накануне отчета в Госдуме, где правительство намеревалось рассказать о начале роста в экономике и промышленности, первых ростках за последнее время. Они, действительно, были, эти робкие стебельки. Поднялась выплавка цветного металла, подросла сахарная и пивоваренная промышленность, проклюнулись почки и на других направлениях. Но тяжкая финансовая пирамида ГКО стянула такие средства страны на обслуживание самое себя, что бюджет трещал по швам, в то время как глаза финансистов по-прежнему смотрели на Запад, на новые займы, которыми затыкались дыры по зарплате и ГКО.

Шум, конечно, случился мировой. Сам Виктор Степанович, всегда исполненный достоинства и обремененный властью, и всегда, чего бы ему не стоило, уводивший себя на второй план, за президента, выглядел потерянным и онемевшим. За одну минуту рухнуло столько намерений! Было от чего схватиться за голову! А Ельцин «дожимал» его. Он и наградил его орденом, и лестно отозвался о его верности «ряформам», и устроил все это под самый юбилей Чернобырдина, на который был неназойливо приглашен, и приехал, и целовался с юбиляром у всех на виду, наслаждаясь унижением боевого соратника, которого низвел на уровень преданного, да неугодного, видите ли, холопа.

Вся страна опустила глаза, не в силах смотреть на это унижение.

Потом началось ломание Госдумы через колено. Взъерошенные, переругавшиеся друг с другом депутаты Госдумы наотрез отказывались утверждать премьер-министром никому не известного «пятимесячного министра» Кириенко. А тот, улыбочивый, веселый банкирчик, вознамерившийся порулить огромной страной, не отступался от президентского приглашения, обнаруживая необычайное умение излагать свои мысли и договариваться. Неделю за неделей жила в этой потасовке растерзанная стра-

на. Срок позорного последнего голосования приближался. На волоске от разгона, Государственная Дума стала болью и всеобщим посмешищем, все разговоры так или иначе вертелись вокруг последнего голосования.

Шумели забастовки, голодали врачи и учителя, шахтеры перекрывали рельсы. Смута наводнила Россию.

Викентий Матвеевич и Семен Семенович встречались и перезванивались по несколько раз в день. Ничего не могли возразить они разговорчивому Кириенко, но и мыслью охватить его новшества были не в состоянии. Он не говорил ничего противного. С его, так сказать, «*Апрельскими тезисами*» хотелось соглашаться: усиление роли государства в народном хозяйстве — да! сбор налогов с алкоголя — да! свободный курс доллара — наверное, да. А вообще, кто его переплывет, это море слов?

— Ты что-нибудь понимаешь, Викентий?

— Только одно. Мы все, нормальные люди, участвуем в приступах страха и депрессии одного-единственного человека. В точности, как в тридцатые годы. Тут хоть головой об стенку бейся, ничего не поймешь, если ты не врач. Анечке видится тяжелый клинический случай, — у Викентия Матвеевича появился новый уровень обзора.

— А чего он боится-то? — Семен Семенович ядовито усмехнулся. — Не повесят же, как Муссолини, вверх ногами.

— Как знать. Грехи тяжкие, а раскаяния никакого. Помнишь, как южнокорейский президент перед народом прощенья просил да каялся? А нашего гордыня заела. Вот и кидается.

— Бр-р... не позавидуешь. Никакой власти не надо.

— Политика, Семен Семенович.

Они прошли несколько шагов в молчании, как вдруг Викентий Матвеевич остановился, невидяще опустив взор себе под ноги.

— Ух, Семен... слушай, друг дорогой, что за мысль меня посетила! Ох-ох-ох, дай додумать. А может, это *его* способ исправить, что натворил, связать, что еще можно? Найдет подходящего да молодого, свалит на него все свои промахи ужасные, да и напрямиком в монастырь, помогать с другого боку, так ска-

зять? Бывало и такое на матушке-Руси. Жалко мне его становится. Какая трагедия-то! Масштаб!

— Никуда он не уйдет, кишка тонка, одной властью живет-держится, — брюзгливо отмахнулся майор.

... На деловой мир схватка президента с Государственной Думой подействовала, как ушат холодной воды. Все замерло в ожидании. Личность же «киндер-сюрприза», как окрестили его в народе, вызывала интерес. А Валентине «младореформатор» даже понравился. Его свежая современная фигура разительно выигрывала на фоне почтенных, в зубах навязших патриархов-руководителей, прошедших «весь путь от слесаря до главы Правительства», в щуплом подвижном молодом человеке виделся тип современного топ-менеджера, которого она и сама бы с удовольствием пригласила на работу.

Вместе с деловой активностью упал интерес и к рекламе. Перед длинными праздниками мая эта апрельская остановка грозила бы настоящей бедой, когда бы не подоспевшая разработка Лады о публикациях к выставкам. Ее встретили на «ура». Все, кому надоело наобум обзванивать семьсот тысяч московских фирм, кинулись на пятак участников, круг которых определяла сама тема выставки: медицинская, строительная, бытовой техники. Даже Шурочка снова взялась за телефон, чтобы никого не допустить к своей медицинской плантации. Лада пошла дальше. Побывав в Экспоцентре, она пообещала организаторам бесплатную газетную рекламу их выставок в обмен на список участников. В руках ее оказалась сокровище. Ничего не стоило обзвонить их всех одиночку, она же раздала в агентстве всем поровну. Успех ошеломил «Каскад»! За несколько дней собрали статей, фотографий, прямоугольничков на три полных газетных разворота, где фирмы-участники рассказывали москвичам о себе и приглашали к своему стенду. Постаралась и газета. На страницах появился цвет, украшения, солидная тематическая врезка о проблемах каждого направления. В Экспоцентр на Красной Пресне хлынули посетители.

— Господа! — Валентина открыла очередную оперативку с букетом цветов в руках, фруктами, тортами и шампанским на

столе. — Сегодня мы чествуем нашу героиню. Лада, подойди ко мне.

Раздались аплодисменты. Лада вышла, смущенно улыбаясь. Валентина поднялась навстречу.

— Дорогая Лада! Разреши поблагодарить тебя за вклад в процветание нашего агентства, подарить этот скромный букет и вручить денежную премию.

Они обнялись и расцеловались. Конвертик с пятьюстами долларами упал в сумочку Лады. Хлопнула пробка, маленький фуршет на рабочем месте приятно завершил трудовую неделю.

Сказать по правде, премия была весьма скромной. За эти дни Агентство получило несоизмеримо больший доход. Лада и сама заработала столько, что подумывала о том, не оставить ли рекламу ради подготовки к конкурсу. Но бизнес ревнив, он затягивает азартом удачи и охоты. После шести часов музыкальных занятий она снова звонила клиентам, ясная, веселая, легкая и беседовала, как с друзьями, лаская их своим настроением. Приглашения сыпались, как из рога изобилия.

Между тем показалась и обратная сторона удачи. После первых публикаций чиновники в Экспоцентре схватились за голову, увидев, на каких богатствах они сидят, и прикрыли лавочку: хотите разбогатеть — платите, утром — деньги, вечером — списки участников. Но было уже поздно. Годовой план показов не скроешь, он, как афиша, напечатан аршинными буквами на щите близ входа. Существуют в Москве и другие выставочные залы: Манеж, Сокольники, ВДНХ. Выбрав самые выгодные по всей Москве, Лада повесила в агентстве помесичный план до Нового Года. «Каскад» вернулся к обзвону по справочникам и собственным данным, но в узком тематическом пространстве.

И тогда...

— Валентина Сергеевна, — деловая и сердитая, Екатерина Дмитриевна переступила порог кабинета вместе с девочкой из последнего набора. — У нас ЧП. Сонечка договорилась с клиентом о сделке, а когда приехала на фирму, там уже побывал Юра и все подписал на свое имя. В чем дело?

Услышав свое имя, в дверях показался Юра.

— При чем тут я? — загудел он. — Еще на той неделе я беседовал с их президентом, а сегодня только съездил оформить бланк и все.

Валентина посмотрела на обоих.

— А ты с кем имела дело? — спросила у новенькой.

— С генеральным директором. Он отвечает за выставку, а не президент. Это моя сделка.

— Все они заинтересованы в успехе, — отвечала Валентина. — Итак, Екатерина Дмитриевна, теперь к пересечениям надо привыкать.

— Пусть Юра поделится с Сонечкой, — встала опекунша на защиту ее и своих процентов.

Все замолчали, ожидая решения.

— Нет, — качнула Валентина пушистой прической, — этак все передерутся. Кто-то звонил менеджеру, кто-то секретарю... Договор остается именовым. Кто смел, тот и съел.

Случились осечки и у Лады. Одна, другая... Когда в третий раз ее обошла все та же Шурочка, Лада тихонько поделилась с Агнесой. Та нисколько не удивилась.

— Ты сама виновата.

— Я?

— Не объявляй во всеуслышанье размер скидки и не оставляй свои записки на столе, когда выходишь. Ничего же не стоит соблазнить фирму лишними процентами скидки.

— Ты считаешь, что она...

— Ничего не считаю, — без выражения посмотрела Агнеса, — мы говорили о простой предосторожности.

А Шурочка надулась. Швырк, швырк, — перебрасывали ее руки справочники на полке, грох, грох, — постукивали на подоконниках цветочные горшки. Наконец, скандал между нею и Ладой разразился. На сей раз произошло нечаянное пересечение в Институте кардиологии, который заказал Ладе выставочную «хваленку» на полстраницы. Шурочка опоздала всего на один день.

Чернее тучи появилась она в агентстве. Уперев руки в боки, остановилась возле обидчицы.

— Ты заключила договор с ИКом?

— А что? — Лада спокойно выпрямилась и откинула голову.

Она давно расплатилась с той за ее благодеяние и прекратила обслуживать ее мелкие договора, что не могло не испортить Шурочкиного настроения в отношении Лады.

— А то, что ты украла мою фирму.

— Знаешь, Шура, выбирай слова, а еще лучше — извинись, — негромко и твердо произнесла Лада.

— Ах ты, тихоня...

На этот возглас, почуяв неладное, из кабинета выскочила Валентина.

— Что происходит, Шура?!

Она едва успела. Шурочка уже вся подобралась, похожая на сибирскую рысь перед прыжком. Промедли Валентина один миг, не миновать красотке Ладе отметин ее острых крашеных ногтей.

— Она украла мою фирму! — закричала Шура.

— Зайдите ко мне обе.

Все расселись в кабинете. Не зная, с чего начать, а надо было срочно заболтать и охладить Шурочку, Валентина кинула взгляд на уже оплаченный налом договор с ИКом.

— Ты когда на них вышла, Шура? — спросила она. — У тебя там знакомые? Где он находится, этот институт? На какой объем вы договорились?

— Мне назначено было на сегодня, к замдиректора. Они хотели взять целую четверть, — с негодованием заговорила та, гордясь большим объемом.

Лада удержалась от победной улыбки.

— Ах, четверть? — с облегчением ухватила Валентина. — Тогда ты права. Лада полстраницы принесла, вот смотри. Подписано директором и уже оплачено. И скидка умеренная. А у тебя в последнее время скидки несусветные. Так что для агентства твой договор был бы убыточен. Поняла?

В те же дни на счета «Каскада» в Концепт-банк поступили странные деньги. Неизвестный благотворитель жертвовал агентству крупную сумму на «Процветание рекламного искусства». Попытки Валентины раскрыть инкогнито мецената остались безуспешными. Кто он? Что за чудачества? Она уже махнула рукой,

когда однажды в рассветных полуснах-полудремах, сквозь которые улыбается истина, проплыла смутная догадка об этих днягах. Не те ли? Валентина с усмешкой прогнала ее, как нелепость. Так не бывает. Не то время, чтобы заботиться об очищении души.

В Большом зале Консерватории пели дети. Шел весенний праздник хоровых коллективов, к которому весь год готовились сами певцы, их наставники и родители. В этот раз в Московском Фестивале участвовали хор мальчиков из Лейпцига, смешанные коллективы из Прибалтики, из Санкт-Петербурга, Москвы, в качестве находки последних лет необычное прозрачное пение приехало из Перми.

Зал был полон.

В детстве мама водила Ладу на все лучшие концерты. Сколько музыкальных событий помнил этот зал с органом, овальными портретами великих музыкантов, с барельефом Николая Рубинштейна над сценой! Какие люди выступали здесь! Мама заранее брала места партере, в середине седьмого ряда, потому что здесь лучшая акустика. Они нашли это сами, пробуя разные точки. У них в музыкальной школе тоже был свой хор, и на подобные смотры им тоже покупали билеты, но в бельэтаж, а там звук отражается от стены и рассыпается в мелкие волны; для Лады лучше было слушать на балконе. Одной, без всех.

Вот и сейчас она сидела на балконе в первом ряду. Внизу на сцене на подставленных скамейках стояли девочки и мальчики, в синих платьях и костюмах с белыми воротниками, похожими на матросские, а перед ними, спиной к залу, легко и порывисто водил руками их учитель, седой подвижный человек, влюбленный в детей и в хоровое пение. Это было видно.

В фиалковом платье в мелкую крапинку, с белой шелковой розой у выреза на груди, Лада слушала пение, откинувшись на неудобную плоскую спинку, полная нежности к детям, их голосам, к залу, в котором выросла и была бездонно счастлива и несчастна. Заметила ли она молодого человека, опустившегося на голубой бархат в ее ряду? Тотчас же. И слегка сменила осанку,

чуть-чуть склонила головку, опустила на барьер руку, так, чтобы видны были тонкие пальцы с сапфировым перстеньком.

— Извините, — послышался его полусшепот, — разрешите взглянуть на программку? Я опоздал.

Она мягко протянула листок, улыбнулась, не уголками губ, ни-ни, но вежливо и отстраненно. Он был в светло-синей летной форме, с короткой, зачесанной набок стрижкой. У...у него были усы. Сердечко дрогнуло, прежнее смятение готово было затопить его, но тут молодой человек тихо произнес.

— Мой друг просил поддержать его сестренку, солистку хора в «Аве Мария» Шуберта, вот здесь, седьмая строчка. Еще не исполняли?

Лада поникла. «Не сестренку, а дочку, говорил бы прямо. Значит, и сам женат. Пусть. Зато не страшно».

— Нет, что вы, еще не скоро. Сейчас поют «Дорожную песню» Глинки. Третья строчка.

Она вновь откинулась и ласково взглянула на соседа.

Тот застегнул китель.

— Разрешите представиться... Игорь, — назвал себя, блеснув улыбкой.

— Лада. Очень приятно.

— Вы в одиночестве? Я тоже. Вы поете?

— Сейчас нет.

— А раньше?

— В музыкальной школе, в хоре.

На них сердито зашикали. Среди публики были сестры, братья, одноклассники и родители выступающих юных дарований, которые, конечно, родители, не могли стерпеть подобного неуважения.

«Сестренка», полная девочка лет двенадцати, пела «Аве Мария», как поют только дети, возвышенно и чисто, с полной певучей верой. Хор чутко вторил. Выше, выше неслись их голоса... Вытирая слезы, им тепло хлопали растроганные зрители.

На этом первое отделение окончилось.

В перерыве по мраморной лестнице вниз, в вестибюль хлынул резвый быстроногий поток. Там среди белых колонн развернулся буфет, стойка и столики с цветными пластмассовыми

стульями. Радостная толпа в бальных платьицах, камзольчиках с золотыми пуговицами закипела вокруг.

— Перекусить не возражаете? — просто сказал он, взяв ее за руку и сбегая по лестнице в самый водоворот у буфета.

— С удовольствием, — беззаботно ответила она.

Она уже отметила его прекрасный рост, ореховый отлив волос, а главное, усы и белозубую мужественную улыбку. Подразумеваемая «жена» спасла от первого, всегда провального, смятения, Ладе было легко с новым знакомым. Они посмотрели друг на друга. Да, хорошо! Возвышаясь, словно два острова над бурлением голов, они стояли в очереди, разговаривали, смеялись, смотрели в глаза.

— Я заплачу за себя, — она протянула буфетчице деньги.

Его брови взлетели, он отвел было ее руку, но тут его окликнули. Мужчина постарше, простоватый, широкий, пробирался к ним с девочкой-солисткой.

— А вот и мы! Уже взяли? Я добавлю.

Мужчины подхватили тарелочки с пирожными, воду, стаканчики и заставили ими весь столик в отдалении за колонной. Лада осталась на месте. А ей как быть? Уловив ее растерянность, Игорь по-военному щелкнул каблуками.

— Разрешите пригласить вас на маленькое торжество, посвященное выступлению нашей Соловушки, — он под локоток подвел ее к столу. — Знакомьтесь. Танюшка, наша певунья, и ее брат Николай, мой друг с детства. Мы с ним, как говорится, из одной ватаги, хотя он родился во Франции и вступил в дворовое братство чуть позже. Верно, Коля? А это Лада. Прошу любить и жаловать.

Николай осторожно пожал ее руку и улыбнулся.

— Рад с вами познакомиться.

Улыбка у него была мягкая, чуть застенчивая, неожиданная для такого крепыша. Лада посмотрела на девочку. Между братом и сестрой была чуть ли не тройная разница в возрасте, но они были очень похожи друг на друга.

— Вы замечательно пели, Таня! — с уважением сказала ей Лада.

Та по-детски вспыхнула от похвалы.

— Спасибо. Я так волновалась! Вам понравилось, да?

— Очень понравилось! Особенно верхнее «а-а-а» при низком и тихом звучании хора «о-о-о».

— Вы тоже заметили, да? Ах, как мне нравится это «а-а-а» при низком «о-о-о». Вы музыкант?

— Лада окончила музыкальную школу, — сказал Игорь.

— А я учусь в Хоровой Капелле.

— Прекрасное образование для девушки, — снисходительно потрепал ее по щеке Игорь.

Во втором отделении программа усложнилась. Гимны, молитвы, древнерусские распевы наполнили зал, от чистого детского пения вновь взлетела душа. Лада прикрыла глаза... но рядом сидел Игорь, и неизвестно, нравилось ли ему это.

Наконец, все окончилось. В округлый нижний вестибюль вышли вчетвером. Дети топали и хлопали, чтобы услышать крепкое, как орешек, троекратное эхо от куполовидного потолка. Ладе вспомнились такие же шалости в ее детстве.

— Приходите к нам, Лада! Давайте с вами ходить на концерты, — попросила ее Танюшка.

— На вокал? — улыбнулась Лада.

— На все. Коля опять уедет в Швейцарию, а маме некогда, она болеет. Пойдемте на органнйй вечер, вон написано.

Лада посмотрела на афишу.

— Исполнитель Гарри Гродберг. Замечательный концерт.

— Извините ее, Лада, — Николай легонько коснулся ее плеча. — Вы понравились моей сестренке, она очень непосредственна. До свидания.

Они уехали на машине. Лада с Игорем медленно шли по Большой Никитской.

— Вы не спешите? — спросил он.

Она качнула головой.

— Нет.

— Хороший был концерт. Вы часто бываете в Консерватории?

— Раньше бывала чаще, теперь некогда, — она улыбнулась, не прибавив ничего большего.

— А я вообще в первый раз. Вы учитесь, Лада?

— Я работаю.

Он понимающе кивнул.

«Он решил, что я секретарша»- подумалось ей. И стала спрашивать сама.

— А вы летчик? Летаете?

— Летаю. Я летчик-испытатель. Показываю истребитель СУ на авиасалонах.

Лада поставила ладонь вверх пальцами.

— «Кобра»?

— «Кобра». Очень тронут.

— Страшно?

— Лучше сказать — ответственно. Сверхзвуковой истребитель, самолет двадцать первого века... Не до страха.

— А где происходят эти... выставки?

— За рубежом. В мае будут в Арабских эмиратах, в Дубаи, потом в Ла Бурже под Парижем, а в конце лета, как обычно, у нас в Жуковском. Бывала на МАКСе? — после «секретарши» он перешел на *ты*.

— Никогда. Что это?

— Международный авиа-космический салон. Я тебя привезу, увидишь, как мы летаем. Там летное поле, как море, а вокруг леса, леса, леса. Мы там с ребятами шашлыками увлекаемся, угостишься. — Он полуобнял ее за плечи и заглянул в лицо.

Она молчала.

Свежий апрельский вечер приятно дул в лицо. На светлом, уже вечернем небе четко вырисовывались крыши домов. Горели фонари. Прохожих на тротуаре было мало, их почти не обгоняли. Улица свернула к центру. Открылся вид на Кремль, на жаркие рубиновые звезды, спорящие с ясной свежей зарей.

Они вышли к Манежу.

Сколько споров было накануне строительства Манежного городка! Кошунством казалось и само вторжение в исторические пределы московского центра, под серые стены Кремля, в археологические глубины первых посадских селений, и само строительство заглубленного многоэтажного торгового сооружения, прикрытого нарядными дорожками для приятных пеших прогулок. Сколько сломано копий! С каким ехидством ждали посвя-

щенные в эти распри открытия нового центра! И что же? С первого же дня московский молодой народ спокойно присвоил подарок, принял как должное его затейливость, чистоту и заботу, и зарубил себе на носу, что в самом центре столицы появилось по-человечески доброе место, где история и современность заключили союз ради него, обычного москвича.

Молодые люди перешли поверху у светофора, вступили в сказочный городок Манежной площади. Фонтаны еще не били, но хвойные кусты уже зеленели, свободные от зимних мешковин и рогожек. По игривым полувосточным переходам, лестницам и балконам, по фонарикам, вмурованным в ступеньки, они стали ходить, говорить, взявшись за руки.

Сделав усилие, Лада тоже перешла на *ты*.

— То, что ты делаешь, не опасно? — ей хотелось слышать его, а ему всегда было что рассказать о своей необыкновенной жизни. Он был так красив, оживлен, он занимался самым удивительным делом на земле, и он был настоящим ассом, тот, кто шел сейчас рядом с нею!

— Всякое бывает. Летчик-испытатель знает, на что идет. Сейчас мы доводим до ума новую машину, единственную и лучшую в мире. Ее пока никто не видел, даже в Дубаи я полечу на другой, предыдущей серии. Ты знаешь, что такое технический шпионаж? Ты себе не представляешь! Глаз да глаз. Поэтому лишь в Ла Бурже я подыму в воздух свою ласточку. Такого изобретителя не будет еще лет двадцать, и я счастлив начинать с нуля... — он приостановился. — Тебе не скучно? Прерви меня, когда надоест, я больше ни о чем не умею говорить.

Они подошли к метро Охотный ряд. Лада смущенно посмотрела ему в лицо.

— Мне пора. Но в метро я поеду одна.

Он кивнул.

— Как тебе звонить? Это служебный? Я нечасто бываю в Москве, занят под завязку, но... что-нибудь придумаем. До свидания, — он прикоснулся губами к ее лицу и не сразу отпустил руку. — Ты потрясающе привлекательная девчонка. Пока.

Легкая от счастья, переживая этот поцелуй, она ехала к себе на Преображенскую площадь. Ах, какой он, Игорь! «Ты по-

трясающе привлекательная девчонка...» — за такие слова ничего не жалко. «Подыму в воздух свою ласточку...» Неужели пришло счастье? ...И все-таки напоследок она струсила, побоялась ехать с ним, таким необыкновенным, в вагонной суете подземки. И вдруг бы он захотел проводить ее? Как прощаться? Возле дома, или в подъезде, или пригласить домой?

Телефон зазвонил в одиннадцать часов. Трубку подняла Шурочка.

— Ладу? Она на переговорах, — заученно ответила она, — оставьте свой телефон и название фирмы.

— Это не фирма. Это истребитель, — ответил веселый молодой голос, серебристый, словно военная труба.

— Очень приятно, господин Истребитель, — вступила в игру Шурочка. — И кого же вы истребляете? Не нас ли, бедных женщин?

— Никогда! — воскликнул Игорь. — Мы женщин на крыльях носим. Когда подойдет Лада?

— К обеду. Дотерпите?

— Придется. А вы кто?

— А я... лучшая подруга. Давно вы познакомились?

— Можно сказать, вчера.

— Наконец-то.

— Не понял?

— Очень рада, что Лада, наконец-то, познакомилась с мужчиной.

— Она такая скромная?

— Она... тихий омут.

— А вы?

— При чем тут я? Вы же не мне звоните.

— У вас много знакомых мужчин?

— Может быть.

— А как вас зовут?

В эту минуту в комнату вошла Лада.

— Вот и она, — сменила голос Шурочка. — Тебя.

Лада подошла к столу.

— Алло!
 — Привет!
 — Ой, здравствуй! — ее голос сел от робости.
 — Ну почему «ой»? — недовольно заметил он. — Встретимся?

— Когда?
 — Сегодня, в пять. Ты свободна?
 — Да. Где?
 — У «ноги».
 — Где, где?
 — У памятника Маяковскому.
 — А, — она улыбнулась. — Хорошо. Буду ждать.

«Буду ждать...» - насмешливо фыркнула про себя Шурочка.

В половине пятого Лада сбежала по лестнице в переулок, и помчалась к метро. «Скорее, скорее. Сейчас увижу его. О, неужели? Сейчас? Скорее, поезд, скорее...»

Игорь стоял у парапета посреди Триумфальной площади, красивый, как бог, в джинсах, светлой куртке, с сумкой через плечо, уже загорелый, мужественный, с усами. Неужели он ждет ее? Как можно быть такой счастливой?

Ступая как по облакам, она пересекла площадь, едва удерживаясь от бега. Он обнял ее, окружил над землей, хотел поцеловать. Она уклонилась.

— От тебя парным молоком пахнет, — засмеялся Игорь. — Как дела? Куда пойдём?

— Куда-нибудь.
 — По Тверской?
 — Давай.

Они перебежали через площадь к серым колоннам Филармонии, свернули левой, пошли вдоль витрин. В спину светили косые лучи солнца, задувал ветер, юбка ее вздувалась куполом, приходилось гасить ее руками.

— «Кажется, дождь собирается»- сказал он, посмотрев на небо. — Целая гроза. Первая в этом году, в честь нашей встречи.

— Ты летаешь в грозу? — малодушно подольстилась она.

— Иногда приходится, — клюнул на приманку он. — Мы проходим тучи насквозь вверх, а там никогда не бывает гроз...

Держась за руки, болтая ни о чем, они пошли мимо витрин, магазинов, театра, Английского клуба. «Решил, взлетел, позвонил»... твердые мужские окончания глаголов в его словах кружили ей голову, а его усы... ах, лучше не смотреть! Она и сама что-то говорила, вспыхивала румянцем, ветер трепал ее тонкие волосы, схваченные в один светлый локон до плеч. Невозможно, чтобы это происходило с нею, такое счастье...

— Ты ведь с работы? Зайдем, перекусим, — он открыл дверь маленького бистро.

Они взяли пирожков с грибами, грибной навар, чай и большую конфету. И вновь стояли, глядя в глаза друг друга.

— Ты что делаешь на праздники? — спросил Игорь.

— Ничего особенного. А что? — она отвела дни майского отдыха для плотной подготовки к конкурсу.

— Поедем к нам в Жуковский, а? На моей машине. У нас леса, раздолье. Шашлычков отведаешь. Самолет свой покажу. Поехали?

Она молчала. Нет, она не подумала ни о чем таком, она просто вздрогнула изнутри.

— Я тебя доставлю туда и обратно. А, Лада? Ты мне доверяешь?

— Да.

— В чем же дело?

Она молчала. Она замерла в душе, как кролик перед удавом. Вот и все, надо решать, почему-то иначе нельзя.

— Ладно, потом поговорим, — он взял ее за руку, как ребенка.

Выйдя, они чуть не попали под дождь, успели нырнуть в переход, пробежать мимо памятника Пушкину к кинотеатру. Игорь взял два билета на уже начавшийся сеанс. На последнем ряду нашлись свободные два места. Он снова привлек ее к себе. Она отстранилась. Он испытующе посмотрел на нее в сквозящей темноте кинозала.

— Скажи, Лада... ты скромная или хитрая? Тихий омут?

— Не знаю, — сердечко ее упало.

«Я чего-то не умею, ему неинтересно со мной, сейчас он поймет, что впервые наедине с таким богатырем, богом...» - ей хотелось убежать.

— Пойдем на улицу, я не хочу в кино, — она метнулась прочь.

Они поднялись, пробрались в темноте к зеленым буквам Exit и покинули зал. Весенняя гроза только что отгремела, еще слышалось прощальное рокотание грозовых туч. В воздухе стоял свежий запах молнии, вниз по Тверской бежали бурные ручьи. «Жаль, — подсадовал Игорь, — не видел дождя, хлестких порывистых струй»... Он с интересом посматривал на свою спутницу. Странно. Полнейшее впечатление неопытности у такой красивой девушки... Что за дела? Он дотронулся языком до усов, покусал их зубами. Ладно, посмотрим.

— Я хочу вернуться к своему предложению, — сказал он. — Едем вчетвером. Ты приглашаешь лучшую подругу, а я — Николая. У тебя есть подруга?

— Да.

— Как ее зовут?

— Агнесса.

— Очень красивое имя, — быстро сказал он. — Поговори с ней. Оттянемся на природе, по шашлыкам приколемся. Договорились?

— Я попробую.

Они расстались у Охотного ряда так же, как в прошлый раз.

Незадолго до майских праздников в агентстве появился Виктор, осунувшийся и не очень смелый, как человек, побывавший в крупной переделке.

— О, Витя, Витя! — загудел Юра гулким басом. — Что, деньги кончились?

— Какие деньги? — вздрогнул тот.

— Да те, со страницы, — Юра смешался, глянул зорко и прибавил с радушностью в голосе. — Непросто быть мудрецом-директором театра? Не унывай, все бывает. Садись, поправляй

свои дела, у нас Лада такую штуку выдумала, все сыты и счастливы.

С кривоватой улыбкой Виктор уселся за стол во второй комнате, потому что его прежнее место было занято под второй компьютер и лазерный сканер. Здесь тоже ощущался общий вихрь делового творчества, было много молодежи, кто-то принес договор и разбирался с Екатериной Дмитриевной, кто-то отправлялся на встречу и отмахивался от напутствий «К черту, к черту», другие ворковали в телефонную трубку, шутили, пили чай, не обращая на него внимания. Новички по прежнему набегали волнами, и либо исчезали через неделю-другую, либо начинали зарабатывать, наливались уверенностью и занимали свое место среди равных. Лицо Виктора было многим знакомо, но не настолько, чтобы отвлечься ради него от прекрасного занятия на благо самоутверждения, обогащения, завоевания своего места под солнцем.

Он совсем пал духом. Все присутствующие внезапно показались ему умными и прекрасными, далеко обставившими его по жизненной и деловой стезе. Какие-то выставки, тематические страницы...

Разложив старые записи, Виктор набрал на пробу два-три телефонных номера и положил трубку. Тошнотворным приступом поднялось отвращение. Поднявшись, он вышел в коридор, сбежал по лестнице на первый этаж. В темной переговорной, не зажигая света, опустился на диван.

«Что делать? Что мне делать? В одну и ту же реку нельзя войти дважды не только потому, что она другая, но потому что и ты другой. Все поменялось, внутри и снаружи. Нужен ход. Думай, Витька, думай. В последний раз».

В это время наверху в первой комнате собрались, как на подбор, все ее сотрудники. Юра соблазнял по телефону очередную секретаршу очередного шефа, удивляясь ее непонятливости.

— Выставка! Святое дело! — говорил он. — Как можно не пригласить москвичей к своему стенду! Директора должно заинтересовать такое предложение. Сейчас освободится? Я подожду на телефоне...

Возле Шурочки сидел на стуле благообразный господин, желающий разместить сообщение о чудодейственном амулете, который он выпиливал из сибирского кедра и который, по его уверениям, достаточно было прилепить к любой части тела, нуждающейся в лечении, как она исцелялась. Ни лицензии, ни патента, ни медицинского заключения у него не было. Шурочка подбирала уклончивые слова для отказа, зная, как больно его принимать.

«Вот, — думалось ей, — и наступила пора, когда клиент сам просит принять у него деньги...»

Лада наклонилась к Агнессе.

— У тебя есть минутка для меня? Поговорим?

Они вышли в коридор, спустились по лестнице. В переговорной комнате было пусто, но пахло табаком, дым еще не рассеялся. Лада включила вентилятор.

— Агнесса, ты очень занята на праздниках?

— Данюшку увезут на дачу, и я буду шить. Выставка на носу. Да подруги-друзья придут на вечерок. А что?

— И мне заниматься надо. Конкурс уже объявлен, — неуверенно сказала Лада. — Но без отдыха тоже нельзя.

— Что случилось, Солнышко, что ты мнешься?

Лада решилаь.

— Игорь приглашает нас с тобой отдохнуть на природе. Отвезет и привезет на своей машине, он знает красивые места. Ты, я, он и Николай, его друг.

Агнесса помолчала, потом поднялась и прошла туда-сюда, по три шага от низкого журнального столика до двери и обратно.

— Спасибо за приглашение, он очень внимателен, твой Игорь. А кто этот друг? Ты его знаешь?

— Это Николай. Его сестра поет в хоре.

— А, это она... Своя семья у него есть?

— Сейчас нет. Его жена и дочь погибли в Египте от террористов. Помнишь, расстрел автобуса...

Агнесса поежилась

— Ужас! Как это пережить?

Они помолчали.

— Так вот, — начала Лада, — Игорь говорит, что...

— Расскажи про Николая. Неспроста же такое приглашение. Кто он? Тоже летает?

— Что ты! Он дипломат. В Швейцарии. Родился во Франции...

— Обо мне ему что-нибудь известно?

— Самое общее.

— Я тебе доверяю.

Лада перевела дух, прижала к груди руки.

— Агнесса, поверь, он тебе понравится. Сердце мое чувствует, не знаю. Он простой, умный, он книгу пишет.

— Я подумаю. Через два дня не поздно?

И Агнесса, действительно, взялась думать. С одной стороны, почему бы не поехать, не отдохнуть в хорошем месте с хорошими людьми? Просто так. Присутствие Лады и то, что она рассказывает — порука за приличное общество. Но там будет Николай... Уже не просто так. Подобные затеи редко удаются как раз потому, что оба участника слишком настойчиво ищут друг друга, а встречи, как и браки, совершаются все-таки на небесах. Душа права, отвергая «дальнобойные» расчеты. Но, может быть, Лада, умница-девочка, и есть та вестница? Неисповедимы пути провидения. Это с другой стороны. А третье, пятое, десятое — лень, лень, лень. Не хочется вылезать из обжитой ракушки, ввергать себя в новые хлопоты, напрягаться, переживать, когда можно собрать добрых друзей, попить чайку, а потом дошить оба нарядных сарафана к международной выставке.

Тридцатого апреля она известила Ладу о своем согласии. Та возликовала, захлопала в ладоши, потом деловито заговорила о самом важном.

— Ты в чем поедешь, в брюках?

— Конечно.

— Купальник брать? А зонтик?

— Ох, Лада. Нет и нет. А вот сыр, зелень, соль и мелкие сладости захватить непременно. И хлеб, соус, майонез. И картонную посуду.

Второго мая в половине девятого они встретились в центре зала метро Теплый стан.

— Они наверху, — замирая, сообщила Лада. — Пойдем скорее.

— Не спеши.

— А вдруг опоздаем?

Агнесса приостановилась.

— Возьми себя в руки, девочка, дыши ровнее. Ты слишком жертвенна и простодушна, а в нашем несовершенном мире мужчина — это завоеватель, ему нужны одоления и победы. Будь прохладнее, не прилипай так сразу.

«Они» ожидали. Двое мужчин стояли метрах в семи от выхода, один моложе, спортивнее, с усиками (Игорь, — определила Агнесса.), другой плотнее, с крупной головой, в темных очках.

— Счастлив познакомиться с лучшей подругой Лады, — поклонился Игорь. — Подруга моей подруги — моя подруга.

Агнесса подняла брови.

— Это слишком почетно. Мы с Ладой всего лишь... лучшие сотрудницы, правда, Лада?

Игорь, чуть смутившись, представил Николая. Тот снял очки. Его теплый взгляд встретился с ее лучащимся.

— Очень рад, — он пожал ее ладонь. — Приятно начинать поездку в прекрасном обществе.

— Вы очень любезны.

Серый «вольво» принял пассажиров в плюшевый уют салона. Все почувствовали себя проще. Лада села впереди, к Игорю, Агнесса и Николай разместились сзади, словно в отдельном купе, среди сумок и пакетов, возле гитары, лежащей на крайнем сидении слева.

— Поехали? — оглянулся Игорь.

— Вперед, — негромко сказал Николай.

Машина выехала за кольцевую автодорогу, помчалась по шоссе. Потянулись пригородные хозяйства, огороды, перелески. «Весна зелени и цветов» еще не подошла в полной мере, прозрачные, в первом зеленому пуху, замелькали леса, и покатые поля, тоже еще темные, с пятнами прозелени, и круглые озерки, смотрящие в небо синим взором. По низинкам стелилась и туманилась утренняя голубая дымка, но день обещал быть ясным, без единого облачка, как бывает только в мае. В машине вихрился

свежий ветерок, широкий свет плескался вокруг на радость городскому глазу, утомленному отвесной узостью улиц и переулков. Вдоль дороги велась оживленная торговля. Яблоки, горячая картошка, квашеная капуста, огурчики, пироги, пряники, даже кипящий самовар с чаем или кофе — все несли на обочину. Тут же промышляли мальчишки-мойщики с ведрами и губками.

«Где-то в этом направлении должна быть моя Тарасовка» — припомнила Агнесса. Зимняя неудача принесла весной богатый успех, в агентство подъехал сам краснолицый прораб с заказом на рекламную кампанию в пяти газетах и четырех цветных журналах, над медиа-планом которой Агнесе пришлось посидеть за компьютером не один час, зато отдача от публикаций была отменно хороша, весь поселок распродали в течение месяца. Простил ей и подземный гараж. Их рекламка промелькнула трижды в городской газете и тоже вызвала хороший отклик, если судить о купленных боксах для содержания личных автомашин. Бизнес не для обидчивых.

Знакомая со всеми, Лада взялась поддерживать общую беседу.

— Мы едем в Жуковский? — спросила она.

— Нет, в тульском направлении. Коля покажет нам место на Десне, куда он сам приходил на яхте.

— Какое имя у вашей яхты? — повернулась Агнесса.

— «Улыбка». Эй, там, на «Улыбке»! — с удовольствием ответил он и чуть осекся, переморгнул ресницами, словно вспомнил что-то.

— А где она сейчас?

— На хранении в хороших руках. У друга на Селигере.

— А когда открывается твоя выставка, Агнесса? — спросила Лада.

— Двадцать седьмого мая.

— Вы рисуете? — посмотрел Николай.

— Я шью. Мечтания на народные темы: сарафаны, рубахи, паневы.

Лада не согласилась с нею.

— Не слушайте ее, она скромничает. Это настоящие произведения с кружевами, бисером, жемчугом, даже с золотым шитьем. Они в музеях стоят наравне с подлинниками.

Ответственная «за общее впечатление», Лада смело расхваливала подругу, чувствуя, что эти люди подходят и нравятся друг другу. Она не ошибалась. Николай оказался из тех мужчин, к которым Агнесса ощущала врожденное доверие. Это был *ее* мужчина, с его основательным сложением, простым добрым лицом, несомненной интеллигентностью.

— Тарасовка, — прочитала Лада голубой указатель.

Агнесса всмотрелась. Да вон же он, ее поселок, но с другой стороны, на фоне леса, с длинной дорогой через поле от шоссе. Все коттеджи были закончены, на крышах блестела цветная черепица, но боже, что за нелепая архитектура! Для этих «новых русских» строят мечту дикаря, среднее между шалашом и трехэтажной избой!

Они проехали несколько указателей.

— Молоток и гаечный ключ на табличке — это ремонт? — догадалась Лада.

— Верно, клянусь небом, — снисходительно улыбнулся Игорь, — а ложка и вилка — ужин на двоих при свечах и с музыкой. Все вместе это называется «дорожные знаки». Сечешь?

Наконец, съехали на грунтовую дорогу, помчались полями, плавными спокойными холмами, миновали селения, амбары, округлые металлические хранилища, оставили позади не один кирпичный внеархитектурный особняк. Все в машине уже освоились друг с другом, хотя обращение на «вы» отменено не было. Игорь свернул в лес, сосновый, частый, поехал по ухабам, по длинным грязным лужам, словно и не жалко было дорогой иностранки. Покачиваясь и чуть не застревая в заброшенной, но глубокой колее, они свернули к близкому просвету, выехали на плоскую сухую поляну и остановились в пяти метрах от обрыва.

Мотор заглох. Четыре дверцы растворились одновременно.

Первое, что поразило всех, — густой хвойный воздух. Запах хвои был столь крепок, что казался чем-то самостоятельным в этом лесу. Теплыми лучами солнца были прогреты и высокие зеленые кроны, и серый подрост, еще не распустивший листочки,

и земля, усыпанная иглами и мелким валежником. С обрыва далеко-далеко открывался низкий берег с дальними холмами, голубыми и синими в дымке, казалось, сама земля показывала им покатые просторы. Под обрывом блестела река.

— Какое место! А воздух! А вид с обрыва! Чье это старое кострище на поляне, не ваше ли? — женщины были в восхищении.

— Коля показал мне эту поляну, когда еще ходил на своей «Улыбке». Года четыре тому, а, Николай?

— Пять.

Для начала решили насладиться первыми впечатлениями. Побродить вдоль реки, по лесу, снять, так сказать, сливки и собраться к машине уже вкусившими от местных щедрот. Мужчины поддержали дам при спуске с обрыва и все вместе, разговаривая ни о чем, пошли вдоль песчаной полосы.

Возле реки пахло еще богаче, тиной, мокрым деревом, горьковатой вонью ракушек. Полая вода еще не спала, разливом половодья сплошь затопило низкую пойму с обеих сторон, русло угадывалось по стремительности стрежня, несущимся под обрывом. Вдоль берега в беспорядке громоздились ежегодные жертвы весенней стихии — упавшие стволы, белые корявые корневища, островки желтой травянистой земли.

Постепенно Лада с Игорем ушли далеко вперед, обогнав своих спутников, свернули в излучину.

— Ну-ка, — Игорь наклонился и метнул по воде камешек. — Раз, два, три, четыре, пять... — камешек скакал по волнам, словно по асфальту.

Подыгрывая ему, Лада метнула тоже. Игорь засмеялся и увлек ее в сторону. Они оказались одни среди сосен и серых нераспустившихся зарослей орешника. Оглянувшись, он привлек ее к себе.

— Побудем вдвоем, вот здесь, у дерева. Тебе хорошо?

Она застыла. Он коснулся губами ее рта, жадно провел рукой по бедрам, по груди. Дыхание его сбилось.

— Не надо! — вскрикнула она.

— Ты уверена?

Она стала вырываться, раззадоривая его сопротивлением.

— Не играй со мной, давай по-хорошему. Мы же нравимся друг другу, Лада, в чем дело-то?

Вдруг он ощутил, что она дрожит, как лист, испуганно, откровенно, особенно колени. Кольцо его рук ослабло.

— Ты боишься? Я же ничего не делаю, — он удивленно отстранился и оперся о древесный ствол у нее над головой.

— Пусти, — задыхаясь, сказала она. — Я пойду.

Но он продолжал стоять перед нею, покусывая усы, мужественный, неотразимый до замирания сердца.

— Такая красивая девчонка и такая пугливая, — проговорил он с недоумением. — Не могу поверить. Ты что, ни с кем не дружила? У тебя был парень?

Она молчала, низко опустив голову. Теперь уже Игорь не знал, как себя вести. Осторожно поднял ее лицо, посмотрел в глаза.

— Скажи, Лада, девочка, скажи... ты невинна? Не бойся меня.

— Я... я чего-то не умею? — пролепетала она.

Он схватился за голову, повернулся вокруг себя и вдруг опустился перед нею, удерживаясь руками за ствол, к которому она прижималась.

— Если начистоту, то я впервые в таком положении. Я тебя пальцем не трону, если не хочешь, только скажи... я буду первым?

Лада совсем потерялась. Ей хотелось пропасть, спрятаться, исчезнуть, лишь бы не обсуждать с мужчиной свою «позорную» тайну. У нее кружилась голова, подрагивали колени.

Но Игорь не отступался.

— Одно только слово, — настаивал он. — Я буду первым?

Опустив голову в виде ответа, она разрыдалась безутешно, как дитя, с всхлипами и задыханиями. Он бережно привлек ее к себе. Достал платок, стал утирать слезы, нос.

— Где тебя хранили, бесценная моя?

... Агнесса и Николай прошлись песчаной кромкой вдоль одного изгиба к другому, потом повернули обратно к обрыву, месту общего сбора.

— О чем ваша книга, Николай?

— Ее еще нет, так, мысли, подборки. О русском присутствии в тайных депешах европейских дворов. Тема узкая, но полная самых отчаянных сведений. Так, в пятом веке ...впрочем, я, точно Игорь о самолетах, могу говорить об этом долго и нудно. Не пора ли позаботиться о костре? Баранина в винном укусе ждать не любит.

О костре уже позаботились, «в лесу раздавался топор дрово-сека». Игорь успел натаскать коряги с берега и теперь сноровисто рубил их на дрова. Лада таскала сухой лапник и охапки хвороста к бревну и пеньку, возле которых лежали пакеты и сумки с припасами. Трещи и постреливая, пылал жаркий огонь, искры кривыми зигзагами летели вверх к легким высоким кронам.

Игорь, любуясь, обвел руками пламя.

— Сколько же я костров разжег за свою жизнь, мама родная! — произнес он. — Еловые, сосновые, березовые, дубовые, даже вересковые и пальмовые, честное слово. У каждого свой жар, высота, дым, угли...

— Поэма огня, — ласковым обожанием посмотрела на него Лада.

— Ах, ты смеешься? А костер прогорает? Айда в лес по дрова.

Тем временем Николай подошел к машине и достал из багажника эмалированное ведро с мясом и складной табурет. Прочно уселся подальше от искр и дыма и принялся нанизывать мясо на шампуры. Агнесса в переднике и косынке резала овощи и зелень. Доску, кухонный нож, вместительную желтую миску она прихватила из дома. Они занимались каждый своим делом, переговариваясь вполголоса, как вдруг он спросил тем же голосом, глядя на нее.

— Скажите, Агнесса, вы пошли бы за меня замуж?

Мгновенно похолодев, она ответила учтиво и просто, не раздумывая ни мгновения.

— Я бы охотно составила свое и ваше счастье, Николай.

Он кивнул. И вновь занялся делом: кусок мяса, кружок лука, половинка баклажана, кусок мяса... Выждав, Агнесса направилась к берегу с пустой банкой в руках. Едва скрывшись за орешником, она кубарем, оступаясь и проехав на пятках по сыпучему

склону, скатилась с обрыва, прыгнула на валун, выглядывающий из потока на расстоянии длинного шага, ополоснула банку, протерла ее песком, еще раз ополоснула, набрала воды и оцепенела на камне с мокрыми красными руками. Пусть так. И хождение по острию, и молчание... При взгляде на стремнину и обратно берег, обрыв и сосны словно начинали плыть, покачиваясь, а ее опора становилась шаткой, неустойчивой... Пусть будет все, если иначе невозможно выйти друг к другу. Она слушала плеск волны у своих ног и вслушивалась в средоточие своей души. Пусть будет, что уготовано.

Ее ждали. Лада с Игорем празднично томились среди не разобранной снеди, Николай тоже, сидя на прежнем месте, раз-другой оглянулся в сторону реки, высматривая ее за кустами.

— А вот и я, — стройная, светлая, она подошла легким шагом. — Лада, заправь салат майонезом. Игорь, порежьте хлеба. Где мы сядем? Начнем пир, не дожидаясь мяса.

Это пришла хозяйка. На широкой клеенке разместились тарелочки с закуской, салат, свежая упругая зелень. Игорь с Ладой уселись на бревно, Агнесса на пенек, Николай придвинулся вместе с табуретом. По трем стаканам разлили красное вино. Игорь удовлетворился квасом. И среди обступивших сосен, в дуновении хвойного лесного дыхания, в доброте и простоте выпили, что налито, и приступили к еде.

— За весну, за знакомство, за счастье! Ах, вкусно! Кто готовил? Ай да Агнесса!

Костер прогорел, в малиновом жару зашипел сок барашка, вкусно запахло дымом и жареным мясом. Куски были щедрые, крупные, предстояло ожидание.

— Этому запаху молились еще наши первобытные предки, — Игорь сложил на груди руки и поклонился кострищу.

Все улыбнулись. Он направился к машине и вернулся с гитарой.

— Милая, спой нам, — положил ее у ног Лады. — Как тогда, помнишь, «а-а-а»... — и засмеялся.

Но чуткая Лада протянула гитару подруге.

— Пусть Агнесса споеет. Тот романс, помнишь?

Агнесса взяла гитару, настроила ее немножко и без затей взяла вступительный аккорд.

В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится,
Динь-динь-динь, динь-динь-динь,
Колокольчик звенит,
Этот звук, этот звон,
О любви говорит.

Невозможно было предположить, что ее пение так подействует на Николая. Он словно окаменел, устремив глаза перед собой. А она пела о весне, о встрече, о любви, расставании... На последнем серебряном переборе струн Николай поднялся и пошел, как деревянный, прямо, прямо... Игорь кинулся за ним.

Женщины переглянулись. «Нелегко»- показала лицом Лада. Агнесса в знак согласия наклонила голову. Потом поднялась и стала переворачивать шампуры, раздувать картонкой жар углей. Разрезала кусочек — готово? Готово.

— Шашлыки спели! Игорь, Коля, к столу!

И вновь началось объединение на вольном воздухе, под качание высоких сосен. Дали за рекой стали яснее и шире, день перевалил часа за три пополудни. На поляне лежали солнечные пятна. Вновь разлили вино, выпили.

— Ах, вкусно! Ай да Коля!

Потом поиграли в воланчик, сыто побродили между деревьями. В ямке нашли сугроб, серый, зернистый. Лада хотела было попрыгать на нем босиком, но Агнесса не разрешила.

— Ангиной давно не болела?

— Я только попрощаюсь со снегом до ноября.

Агнесса засмеялась.

— Лучше на угольках попрыгай. Слабó?

— На угольках слабó.

Потихоньку стали собираться, убирать за собой. Сожгли все пакеты, картонки, стаканчики, все до последней бумажки, словно бы никого и не было сегодня в этом прекрасном месте. Только хлебные крошки да косточки остались на видном месте. И довольные друг другом, разнеженные и разморенные едой и

свежим воздухом, опять уселись в мягкий сумрак «вольво». Ах, как хорошо можно жить!

Обратный путь показался короче, в Москву въехали в начале шестого. Первой, у Теплового Стана, вышла Агнесса.

— Это был чудесный день. Спасибо всем. Звоните.

Возле Новокузнецкой вышел Николай. Игорь и Лада остались вдвоем.

— Тебя подвезти? — спросил он.

— Ни-ни, ты устал, тебе еще ехать за тридевять земель.

Он потянулся к ней, близко-близко заглянул в глаза.

— Все-таки у меня не сходится. Я верю тебе, как себе, но... чего-то не хватает. Такая красавица... Ладно, не расстраивайся. Я должен сказать тебе одну вещь. Мы долго не увидимся, пятого мая я вылетаю в Дубаи на две недели.

Он наклонился к ее лицу, тихонечко пощекотал прикосновением усов.

— Береженная моя! — сдерживаясь, он взял пальцами за ее щеки, сделал губки-бутончик и легонько покусал их зубами. — Привыкай к настоящему мужчине, этот зверь любит ласку и таску. Что тебе подарить?

— Ничего, — счастливо улыбнулась она.

— Но я должен сделать тебе подарок. Что тебе привезти из сказочных стран Востока?

— Аленький цветочек.

— Сама ты аленький цветочек. Я буду думать о тебе, мне это помогает. Ты вообще помогаешь чем-то, Ладушка!

... Только в метро, в полупустом вагоне Агнесса позволила себе расслабиться. В закрытых глазах покачивались сосны. Весь день, каждая минута были с нею. В состоянии дум о Николае, без ясных мыслей, без слов, миновались все двенадцать остановок.

В доме стояла необычная тишина. Ребенка не было, все осталось так, как было утром. После душа она надела свежую ночную сорочку и легла в постель. Никаких дел, она будет думать о Встрече. День еще светился, продлевая себя в долгих сумерках.

Зазвонивший телефон объяснил ей, чего она ждала.

— Алло!

Трубка молчала. Агнесса улыбнулась.

— Я слушаю, — сказала задумчиво.

Раздались частые звонки. Улыбаясь, она обняла подушку и поцеловала ее.

Повторный звонок раздался минуты через две.

— Агнесса, это, конечно, я, Николай. Можем ли мы встретиться завтра?

Она помолчала, потом ответила так, чтобы в самом отказе сияла надежда.

— Мне надо работать, Николай, я пропустила целый день. А к вечеру соберутся друзья.

— Понимаю. Тогда четвертого. Это серьезно, Агнесса.

— Четвертого привезут ребенка.

— И прекрасно. Разрешите навестить вас, когда малыш будет дома? К трем часам?

— Жду вас.

... Лада доехала до дома не без приключений. На Красносельской в вагон вошел молодой, лучезарно-пьяный мужчина с широкой грудью в майке под расстегнутым пиджаком. Он был счастлив, но собственного счастья ему было мало, душа его просила вселенского братства. И он пошел по вагону, говоря об этом громким голосом, пожимая руки всем мужчинам в вагоне. Ему желалось чисто мужского союза, он шел, не пропуская никого. И никто не отказал ему. Улыбались, ухмылялись, вздергивали брови, плечи, а он благодарил, приветствовал, шутил, смеялся хорошо, вкусно, по-русски. Один пьяненький мужичок, полуспавший на крайнем сидении, воодушевился и никак не мог попасть своей рукой в его ладонь, и сам смеялся радостно, любовно. Пройдясь медведем по всему вагону, и о чем-то доверительно сообщив у дальней двери, мужчина вышел на следующей станции, в Сокольниках, вышел, как вывалился, косолапо, размашисто и нетвердо. Оживление стихло. Все вновь замкнулись, но уже знали, кто как может улыбаться, и вновь вошедшие отличались от них на целую улыбку. А всего-то — пьяное простодушие!

Мама напекла любимых пирогов с лимоном. Это было дорогое удовольствие, но, благодаря успехам дочери, позволительное. Родителям казался чудом и поворот в ее судьбе, и ее денеж-

ные удачи. Главный инженер ничего не понимал. У него на заводе рвались последние связи, останавливалось точнейшее производство, а девочка, его дочка, нашла способ и уцелеть, и угощать их пирогами!

Наскоро, чтобы не обидеть, Лада присела за стол, выпила чашку чаю, и убежала свою комнату.

Что-то, что-то... Игорь? Да. Но не только. Что-то иное. Она под села к пианино, стала перебирать пальцами клавиши, созвучия, неясные дальние соответствия. Удастся ли? Она сосредоточилась. Проблеск, еще проблеск... Указатели, дорожные знаки... Еще, еще... Схема. Улица. Карта улицы. На ней значки крупнейших компаний, расположенных на улице. Это новое. Каждая компания платит за свое место на схеме, а сам огромный щит с картой не стоит почти ничего. Это... сумасшедшие деньги!

— Сумасшедшие деньги, — повторила она. — Надо позвонить Валентине Сергеевне. Удобно ли?

...Валентина была уже в дверях, когда раздался звонок телефона. В открытом переливающимся платье она вернулась с порога. И пораженно замерла на месте, услышав новое открытие этой девочки.

— Умничка, — сказала она вкрадчиво. — Никому не говорила? Нет? И не говори. А то украдут.

— Что украдут?

— Идею. Я все обдумую, после праздников обсудим. Целую тебя, Солнышко.

Алекс ждал ее внизу. Его черный джип стоял у обочины, наехав колесом на робко зазеленевший газон. Сам Алекс был в смокинге, белоснежной твердой рубашке со стоячим воротником.

Думы, думы не оставляли его. Что-то происходило в нем этой весной. Кто он, Алекс Мотовилов со всеми успехами, со всем тем, что насыпала в него мировая современность? Когда ребенком он видел с закрытыми глазами, когда мечтал, летал в иные миры, разве ему было известно о жизни меньше, чем сейчас? О, больше, несравнимо больше, ярче! Что с того, что десять лет наисовременнейшего Интернет-бизнеса превратили его в

первого человека крупнейшей отечественной Компании, а пять лет возни с «Параскевой» сплотили ее в единый организм с личными установками для каждого работника? Что с того, что летом ожидалась выборы уже третьего заинтересованного губернатора, и так далее, далее... Все по кругу. За исключением странной прихоти Константина Второго стать этим самым губернатором. Ладно, разберемся.

— Кто же я? — Алекс смотрел перед собой. — Человек-Бизнес? Я все в нем знаю, я уже не развиваюсь, я отстаю от самого себя. Мой мозг напрягают громады мыслей, и мыслей исключительных, превосходящих, пронизанных силой, сверхусилием, но день за днем, год за годом я предаю эти дары жвалам бизнес-спрута. Сколько можно? Что станет со мной, если *Им* надоест тратить на меня время? Если *Они* отвернутся? Что останется от меня? Пустая оболочка?

Дорожка между домами была узковатой, едва разминуться, и проезжавшие машины издали сбавляли ход, чтобы, не дай бог, не зацепить его джип-чирокки. Разборки в этих случаях бывали скорыми. Две старушки из дома тоже боялись подойти, но душа их изболелась за посаженные недавно прутики-былинки шиповника с зелеными почками, прижатые колесом его машины. Подбадривая друг дружку, они поцарапались в дверцу.

— Сыночек, не обижай наши кустики. Мы, старухи, ходим за ними, как за малыми ребятами.

Алекс взглянул влево на газон, потом в боковое зеркало на вышедшую из подъезда Валентину, молча выехал на дорогу. Бабульки принялись руками подымать своих подопечных.

Одетая в длинное платье и норковый палантин, Валентина шла к машине, покачиваясь на каблуках. Она выглядела так, что на нее хотелось смотреть, не отрываясь, разглядывая каждый завиток прически, изгиб и ямочку на подбородке, плавные линии фигуры. Алекс почувствовал приближение своего мужского счастья, приближение женщины-божества. Один за другим оглянулись на нее прохожие, сбавила ход летевшая БМВ, сидевшие в ней вывернули шеи в сторону шествующей королевы. Валентина посещала бассейн, где ее обихаживали косметологи и массажисты, одевалась в бутике Femina, но, главное, она, как «желез-

ная леди» Маргарет Тэтчер, молодела и хорошела от самой власти, от творческой работы. На американских курсах «Маркетинга и менеджмента» о ней лестно отзывались консультанты, она добилась уважения в самых элитных деловых кругах.

Алекс спрыгнул с подножки, распахнул перед Валентиной правую дверцу и помог ей удобно устроиться на высоком сидении.

Они ехали на вернисаж в Дом Нащокина, где у Натальи Рюриковой собирался весь московский бомонд.

— Знаешь, Алекс, — с улыбкой начала она, разложив в ногах фалды платья и поправив на плечах серебристый палантин, — сейчас эта девочка, что придумала выставки, выдала еще одну идею. О наружной рекламе. У меня даже дух захватило. Рассказать?

— Разумеется.

И пока она говорила о «географической наружке», сосредоточенно смотрел на дорогу. Несколько минут ему хватило на обзор возможностей нового дела, подсчета начальных вложений, прибыли, и, главное, сближения на этой почве с Правительством Москвы и благоприятных последствиях московской поддержки его губернаторов.

— Стоит свеч, — согласился он. — Правда, поначалу потребуется тысяча двести долларов на раскрутку. Надо сразу объять пол-Москвы, иначе перехватят. В первую очередь следует поместить извещение о том, что именно мы начинаем это дело. Хотя бы в «Городской нови». Одновременно создать новое агентство, обучить сотрудников...

— Новое агентство? — обеспокоенно переспросила Валентина.

— Или расширить твое, — поправился он. — Автору идеи дать пять тысяч и пусть даже не приближается.

— Пять тысяч долларов этой девчонке?

— Не девчонке, а «голове». Умников надо хорошо кормить. Она не станет артачиться?

— Никогда. Это «божья коровка».

В Воротниковском переулке у входа их ждали два охранника, уже встревоженные отсутствием шефа. Увидя машину, они

подбежали, открыли дверцы, потом один из них вошел в переднюю к длинной лестнице, круто идущей на второй этаж, а другой, пропустив Алекса и Валентину, замкнул собой шествие.

Николай позвонил в дверь ровно в пятнадцать часов. Он был в строгом костюме при галстукe, в руках его были нежные алые розы, коробка дорогих конфет и огромный, упакованный в оболочку, вездеход с педалями. Данюшка потрясенно принял подарок, забыв сказать «спасибо», и тут же влез на сидение. Агнесса в сером креповом платье с ниткой жемчуга на шее приняла цветы, поставила их в вазу. Потом провела по квартире, показала картины, книги с дарственными, побледневшими от времени надписями, сделанными еще гусиным пером. В маленькой комнате он увидел открытый «Зингер» с ножным приводом, расшитые одежды, компьютер.

— Ваш дом похож на вас, Агнесса, — сказал он.

Они вышли на балкон к тополю, горьковатому аромату его лопающихся почек. Вспомнили дальние виды Подмоскoвья, поговорили о погоде, о планах на лето. После этого она пригласила гостя к столу.

В небольшой кухне возле старинного темного буфета, украшенного резьбой в виде виноградных гроздьев и листьев, был сервирован стол на две персоны. На белой крахмальной скатерти лежало столовое серебро с гербами и монограммами, фамильный фарфор, хрустальные бокалы, льняные, с вышивкой, салфетки в колечках. Это семейное достояние, словно посланцы рода, призваны были поддержать ее сегодня.

Угощение не было обильным. Она подала крабовый салат, жареную семгу с горошком, мягкий сыр и маслины без косточек. Вино было темное, французское, они слегка пригубили его. Сидя друг против друга, позвякивая приборами, тихонько беседуя о посторонних предметах, поминутно встречаясь взглядами, они соблюли все правила хорошего тона. Обед был окончен. Агнесса заварила чай, накрыла чайничек толстым чехлом. Николай молча наблюдал за ее движениями. Сервируя для чая, она сменила салфетки, смахнула щеткой крошки с блестящей от рисового крах-

мала скатерти, открыла принесенную им коробку. Конфеты в цветных обертках красивым узором лежали на темной шелковистой подкладке.

— Прелесть, — улыбнулась она.

Николай придержал ее запястье.

— Агнесса, присядьте.

Она села прямо и стройно, опустив на колени руки.

— Я должен сказать вам нечто очень важное, — начал он.

— Я прошу вашей руки. Приношу извинения за несерьезность тогда в лесу, но все к лучшему. Я прошу вас стать моей женой.

Она ответила просто и сразу, как и тогда в лесу.

— Благодарю за оказанную мне честь, Николай. Я согласна стать вашей женой.

Они помолчали. Потом медленно поднялись и, глядя в глаза друг друга, легонько поцеловались одним прикосновением губ.

— Уф, слава богу! — он повалился на стул и ослабил галстук. — Такое долго не выдержишь. Агнесса! Я буду хорошим мужем, поверь, ты не пожалеешь. Нам нужно время, оно уже работает. Все будет хорошо. Дух захватывает, как может быть хорошо!

Она смотрела на него тепло и серьезно.

— Я позову родителей?

— Это возможно?

— Они над нами, на третьем этаже.

Набрав номер, она сказала сдержанно.

— Папа, мы с Николаем приглашаем вас с мамой на нашу помолвку.

— Каким Николаем? — оторопел отец.

— Моим женихом. Будем рады видеть вас сегодня, сейчас.

Данюшка запрокинул светлую головку. За полтора часа он ни разу не отвлек мать, машина его, загруженная игрушками, двигалась от окна к двери и обратно.

— Что такое помолвка? — спросил он.

— Это когда я и Николай договариваемся вместе любить одного мальчика, — она выразительно посмотрела на сына и вздохнула его вихры.

Он взялся обдумывать эту новость. Мать обняла его.

— Сейчас придут бабушка и дедушка, а потом, когда все уйдут, мы с тобой обо всем поговорим.

— И Николай уйдет?

— Конечно.

Николай стоял на балконе и курил. Агнесса вышла к нему.

— Красиво, правда?

— Пожалуй. Чем болен ребенок? — тихо спросил он.

— Белокровие, — также тихо ответила она.

— Но это же излечимо! Не в России, так на Западе, я точно знаю. Мальчик имеет право на здоровье, если хоть один врач в мире может помочь ему.

Она задохнулась. Ослепительная надежда чуть не лишила ее чувств. Прижав руки к груди, Агнесса вернулась в комнату.

В дверь позвонили. Лидия Владимировна и Георгий Георгиевич, празднично одетые, настороженно переступили порог. В руках у матери были цветы, отец принес шампанское.

— Это так неожиданно! — заговорила мать взволнованным голосом. — Кто вы? Где вы познакомились? Когда?

— Давайте чай пить, — воспротивилась дочь.

— Опять секреты. Кто вы, Николай? Геолог?

— Я дипломат, Лидия Владимировна. Работаю первым советником российского посольства в Швейцарии. Моя фамилия Горчаков.

Георгий Георгиевич вздрогнул, лицо его изобразило радостный ужас.

— Горчаков? Из тех самых? И тоже дипломат? — он обнял Николая. — Дайте на вас посмотреть... Какими судьбами? О, боже! Горчаков!

Первые полторы недели мая Москва, по старинке, гуляла на праздниках. Рабочие и служащие, распроставшись друг с другом на долгие десять дней, набивали лукошки помидорной рассадой и отправлялись на дачные участки. В сельское хозяйство сместились на это время интересы самых закоренелых горожан. Садоводы-огородники, горожане-дачники, «вольные землепашцы» спешили до минуты использовать свободные дни для того, что-

бы посадить огородные культуры в открытый грунт или под тепличную пленку, запустить природный круговорот для надежного прокорма своих семей в ненадежных российских обстоятельствах.

Шурочка трудилась в поте лица. В теплице дружно вошла рассада, пора было копать, сажать картошку, сеять лук, морковь, свеклу, ухаживать за ягодными кустами, подрезать и прореживать. Пышно зацвели вишенки-невестушки и яблоньки-душеньки, хоть здесь без заботушки. В этом году Шурочка с любопытством испытывала новые сорта, полученные в «Заречье», и договори-лась о продаже всего, что у нее вырастет, через магазинную сеть хозяйства. В общем, хлопот полон рот, и дел невпроворот, как у всех селян каждой весной. В косынке и затемненных очках, благоухающая кремами от загара и для загара, в двойных перчатках на руках, трудилась она в поте лица вместе с домочадцами, закутав голову и лицо от солнечных лучей, но в открытом купальнике. Солнце румянило ее атласные белые плечи, спину, колени, но ни единым лучиком не коснулось румяного лица, но веснушки-злыдни проступили-таки на носу и под глазами.

Одиннадцатого мая сотрудники, наконец-то, потянулись в агентство. Деловая жизнь восстанавливалась как после обморока. С удивлением, как о прошлогоднем снеге, вспоминали клиенты о своих обещаниях.

— Мы разве беседовали с вами? И на чем остановились? Ах, да, да, припоминаю...

Что прикажете делать? Звонить по новой, уговаривать, соблазнять? Настроение было неважное, ждали Валентину.

И вдруг прозвучали слова Лады о загородной поездке, и объявление Агнессы о помолвке. Помолвка! В наше время! Когда все позволено раньше, чем захочется... Помолвка!

Шурочка онемела от зависти. Нет, не к Агнессе, тут ей ничего не светило, но к Ладе, к ее Истребителю. Этого мужчину она почувствовала как никого, всем нутром, и уже зацепила, даже увидела красавчика в горячем сне. «Если бы поехала я, был бы мой, — не сомневалась она. — Как не догадалась? Ну, подожди, тихоня!».

— Это надо отметить, — тряхнула она рыжими кудрями. — Поехать на теплоходе по водохранилищу, и на стоянке, в зеленом лесу поздравить, как полагается, Агнессу и ее суженого.

Теплоходная прогулка уже обсуждалась в агентстве. Это был давний обычай Института, еще когда все оплачивалось профсоюзом и явка членов комитета была обязательной. Событие каждый раз удавалось на славу, даже в проливной дождь, о нем помнили целый год, и, бывало, в зимнюю стужу в этой самой лаборатории, когда на окнах искрились в холодных лучах алмазные узоры, нет-нет да и вспоминалась женщинам та майская полянка, бревнышки-пенечки, песни и танцы под аккордеон на теплоходной палубе.

— Можно, — поддержали Шурочку. — Когда? Двадцать четвертого мая? Договорились. Обмоем, поздравим, целоваться заставим.

— Разве на помолвках целуются?

— А почему нет?

— И пусть твой Игорь тоже будет, поздравлять, так всех сразу, — распорядилась Шурочка.

Лада с важностью покачала головой.

— Если Игорь успеет вернуться. Он в Дубаи, на авиасалоне.

— В Дубаи? — повернулся Юра. — Игорь Стрельцов? На СУ-28? Отменный парень.

— А ты откуда знаешь?

— У меня тарелка, я все смотрю. Сегодня у них вторая серия полетов. Как раз истребители. Хочешь, поедem, полюбуйся на его пилотаж? И на интервью у трапа после приземления.

— Конечно, хочу. Во сколько?

— В два часа. Поехали. Все равно никакой работы.

Глаза Шуры, поливавшей наголодавшиеся цветы, сузились, как у кошки. В эту минуту вошла Валентина.

— Всех поздравляю с прошедшими праздниками. С новыми силами за работу. Спешите, спешите, скоро летний спад, отпуска, забастовки. Слышали, что шахтеры творят? Никакой устойчивости. Лада, зайди ко мне.

В кабинете она усадила ее в кресло для торжественности.

— Мы обсудили твоё предложение, Лада, и нашли его весьма интересным. Но, по мнению специалистов, это — огромное дело, вплоть до создания нового агентства. Тебе одной даже вместе с нами такую работу не поднять. Скажи, пожалуйста, какая сумма тебя устроит?

Лада смотрела на неё с непониманием.

— Какая сумма?

— Я готова заплатить тебе за идею, купить её у тебя в полное своё распоряжение. Поняла? Итак, сколько?

Лада смутилась.

— Не знаю. Наверное, вы уже сами решили, Валентина Сергеевна, с теми специалистами.

Этого Валентина не ожидала. «Голова»- подумала она с уважением.

— Ты угадала, — сухо вато кивнула она. — Пять тысяч долларов. Вот конверт.

— А, — осеклась Лада. — Может, не надо?

— Почему же, — смягчилась Валентина. — Бери, не сомневайся. Удачи тебе. И не говори никому об этом. Вообще ни о чём, поняла?

После обеда она собрала оперативку. К этому времени подошли ещё несколько человек, в том числе Виктор, зато Лады и Юры уже не было.

— Господа, — начала она с улыбкой одушевления, — разрешите посвятить вас в новое направление нашей работы. Это наружная реклама, но не обычная, какую мы видим в метро и на улицах, а с хитрым коммерческим секретом. Средняя стоимость одного щита три на шесть метров составляет для клиента тысячу долларов. Но если на щите будет изображена схема главной и прилегающих улиц, а на этих улицах разместятся те магазины, банки, фирмы, которые захотят себя указать за меньшую плату, то можно представить, сколько денег может принести один такой щит при том, что на каждый может попасть десяток-другой компаний, готовых выложить свои кровные в сумме, далеко уступающей стоимости единоличного щита. Агентство будет платить вам пятнадцать процентов с каждого договора. Придется ходить по улицам, обойти все прилегающие переулочки, поработать

ногами, а не только сидеть за телефоном, как было до сих пор. А чтобы не было пересечений и обид, мы разбили карту города на участки, в которых каждый из вас может спокойно работать. Вопросы есть?

Идея была настолько проста, что показалось, будто она была всегда.

— Сумасшедшие деньги, — сказал кто-то.

— Посмотрим. Мы уже дали информацию в газету о том, что именно наше агентство приступает к этой работе, теперь ведем переговоры с Московским Правительством. Внимание! Участки выбираются по тем фирмам, с которыми у вас был крупнейший договор, и с которыми вы быстро поладите. Понятно, да? Приступайте.

Валентина спешила. Ей хотелось застолбить новые владения, пока там не воцарился неведомый соперник. Одновременно с первым объявлением она дала и второе, о наборе новой группы, чтобы рассыпать своих людей по всей Москве. Не рискуя — ни в коем случае! перечить Алексу, она собиралась поставить его перед фактом своего делового натиска и проворства. Она тоже видела картину в целом, чувствовала, что созрела для крупных, блистательных разворотов, общественной деятельности, настоящей власти. Почему нет? Оба они, Алекс и Валентина, в состоянии играть свою игру на необъятных просторах столичного мегаполиса.

Виктор вышел из НИИ окрыленный. Быстрое воображение незамедлительно выбрало безошибочный ход действий. Иностранные компании! Во-первых, в их привычках платить наличной валютой, во-вторых, в тех же привычках не подымать шума в случае чего. Две-три сделки мимо кассы, в собственный карман, и он спасен.

«Это будет мое последнее грехопадение. После него — тишина, «- твердо решил он, легкими шагами огибая клумбу.

Двадцатого мая был жаркий солнечный день. На радость Шурочкиным цветам, навстречу живому весеннему теплу и свету в обеих комнатах были распахнуты все окна, но зато стоило от-

ворить дверь, как все бумаги, словно стая голубей, с шумом летели со стола. Народу в комнатах было немного, все бросились зарабатывать «сумасшедшие деньги», дело пошло бойко, клиентам понравилась необременительная помесечная плата за право мазать глаза прохожим в течение полугода и долее. В шестом часу вечера, когда солнечные лучи по-летнему освещали и первую комнату тоже, здесь находились только Шурочка и Максим Петрович.

— Алло! — Шурочка в очередной раз сняла трубку. Ей по-прежнему часто звонили, и даже отлучки на «сумасшедшие деньги» не повредили ей в глазах постоянных партнеров, она умела уместить любого из них сладко-услужливой скороговорочкой. — Алло! Ах, это вы, господин Истребитель! С возвращением. А мы-то за вас болели, болели...

— Спасибо. Ладу можно к телефону?

— Она здесь редко бывает. Одна я вам верна, замечаете?

— Я звонил ей домой, сказали, что она здесь.

— Значит, едет, не буду же я вас обманывать. А вообще-то, незаменимых нет. Может, и я... пригожусь?

— Если вы настаиваете...

— Уже лучше, дорогой Истребитель. Даже сердечко забило, чувствуете? А у вас?

— Нда... вроде есть.

— Ну и что передать нашей с вами Ладе?

— Я подъеду к вам в шесть часов. Посигналю снизу. Передадите?

— В последний раз. А на теплоходе с нами хотите отдохнуть? Мы приглашаем вас и Николая.

— И Николая? Интересно. Когда же?

— В субботу.

— Отличная мысль.

— До встречи, — мяукнула Шурочка самым нежным и многозначительным голосом.

Лада появилась через несколько минут. Многочасовые занятия с утра, разучивание нового произведения для конкурса, а главное, игра с оркестром, которую устроила для нее прежний педагог, занимали весь день и требовали денег. Как ни крутишь,

бросить работу было невозможно. Но она не уставала. Ей даже нравилось, убежав от ревнивой арфы, мчаться на фирму, встречаться с умными молодыми директорами, думать, мечтать и отчаянно ждать Игоря. А ту сумму мать спрятала далеко-далеко, в пакет, на антресоли, про черный день, не доверяясь ни банкам, ни сберкнижке, ни обещаниям сладкоголосых фондов.

Сейчас она вернулась с Комсомольского проспекта. Напевая, сделала ксерокопию договора, отдала подлинник в бухгалтерию и собралась было уходить, когда Максим Петрович повернулся к ней в своем вертящемся кресле.

— По-моему, Лада, вами кто-то интересовался.

— Кто, не записали?

— Спросите у Шуры.

— Шура, мне...

— Ах, верно, совсем заработалась, из головы вон, — Шуручка очумело потрясла кудрями. — Игорь твой прилетел, подъедет к шести часам.

— Куда подъедет? — вскрикнула Лада.

— Сюда, сюда, не обмирай. Прямо к дверям. Посигналит тебе.

Лада посмотрела на нее как на преступницу. До шести оставалось четверть часа. Словно ребенок, она встала у окна и принялась ждать.

Сигнала не было, они увидели друг друга издали. Мгновение ока она очутилась внизу. Ее место у окна заняла Шуручка.

— Прилетел, сокол ясный, — с деревенской завистью заговорила она про себя, чуть слышно. — Хороший какой... Встретились, голубки. Ух, ты, шаль какую привез, укрыл всю. Персидскую. Ну, погоди, тихоня... — она воровски оглянулась на Максима Петровича и громко стукнула о подоконник первым попавшимся цветочным горшком.

Игорь вскинул глаза. Они увидели друг друга. Рыжая, румяная, белая как пышка, она приложила ладонь «к козырьку» и помахала у виска. Получилось игриво и двусмысленно.

«Говорит Роберт Кофман. Добрый день. Алекс, позвони мне, пожалуйста. Твой мобильный не отвечает», — провещал автоответчик.

Алекс набрал телефон.

— Роберт? Привет. Я, Алекс. Какие проблемы?

— Маленькие сомнения и опять в отношении «Каскада». Я договорился с госпожой Щербатовой о наружной рекламе и жду ее не раньше следующей недели. Но сегодня состоялся еще один разговор о том же с женщиной из того же агентства. Речь шла о гораздо большей сумме. Я встревожен. Накладки накладками, но с этим «Каскадом» уже была неприятность. Мы платим наличными. Вы меня понимаете?

— Ему назначена встреча?

— Да, он настоял на своем визите завтра в десять часов утра.

— Пропуск заказан? На чье имя?

— Сейчас. Пожалуйста. Деревянко Станислав Романович.

— О`кей. Все отлично, Роберт. Оставь сомнения, et cetera....

— В самом деле? Я могу быть спокоен?

— Вполне.

Алекс провел руками по волосам и бородке. Усмехнулся, качнул головой, взял мобильник.

— Грач? Алекс. Наш «артист» опять играет в разбойников. Завтра к десяти часам он придет на Октябрьскую, к дому номер два по Ленинскому проспекту. Это у метро, в самом начале. Возьмите его по-тихому, вложите ума, но не перестарайтесь. Он талантлив и мечется, а мы предложим ему широкое поприще как раз в его вкусе.

— Будь спокоен, Андреич.

Накануне Виктор наутюжил брюки до острой стрелки, и до блеска начистил ботинки. В немецкое представительство в кроссовках не ходят. Ночь спал хорошо, но пробудился с рассветом. Что-то горело в груди правее сердца. Он привычно размялся, разбил в сковородку три яйца, растворил в чашке кофе. «Все хорошо, — убеждал он себя, — Ведь Толику было хуже, а обошлось. Небольшое волнение способствует успеху, зато страх делает из мыслящего субъекта дрожащий объект. Не поддаваться! Все в

порядке. Часов в двенадцать я вернусь и сам посмеюсь над глупыми мыслями».

Спускаясь по лестнице, он не выдержал и оглянулся на свою дверь. Ничего, ничего. Извилист путь Реки к Океану, но нет проще Океана. Великие дела ждут его.

С запасом в десять минут он вышел из метро и свернул направо. Главное, пройти охрану. Вчера он нарочно стоял внизу, наблюдая, как они просматривают паспорта. Бегло, в полглаза. Его фотография в паспорте вклеена мастерски и продавлена печатью «паспорт СССР» с помощью скрепки и плоскогубцев. Не спеша, слушая гулкие удары собственного сердца, Виктор прошел мимо троллейбусной остановки и вдруг увидел Митяя. И тот увидел его. Но не рванул в сторону, а с удивлением похлопал глазами.

— Привет! Вот это встреча!

— Да, встреча, — зловеще произнес Виктор. — Ну и где же ты пропал? Где мои деньги?

Митяй не смутился.

— Я заходил много раз. Это ты пропал. У фирмы проблемы с арендой, но деньги твои с процентами в целости-сохранности, можешь получить хоть сейчас. Видишь джип? — он указал на машину, стоящую недалеко от входа в нужное ему здание. — Теперь они в машине работают. Пойдем, сам убедишься. Вот встреча-то! Вот счастье!

Виктор сердито шагнул в том направлении. В машине, действительно, сидел Ярослав в наушниках, спустив на подножку одну ногу, в сумраке салона мерцал экран.

— Привет, — кивнул он. — Желаете взять проценты или всю сумму сразу?

— Все сразу. Но у меня всего пять минут, — сказал Виктор.

— Большого и не требуется. Ваши деньги давно ждут вас.

Виктор вскочил внутрь. Митяй остался стоять, спрыгнул с подножки и Ярослав. Дверца захлопнулась. Он оказался между двух плотных ребят. Сидящий на переднем сидении человек медленно повернул голову. Виктор увидел близко восточно-русские глаза, мощный подбородок.

— Грач! — прошептал он, холодея.

— Здравствуйте, Виктор Владиленович.

... Часа через три его подобрали в сорока километрах от города по Ярославскому шоссе. Он был сильно избит, в синяках и кровоподтеках, одежда висела клочьями, ни денег, ни лилового паспорта при нем уже не было. Как не было и телесных повреждений, даже зубы оказались на месте. Он не рассчитывал, что его может хоть кто-нибудь подвезти, но едва вышел на обочину и поднял руку, как возле него тормознул светлый «жигуленок». За рулем сидела молодая женщина.

— Садитесь. Что с вами стряслось?

— На меня напали, — простонал он. — Отобрали деньги, документы. Я артист драматического театра.

— Я довезу вас, — сочувственно отозвалась женщина.

Понемногу он пришел в себя, рассказал ей, что возвращался со съемок домой на машине, что его догнали какие-то люди на двух «мерседесах», остановили, вытащили из машины... он остался без денег и документов, не говоря уж о машине... Она молча кивала головой. На ней был прекрасный брючный костюм, на правой руке светилось обручальное кольцо. Полный благодарности, он пошутил о странностях судьбы, о романтическом знакомстве на большой дороге. Она улыбнулась. Они мчались уже по Проспекту Мира.

— Ваш дом с левой стороны? — спросила она.

— Откуда вы знаете? — удивился Виктор.

— Вы назвали Кулаков переулок.

— Разве?

Этого он не говорил. Он даже хотел выйти заранее, чтобы не затруднять даму поисками его дома. Или забыл? Они развернулись под Крестовским мостом, проехали в обратном направлении и свернули в его переулок. Виктор молчал. Миновав пряничную лукойловскую постройку, машина остановилась возле его дома.

— Кто вы? — спросил Виктор.

— Не все сразу, — ответила молодая женщина, захлопнула дверцу машины и уехала.

Накануне поездки было, по обыкновению, много хлопот, разговоров, опасений о погоде, потому что шел дождь. В НИИ вспоминали и дождливые экскурсии, дорогие сердцу не меньше теплых и солнечных. Но против ожиданий, двадцать четвертого мая небо очистилось, хотя ветер дул свежий.

Ажурное здание Речного вокзала на Химкинском водохранилище было построено в 1936 году архитектором Щусевым в виде изящного двухпалубного судна. Нарядные колонны, каменные перила и высокий шпиль с золотой звездой стали тогда украшением «порта пяти морей», а затейливые башенные часы, снятые со стены разрушенного монастыря и помещенные на высоте чуть ниже звезды на высокой башне, пришлось тоже впору, как любая искусная работа. На «палубах» теснились выносные столики ресторана «Волга», летом посетители сидели на вольном воздухе, наслаждаясь видом на водную гладь. Оттуда всегда веял легкий ветерок, скользили лодки и яхты, сам же ресторан в начале своей истории славился по всей Москве, потому что здесь священнодействовал над кастрюлями легендарный Африкан Силыч, шеф-повар двора его императорского величества Николая Второго, великий и вздорный старик, не оставивший потомкам ни единой строчки о своем искусстве. Со временем прекрасное творение, ни разу не освеженное заботливым уходом, стало ветшать, палубы стали небезопасны и опустели, разрушились фонтаны и скульптуры в парке, да и сам парк разросся, одичал и приобрел облик старинного дворянского гнезда с тихими дорожками и тщательным подбором деревьев, благодаря чему в осенние дни багрец и золото живописно дополняли друг друга, устилая землю свежим цветным ковром.

Внутри вокзала все сохранилось. На стенах перед входом и поныне красуются круглые майоликовые тарелки с изображением аэропланов, пароходов, плотин, дирижаблей, этой гордости тридцатых годов, в самом помещении под гулками сводами, по-прежнему украшенными изображениями знамен и гербов союзных республик, просторно и державно. По-прежнему сбегает к пристани широкая гранитная лестница, такие же спуски ведут вниз из парка, а вдоль причальной кромки тянется ровный ряд охранительных столбиков, между которыми покачиваются тол-

стые чугунные цепи. Эти цепи, да причальные тумбы, да белые теплоходы, стоящие под парами, сразу располагают прибывающих к дальнему путешествию.

Теплоход «Волга-матушка» отвалил от причала под громкие звуки марша «Прощание славянки». Медленно поплыли портовые склады, первый и второй мосты, за ними открылся узкий канал между ровными гранитными берегами, выше которых уходили зеленые насыпи, уже заросшие большими деревьями.

Пассажиров было много. Люди ехали компаниями, семьями, реже вдвоем, везли сумки с провизией, ракетки, мячи, даже маски и ласты. «Каскадцев» с домочадцами и примкнувшими сотрудниками НИИ набралось человек тридцать пять. Валентина взяла дочерей и «молодых», Екатерина Дмитриевна была с мужем, в одиночку приехали, кажется, только Шура да Юра. Внимание всех было устремлено на Агнессу с Николаем и Ладу с Игорем. В особенности на последних, потому что Николай был настолько при Агнесе и ее сыне, бледненьком мальчике с умным вопрошающим взглядом, что показался, конечно, достойным, но малоинтересным.

Зато вторая пара была великолепна. Лада в белом полотняном платье с полудлинными, нежно-уложенными на затылке, светлыми волосами, с россыпью отпавших прядей казаласьстройной, как березка, рядом со своим избранником. Полуобняв ее, Игорь стоял у выхода на корму. В шортах, светлой тенниске, загорелый, он оглядывался на обступивших сотрудников и смеялся, блестя зубами.

— Сколько женщин! И все щебечут, щебечут... Отвык я от женского общества, клянусь небом!

Ветер трепал его волосы, надувал тенниску на сильных плечах, у ног лежала синяя сумка с выпуклым изображением военного самолета. Конечно, он привлекал к себе и мужчин тоже, они не могли упустить случай пораспросить его о самолете. В особенности усердствовал Викентий Матвеевич. Пока девочки и супруга осматривали теплоход и бар с мороженым и шоколадом, он устроил Игорю подлинный допрос.

— Скажите, Игорь, где испытывается ваш истребитель? — интересовался он, сделав серьезное лицо.

— Испытания и доводка проходят на базе в Жуковском, — отвечал тот свободным серебристым голосом. — На МАКСе бывали? Вот там.

— А в чем главное отличие нового СУ-30 от прежних боевых машин? Если это не военная тайна... — Викентий Матвеевич понимающе улыбнулся.

Игорь кивнул. Послеполетные пресс-конференции научили его общаться с любопытствующими.

— Отличий немало, — по-военному точно начал он. — Во-первых, это... — и запнулся на полуслове.

Шурочка, одетая в красное платье на больших розовых пуговицах, румяная, томная, прошла мимо и лениво опустила в удобное голубое кресло метрах в полтора от него. Ее рыжие завитки щекотали белую шею, верхняя пуговица низко открывала грудь, зато нижняя едва стягивала полы платья высоко над мягкими коленями, оставляя прорешку к следующей пуговице. В руке ее было красное яблоко. Юра, стоявший тут же, выразительно взглянул на Ладугу и даже качнул головой в сторону, мол, уведи его... Та ничего не поняла.

— ...Во-первых, — не без усилия продолжил Игорь прерванную «пресс-конференцию», — это поворотные сопла, дающие преимущества в вертикальном и горизонтальных положениях, вот так, — и показал ладонями круговые захватные повороты. — Во-вторых, изменение кривизны крыла, как у птицы, в-третьих, возможность атаки по нескольким целям сразу...

— Сразу по нескольким? — удивилась Шурочка. — Как это?

Словно волна прошла по молодому испытателю, его потянуло в ее сторону как магнитом.

— Вы считаете это невозможным? — посмотрел он.

Она прищурила зеленые кошачьи глаза.

— Я считаю это желательным.

Справляясь с собой, он сглотнул и вновь повернулся к Викентию Матвеевичу.

— Еще вопросы?

— Если можно. Сколько мест в кабине?

— Кабина двухместная.

— Парочкой летаете? — Шурочка медленно надкусила яблоко.

— Интересная мысль, — также медленно произнес он. Его глаза оторвались от ее глаз и скользнули по всей ее фигуре, до маленькой туфельки, которую Шурочка покачивала на пальчиках белой ноги.

Лада, наконец-то, обеспокоилась.

— Пойдем вниз. Здесь прохладно и пить хочется.

— Не спеши.

— Но я замерзла.

— Хорошо, — он наклонился к своей сумке.

Но Викентию Матвеевичу было не до молодых амуров, его плотно захватила область новых интересов.

— Еще немного, если позволите. Как долго создается такой самолет? Сколько он испытывается? Кем?

Игорь с улыбкой посмотрел на него, покровительственно положил руку на его предплечье.

— Я вам скажу одно, папаша. То, что я начал эту машину с нуля, довел до ума, вложил в нее душу и сердце — самая великая и редкостная удача моей жизни.

— Какая счастливая машина, — со вздохом протянула Шурочка и поднялась. — Прохладно, правда, и пить хочется.

— Да, в самом деле, — рывком шагнул Игорь, увлекая с собой Ладу. — Пойдем, пойдем, ты же хотела?

Едва переставляя ноги, Лада поплелась вниз по крутым ступенькам. В душе стремительно рушилось счастье. Светлая, дождавшаяся своего ненаглядного, она была дивно хороша сегодня, но Шура, роскошная Шурочка одним щелчком отбросила ее с дороги. На середине лестницы Лада приостановилась, потом спустилась до конца и скрылась где-то на нижней палубе.

Теплоход шел уже по бескрайнему Пестовскому водохранилищу. Качало. Волны были нешуточными, по всему синесерому простору вскидывались их острые гребни, покрываясь барашками пены, а за кормой далеко тянулся бурлящий длинный след, словно дорога, проложенная по воде. Жутковатая зеленая пучина кипела и сбоку от невидимых лопастей у обоих бортов, в нее хотелось смотреть и фотографироваться на ее фоне.

На корме гремела музыка, танцы. Заветные бутылки были откупорены, молодежь лихо отплясывала в общем кругу. Лишь Юра одиноко стоял на палубе и молча бил кулаком о белые перила. Ему было больно. К нему подбежали, потащили в круг. Махнув рукой, он подчинился.

Очертив широкую дугу, «Волга-матушка» причалила к деревянным мосткам. Пристань «Хвойный бор». Стоянка четыре часа.

Все хлынули на берег.

Лес встретил зеленой отрадой и поющими голосами птиц. Трава росла от самой воды на мелких песчано-земляных обрывчиках, за ними, на прибрежных буграх и ямах, теснились заросли кустов, и лишь поодаль начинался влажный смешанный лес, напоенный после всех дождей благоуханием распустившейся черемухи, бузины, рябины, боярышника, белых зонтичных трав, всего, что ликует во славу жизни в майском лесном Подмоскowie. В чаще ветра не ощущалось, было тихо и отрадно, будто в раю, давно потерянном горожанами. Просвечивая сквозь деревья, блестело под солнцем светлое водохранилище.

Молодежь с шумом полезли в холодную обжигающую воду, началось купание, смех, визг. Взлетел в воздух волейбольный мяч. Те, что посolidнее, постарше отправились на прогулку по мелким несвязным тропкам, стали бродить, дышать, всматриваться в цветы, травы. Новый воздух кружил голову.

У сотрудников НИИ здесь имелась своя любимая тайная поляна. К ней вела неблизкая прогулка в обход травяного болотца с лягушачьими детишками-головастиками, сплошь покрытого мелкими синими и белыми цветочками вперемежку с высокими стеблями кислого щавеля, по заросшей лопухами ложбине с едва заметным руслом ручейка к его истоку, светлому роднику тут же в склоне. Такая прогулка длилась сорок минут и венчалась краткой остановкой возле источника. Родниковую воду черпали из ямки, обложенной камнем, или подставляли кружки под бежавшую с них прозрачную струйку. Вода была холодная и вкусная, с хвоинками. Поляна находилась выше, чуть в стороне от овражка, на опушке, окруженной деревьями. Здесь лежали бревна, стояли низенькие пеньки, а поодаль всегда дожидался

запас хвороста. Вот это, опушка и восхождение к ней, и вспоминались потом весь длинный год.

Тридцать человек с чадами и домочадцами стали накрывать общую скатерть, расстеленную на траве. Дети бегали по лесу и аукались. Кто-то нашел ландыш, кто-то фиалку. Наконец, уселись, налили в стаканы, стали есть на свежем воздухе, смеяться, передавать друг другу хлеб, закуски, воду.

Разговоры вспыхивали на всех концах самобранки. Общий интерес закрутился вокруг приезда Алена Делона в Красноярск на выборную кампанию генерала Лебеда.

— Уже не тот, красавчик. Куда что девается? Какой был!

— А помните, с Катрин Денев они играли...

— Не выспался, бедный. Вылезает из самолета, морда как с похмелья. Лебедь не сразу и подошел, идут порознь каждый сам по себе.

— Из Парижа летел за своими деньгами.

— Противно, что поэтому.

— И так откровенно. За кого нас-то держат?

— Хлеба и зрелищ!

— Говорят, он чеченец.

— Похоже на то.

Лада молчала. За столом не было ни Шуры, ни Игоря. Они скрылись в лесу тотчас после швартовки теплохода. А ее взяла оборот Екатерина Дмитриевна. Завалила работой, сделала нужной сразу всем собравшимся, даже их детям. С бледной улыбкой Лада ходила за водой, поила из ковшика какого-то мальчишку, резала хлеб, чистила неподатливую сырокопченую колбасу, чувствуя, как жестоко ноет в груди.

— Лада, подрежь еще черного. Лада, сыр кончился, — Екатерина Дмитриевна тормозила ее каждую минуту.

Хитрость удалась. Лада, сидевшая возле Агнессы и ее сына, и неустанно работавшая на застолье, наконец-то улыбнулась, чуть-чуть сбросила камень с души.

— Ты хорошая, — сказал ребенок.

— Спасибо. Слышишь, соловей поет?

— Слышу.

— Тебе нравится здесь?

— Да.

— А что в особенности?

— Море.

Гудок теплохода показался неожиданным. Стали собираться, спешить, бежать скорее в обратный путь в ложбину, мимо родничка, болота, никому не хотелось остаться ночевать на диком берегу. Ко второму гудку из леса выбежали самые увлекшиеся, третий, заключительный, проревел впустую. Все на борту... Лесных любовников не дождалось. В трех километрах пролегалo шоссе, и они, видно, рассчитывали на него.

Виктор Селезнев лежал на тахте с новой книгой. По уверениям продавца с уличного развала, знакомство и разговоры с которым за жизнь, за искусство велись еще с давних времен, когда у Виктора водились театральные, потом рекламные деньги, по его словам, этот американский автор был посильнее самого Хемингуэя. Во всяком случае, по рейтинговому списку. Папу Хэма Виктор уважал, тем интереснее был его преемник. Но через пять страниц он брезгливо поморщился, а еще через пять при фразе «утренний запах прямой кишки...» вышвырнул дорожную книгу в окно.

И принялся ходить по квартире, ярясь на автора, и на продавца, и на весь белый свет, даже на цветущий май, так обманувший его.

Эх, бы деньги! Создать труппу, чтобы забили-закипели на сцене ручьи жизни в остром и небывалом сочетании драмы, эстрады, инструментального современного ансамбля, спецэффектов... Ух!

На кухне поставил на огонь чайник, постоял, бросил в кипяток заварку чая, одновременно, на втором огне подогревая овсяную кашу. Поел, поливая овсянку вареньем, которым снабжала его мать.

Телефонный звонок раздался неожиданно.

— Добрый день, Виктор, — услышал он спокойный женский голос. — Узнал?

— Добрый день.

Это была та женщина, что подвезла его на своей машине в тот роковой день. Он ждал звонка «от них», желал его, это ожидание истомило его.

— Ты свободен? — спросила дама.

— К вашим услугам, — ответил он.

— Я назначаю тебе свидание в кафе «Олимпия» в двенадцать часов. Знаешь, где это?

— Поблизости, через переулок?

— Верно. Администратору скажешь, что приглашен за пятый столик. Договорились?

— Буду рад, — он усмехнулся. Внутри, правее сердца задрожал нерв.

— Захвати с собой записную книжку.

— О?

Положив трубку, Виктор взглянул на часы. Одиннадцать.

Кто они? Что за разговор ожидает его? Грач, Ярослав, Митяй, эта дамочка... как они увязаны с тем «баринном», что был с Валентиной в театре? Интересный поворот сюжета. Или судьбы?

Виктор принял душ, побрился. Синяки его побледнели, можно сказать, сошли совсем, но память о них была свежа.

«Записную книжку»...

Пятый столик располагался возле окна, за широкой, прямоугольного сечения, колонной. Виктор сел в одиночестве. Подумал и решил, что лучшее, что он сейчас может, это вести себя по-человечески. Заказал для себя коньяк и лимон, для дамы — мороженое с шоколадом, и минеральную воду для обоих. Май выдался жарким, пить хотелось каждую минуту.

Ждать пришлось недолго. В приотворенное окно сквозь прозрачную сетчатую занавеску было видно, как припарковалась к стоянке знакомая белая машина, как вышла, умело коснувшись асфальта сразу обеими туфлями та женщина, одетая сегодня в бирюзовый шелковый костюм с шелково-кружевными, того же цвета, отворотами.

«Нарочито», — подумал он.

Через минуту она показалась в дверях, направляясь к нему. Виктор поднялся, сдвинул стул, помог даме сесть.

— Воды, мороженого?

— Воды.

Со стороны казалось, что встретились любовники, молодые, красивые. Но нет. Краткого мига хватило ему, чтобы подправить впечатление десятидневной давности. Не в его вкусе оказался и ее тяжеловатый подбородок, неотделенный от плоской нижней губы, и тяжелые руки без перчаток, привыкшие к рулю, глаза с холодным выражением собственной значимости, и голос, лишенный игры, без которой нет душевного богатства.

Она тоже скользнула быстрым взглядом по его лицу, белоснежной рубашке с опрятно-закатанными рукавами и красным шейным платком, по серому витому ремню на узких бедрах под шлевками черных вельветовых брюк. Ей-то он, кажется, понравился.

— Молодцом сегодня, — не без насмешки одобрила она, отпив из бокала, — не то, что в тот раз, а?

Виктор никак не отозвался на неуместное напоминание. Паузу!

Она отставила бокал.

— Итак, о делах. Меня зовут Лариса, мне поручено с тобой работать. Знай и заруби на носу, что теперь ты в «Системе», которая многое может дать, но и спросит с тебя полной мерой. Не пугайся. Такой, как ты, может продвинуться очень быстро. Ты ведь театрал?

— Я артист.

Он не стал ловить ее на невежестве.

— «Артист», верно, — повторила она. — Так тебя и называют. Скажи, какая у тебя цель жизни?

Он с интересом вскинул глаза. Она смотрела прямо, без улыбки.

«Дикая серьезность», — подумал он.

— Моя цель — деньги, — с вызовом проговорил вслух.

Женщина удовлетворенно кивнула.

— Для чего тебе деньги?

Он понял, что проходит некий тест на готовность.

— Лично мне деньги нужны для того, чтобы не зависеть от обстоятельств, иметь то, что необходимо современному человеку и делать то, к чему призван своими способностями и судьбой.

— Какими средствами ты хочешь достичь своей цели?

На эти слова пришлось глуповато хмыкнуть и по-дурачки скосить глаза вбок.

— Кабы знатьё...

— Хорошо, — сказала она. — Очень хорошо.

Рассмеявшись, Виктор опрокинул в рот рюмочку коньяка, крепкими зубами зажал ломтик лимона и оторвал желтую шкурку. Из своей вазочки осторожно, бережа на губах блестящую помаду, отведала оплывающее мороженое и Лариса.

— Если ты осознал свое положение — продолжала она, — и стремишься к его изменению, то «Система» готова помочь тебе.

Ларисе не нравилось простонародное название «Параскева», она и другие сотрудницы называли фирму «Система». Грач, услыша это, поощрил их выдумку. Чем меньше звону, тем безопаснее, рассудил он.

— Но готов ли и ты отдать достижению цели всю свою страсть, постоянство, время, талант, все, что ведет к успеху? — продолжала она. — Много денег бывает лишь у того, кто дружен с терпением и неутомимостью, кто не отличает удач от неудач, кто твердо решил, что добьется цели и назначил дату своего успеха. Готов ли ты?

За ее словами светилась стратегия, продуманная сильным умом, с которым нельзя было не согласиться. «Барин», его почерк!

— Что я должен делать?

Она отставила вазочку и бокал с водой, словно расчищая оперативный простор, положила на скатерть руки с переплетенными пальцами.

— Нам известно, что ты хочешь иметь группу, чтобы выступать на сцене. Так?

— Та-ак, — удивленно протянул он.

— Группа у тебя будет. В короткое время она должна стать лучшей в столице. Тебе помогут.

Виктор кивнул.

— Дальше?

Лариса помолчала.

— Твоя основная цель заключается в том, — медленно проговорила она, словно повторяя заученный текст, — чтобы через посредство своей группы воздействовать на зрителя в нужном направлении. Впереди кое-какие региональные выборы. «Система» не хочет их проиграть.

«Ого!» — Виктор молчал.

— Согласен? — осведомилась Лариса.

«Как будто я могу отказаться!» — подумал он.

— Согласен.

Лариса приняла это, как должное.

— Записная книжка с собой? Пиши номер моего мобильного, номер абонентского ящика, адрес электронной почты. Что, у тебя компьютера нет? Купи, подключись в Интернету, займай собственный сайт, шли тексты прямо с монитора. Теперь запомни, или тоже запиши. Каждый день ты составляешь отчет о встречах, идеях, потраченных деньгах, даешь анализ результатов, свои соображения, планы, опасения. Каждую неделю за этим столом ты будешь получать деньги и отчитываться передо мной устно и письменно. Запомни: каким бы шикарным ты ни стал, каждую неделю, если ты в Москве, мы встречаемся за этим столом.

— Я могу приступить к работе?

— Чем скорее, тем лучше. И со своими людьми работай каждый день, каждую минуту. Композиторы, писатели, певцы, музыканты, артисты, психологи, экстрасенсы — все должны волчком крутиться за свои деньги. Понятно?

Она испытующе посмотрела ему в лицо. Окаменев, он выдержал взгляд. Она кивнула.

— Выборы состоятся второго августа. Когда будет генеральная репетиция?

— Двадцатого июля.

— О`кей.

После щелчка сумочка ее раскрылась, на свет появилась пачка, обернутая простой газетной бумагой, перетянутая синей резинкой. Лариса передала ее под столом.

— Это на первую неделю. Действуй. Все.

Женщина поднялась и пошла так же деловито и жестко, как и разговаривала.

Он остался сидеть. Денежную пачку, глянув по сторонам, сунул в карман брюк. Опрокинул последнюю рюмку, зажевал жесткой лимонной корочкой.

— «Система», — думалось ему. — Пусть. Значит, *я готов*, если «они» пришли сами. Пусть так. Я сделаю втрое против их ожиданий. И выйду на Барина. Тогда и посмотрим, кто есть кто. Виктор Селезнев — не подотчетный клерк.

Выставка «Народный исторический быт» открылась в нескольких залах на втором этаже, и сразу привлекла внимание москвичей и иностранцев. Каждый зал показывал свою тему. Открывал показ уголок настоящей избы с подлинными лавками, печью, посудой, ухватами и прялкой, за которой сидела мастерица и пряла пряжу из кудели, поплеывая на пальцы; рядом за настоящим «кросном» ткали льняное полотно. В следующем зале был «покос» с копной настоящего сена, косами, вилами, телегой, тесами и многими другими вещами. Был крестьянский двор с муляжами коровы, свиньи, овец и кур. Мастера плели корзины, девушки вышивали, все одетые в нарядные народные одежды. Исторические подлинные sprawy выставлялись на манекенах в «березовой роще», возле них толпились женщины, с умилением разглядывая швы, стежки, сборки, вышивку и кружева. Здесь у Агнессы был один квадратный метр стенда и два своих манекена, она переодевала их через день, чтобы показать всю коллекцию. У ног ее «барышень» стоял плакатик с извещением о том, что перед зрителями находятся научно-восстановленные рукотворные наряды разных областей России.

В отличие от прошлых лет это была выставка-продажа. Музей решил тоже зарабатывать деньги.

Даша, одетая в вышитую воронежскую блузу-рубашку и пеструю домотканую юбку, с тремя рядами зеленых бус из малахита, водила экскурсии и отвечала на вопросы. Обстановка была праздничная, выставка нравилась и приносила доход. На четвертый день работы она встретила Агнессу с поздравлениями.

— Пляши, подруга, твоими вещами заинтересовались два канадца. Они хотят купить все, что ты предложишь. У тебя осталось что-нибудь дома?

— Только то, что мне дорого и не продается.

— Отлично. Значит, можно им предложить двенадцать комплектов. Нет, десять. Два приобретет музей.

«Вот и деньги на лечение»- подумала Агнесса.

— Добрые вести, — она обняла Дарью. — Ты мне поможешь с ними торговаться?

— Увы, теперь это моя вторая специальность. Пять процентов от продаж идет в фонд музея, пришлось научиться.

— Прибыльно?

— О чем ты говоришь? — Даша жалобно посмотрела на Агнессу.

В дальнем начальном зале на блестящем паркете анфиладного пространства появился Николай. Пиджак его был расстегнут, прядь волос падала на лоб. Упругим шагом он двигался по центру, ища глазами Агнессу, с интересом вбирая необычные для себя впечатления. Посетительницы оглядывались на него. Он увидел Агнессу, помахал рукой и прибавил шаг.

«Так вот как мы ходим по гостиной»- улыбнулась она.

— Мой жених Николай, — представила его Даше.

— Какая прелесть! — воскликнула она, раскрывая накрашенные ресницы и протягивая ему обе руки в перстнях и браслетах. — Примите мои поздравления! Ах, я должна расхвалить вам вашу невесту. Она — художник золотые руки, самая изысканная мастерица. Ей пора защищать диссертацию, а не губить время на эту противную рекламу. Уговорите ее, обещаете?

— Непременно! Особенно после всего, что я здесь увидел... Я впервые на подобной выставке и поражен ее содержательностью. Примите мое восхищение, — он учтиво наклонил голову.

— Спасибо, — Даша расцвела.

— Где твои работы, дорогая?

Агнесса провела его по залам, показывая своих «барышень», стоящих в полных праздничных уборах: кокошниках, рубашках, сарафанах, паневах, душегреях и передниках.

— Я рад, что увидел это, — серьезно сказал Николай.

— Теперь это товар, а не только образы, — усмехнулась она. — Какие-то канадцы хотят купить все на корню.

— Тебе помочь?

— Мне Даша поможет.

— Будь осмотрительна, вокруг мастеров часто крутятся проходимцы.

Она пожала плечами. Николай посмотрел на нее.

— Поедем обедать? Я на машине.

Они приехали на Мясницкую, в Большой Харлампьевский переулок, спустились по ступенькам под вывеску «Шашлычная». Подвальчик был старинный, окошечки в аршинно-толстой кирпичной кладке стен выглядели, словно округлые бойницы, крепкая дубовая дверь с латунными накладками была также закруглена по верху, как бочонок. Посетителей было мало. В мягком полусвете звучала тихая музыка.

— Что будешь есть? — спросил он.

— Первое, второе, третье, — ответила Агнесса.

— Умница.

Они заказали овощной салат, куриный бульон и цыплят-табака, на сладкое клубнику с кремом. Николай смотрел на нее.

— Какое счастье быть помолвленным и с каждым днем влюбляться в свою невесту. Скажи, а ты... привыкаешь ко мне? Честно.

Он напрягся. Агнесса молчала. Именно сейчас, в эту самую минуту увиделось ей то высшее человеческое в нем, чему доверилась она в первую же минуту, оно светилось в его глазах, надо лбом, в чертах его и вокруг него, неизъяснимое, как цветение божества в человеке.

Николай ждал.

— Если честно, — призналась она, — то мне не верится.

— Что сделать, чтобы поверилось?

— Ничего. Пусть будет как будет.

Николай положил ладонь на ее руку, пожал легонько, почти неощутимо. Они помолчали.

— Твоя подруга Лада... как она?

— Она выиграла первый конкурс среди арфисток на исполнительское мастерство, теперь готовится к конкурсу по игре с оркестром.

— Я должен открыть тайну своего друга, Агнесса. Она мучает меня. Игорь женат, знаешь?

Агнесса опустила глаза.

— Ей станет легче не от этой весты. Она свои камни перетопит сама.

... К четырем часам в дашином кабинете были разложены все десять комплектов. Кабинет стал похож на одеждуную лавку. Покупатели не задержались. Два упитанных канадца вошли в просторный кабинет. Даша представила Агнессу. Канадцы принялись перетряхивать вещи, щупать ткань, швы, смотреть на свет, на просвет, вблизи, издали. Один из них почти не знал по-русски, другой изъяснялся свободно. Перетряхнув свой «английский», Агнесса давала пояснения.

Наконец, все уселись. Принесли в чашечках дымящийся кофе.

— Нам очень нравятся ваши изделия, госпожа Щербатова, мы готовы приобрести всю коллекцию. В Канаде, как известно, проживают потомки многих русских родов, сохраняющие обычаи и уклады своих мест. Представляется, что народная одежда разных уездов старой России будет для них желанным приветом с родины. Мы заинтересованы также в продолжении ваших исследований на взаимовыгодной основе, но вначале сделаем первый шаг. Кстати, ваше искусство много выиграло бы, если бы дополнилось обувью.

— Вы намекаете на лапти? — спросила Даша с насмешкой. — Нет уж. Мы не позволим ей портить руки, лапти плести каждый может. Итак, к продаже предлагается русский московский костюм, вологодский, архангельский, вятский, рязанский и другие. В каждом по шесть-семь предметов, всего десять комплектов. Сработано в одном экземпляре, ткань — самотканная рядина из народных мастерских, ручная вышивка, кружево, роспись жемчугом, бисером, кое-где позументом. Наша цена пять тысяч долларов за комплект.

Агнесса замерла. Но иностранцы и бровью не повели.

— Триста долларов, — был их ответ.

— Три тысячи, — сбавила Даша.

— Семьсот, — назвали они.

Сошлись на тысяче. Купцы рассчитались наличными тут же, на месте. Даша умело пересчитала купюры, отделила пятьсот и заперла в стол. Девять с половиной тысяч отдала Агнессе. Все вещи были упакованы в коробки и унесены незаметными услужливыми людьми. Джентльмены откланялись. Вся сделка не заняла и сорока минут.

Сумочка с деньгами свешивалась с плеча. Агнесса сидела молча.

— Что притихла? Или я продешевила? — с тревогой спросила Даша.

— Не по себе как-то... Словно детей продала.

— Зато деньги какие! На одни проценты жить можно. Спрячь понадежнее, в титьку, как бабки делают. Слышишь меня, Агнесса?

— Да.

В смутном, странно-спокойном состоянии Агнесса вышла за каменные ворота. Троллейбус только что отошел, остановка была пуста. Она свернула направо, пересекла переулок, отделяющий особняк от соседних домов, ступила на тротуар. Вдруг кто-то обнял ее сзади, привлек к себе.

— Я вас люблю, — нежно проговорил мужской голос. — Не кричите и не оглядывайтесь.

Сумочка будто сама соскользнула с ее плеча, мужчина метнулся в переулок. Постояв в неподвижности несколько секунд, Агнесса направилась к метро пешком, бесчувственная как кукла.

Вечером по телефону она рассказала об этом Николаю. Он остался невозмутим.

— Это моя вина, надо было подъехать, подстраховать тебя. Но я не предполагал, что речь идет о такой сумме!

— Кто это подстроил, как ты думаешь?

— Никак не думаю и тебе не советую. Будь осмотрительна и осторожна, но не засоряй себя подозрениями. Это не наше.

В начале июня экономикой овладела стихия распада. Понижение кредитного рейтинга России отвратило от нее последних инвесторов. Так начинаются все экономические кризисы. Доходность по ГКО сразу подскочила до восьмидесяти годовых процентов, но это уже никого не соблазняло. Спрос на доллары мгновенно вырос. Население, именно, «средний класс», надежда реформаторов, тот, что имеет сбережения и держится настороже, бросилось поспешно снимать деньги с банковских счетов. Опасно качнулись коммерческие банки, их капитал подвергся паническим выплатам по вкладам населения. Напрасно предлагала Европа российским коллегам признать, что разразился кризис, и действовать сообразно обстоятельствам, правительство не соглашалось. В России нет опыта каяться и признавать ошибки. После мая иссякли последние доходы, крупнейшие нефтяные компании не дали и десятой доли налогов. Много повидавший МВФ и даже Джордж Сорос советовали срочно девальвировать рубль процентов на двадцать, но в ответ прозвучала знаменитая по страстному высокомерию реплика председателя Центрального банка.

— Плюньте в глаза тому, кто скажет, что рубль будет девальвирован!

Это успокоило легковых, и вновь ни на минуту не насторожило тех, кто вообще «не занимался политикой», полагая, что сама-то она никогда не займется ими.

Стояла душная летняя жара. На площади у Белого дома обжились в палатках бастующие воркутинские шахтеры, им провели воду, поставили туалеты, их поддерживали шахтеры Сибири и юга, их, загорающих на солнцепеке после полярных ночей, показывали в «Новостях» наравне с голодающими учителями, врачами «Скорой помощи», но денег в стране от этого не прибавлялось.

На ту встречу в Аникеевку Алекс взял с собой шесть человек. Встреча была непростая. Все были при оружии, к тому же, укрытые от случайного взгляда, имелись бронежилеты и защит-

ные шлемы. Съезд гостей в охотничий домик намечался на девятнадцать часов.

Весь этот день Алекс ловил настораживавшие волны и потряскивания, приходившие неизвестно откуда. С закрытыми глазами он, включив всю свою чувствительность, даже медленно поворачивался вокруг себя, стараясь определить хотя бы направление воздействия. Тщетно. К вечеру *это* усилилось, ощутимое, явное уже почти на глаз. Вокруг что-то происходило.

За легким ужином встречались двое. Алекс и Константин Второй. С некоторых пор их отношения натянулись, хотя дела у «Параскевы» шли в гору. И вместо того, чтобы сплотиться ввиду приближающегося кризиса, дыхание которого шевелило волосы на головах тех, кто владел информацией, Константин Второй затеял невнятную ссору, под которой горело его страстное желание стать губернатором.

Об этом и шла речь с глаза на глаз уже третий час.

— С твоей-то анкетой, Костя, ты засветишься на всю жизнь. Мало случаев?

— Тебе просто жалко для меня денег.

— Это будут выброшенные деньги. Мы помогаем местным кадрам, заинтересованным в наших делах. А сейчас это вообще действующий губернатор.

— Деньги не проигрывают.

— В конце концов, Константин, это не мои деньги. Я опекун. Поэтому я ставлю наверняка.

— Как хочешь. Я намерен участвовать и буду избран, а ты пожалеешь обо всем.

Второй поднялся. В лице его стояла тяжелая страшная решимость, обезображенная круговым шрамом на щеке.

После прощального рукопожатия они вышли на крыльцо, окруженное людьми того и другого. Молчание было полным. В темнеющем воздухе среди душного безветрия будто проскакивали искры, отдельные ветви кустов и деревьев начинали вдруг остро биться и трепетать, словно попадая в узкую ветряную струю. Опасность сгущалась с каждым мгновением.

«Да что происходит?», — брови Алекса подрагивали. Лицом к *тому* и его людям, они отошли к машине. Хлопнули дверцы, мотор взревел, в мгновение ока они исчезли за поворотом.

Беспокойство росло. Явственный гнет вкупе с предчувствиями давили на грудь и стучали в висках.

«Что происходит?»

Шальные лесные зигзаги остались за спиной, впереди лежала тихая полевая дорога на Опалиху. Поднимая густую завесу пыли, они помчались между созревающими полями ячменя.

И тут увидели причину. Она была черна, как сажа, и вся кипела как смола, она уже закрыла большую часть неба, невиданная доселе грозовая туча, вся в полыханиях зарниц и молний. Со стремительностью былинного Змия, несшегося по воздуху на дымных уродливых крыльях, туча росла прямо на них, с вихревыми гонцами понизу из пыли и сора. Ничего доброго это не предвещало.

— Андреич, глянь, что делается, — озаботился Грач. — Переждать бы.

В ту же минуту подал голос сидящий позади стрелок.

— Алекс, они тоже выехали. Догоняют.

Алекс взглянул на часы. По правилам вторая машина не могла покинуть места встречи ранее получаса. Прошло всего семь минут.

— Вперед, — негромко сказал он. — Не подпускать на выстрел. Изрешетят. Держать лобовое стекло и колеса на мушке. На всякий случай надеть шлемы и бронежилеты. Пристегнуться.

Расстояние между машинами сначала увеличилось, потом стало ровным. Так проскочили мимо Опалихи на Красногорское шоссе. И тут попали в объятия «Змия». Первых капель дождя не было, он обрушился внезапно, небывалый ураган с ливнем и градом, шквал, от которого машину стало водить по всему полотну; на своей скорости они даже чуть зависали над дорогой и снова плюхались на колеса.

— Пристегнуться.

Все исчезло в сплошном низвергающемся потоке, как в серой хлесткой стене, при непрерывном сполохе молний. Фары второй машины исчезающе-бледно просвечивали сзади. В салоне

заструилась вода, шоссе превратилось в бурный ручей. Самое время было бы переждать, свернуть на обочину, даже съехать передком в придорожную канаву, но *те* не отступались, решив, очевидно, что их намерениям благоприятствует именно такая погода. Расстояние сократилось до тридцати метров, стрелка спидометра дрожала около двухсот.

Грач с ужасом ждал поворота на Москву.

И вдруг в реве и грохоте, в сплошном, будто электросварка, свечении молний увидели они, как огромное дерево, дуб-великан, с отчаянно бьющимися ветвями, падает, падает прямо на них, в двенадцати метрах впереди, накренившись уже градусов на сорок пять.

— Жми! — вскричал Алекс, — ходу!

— Раздавит!!

— Жми, говорю! — гаркнул он.

Перед деревом он заметил столб с проводами, сопротивление которых, — мезон-момент! — могло спасти их.

Они проскочили. Рухнувший позади дуб задел машину тяжелым суком, отчего джип перевернуло, как скорлупку, отбросило и закрутило на крыше колесами вверх. Сработали противоклины, распахнув дверцы, словно горох, посыпались стекла. В тот же миг за упавшей ветвистой преградой раздался взрыв. Для второй машины все было кончено.

Смерч, пронесшийся над Москвой в ту ночь, натворил такое, подобное которому не мог припомнить никто! Город стал похож на место падения тунгусского метеорита. Во дворах, в парках, поперек дорог лежали вековые деревья с упругой свежей листвой, вывороченные с корнями и землей, другие стояли обломанные, расщепленные надвое, натрое, иные повисли на ветвях своих соседей, повсюду громоздились горы валежника, мусора, тополиных грязных пуховиков, песка и смывтой почвы. Пострадали кровли домов, оконные стекла, электрохозяйство. Новенькая крыша на Большом театре взъерошилась, как чешуя на динозавре.

В первую очередь растерянное московское Правительство укорило метеорологов за отсутствие «штормового предупрежде-

ния», после чего в их сводках загулял «шквалистый ветер», потом кинуло боевой клич дровосекам из слесарей. В городе завизжали электропилы.

На Семена Семеновича стихийное бедствие произвело убийственное впечатление. Лишь накануне он приехал с дачи, чтобы пожить в городских удобствах до самого чемпионата. На отставном майоре уже красовалась белая майка с нарисованным футбольным мячом и датой 1998, загодя купленная супругой, голову прикрывала старая сетчатая шляпа. Викентий Матвеевич был тоже в Москве, как спортивный лидер округа. Он был одет в синюю тенниску, заправленную в серые шорты, и яркую кепочку с длинным козырьком. Загорел он за это время так, что со своей сединой стал похож на фотонегатив.

— Ты-то что печалишься, Семен Семенович? Смерча испугался? — удивлялся он, пробираясь вместе с другом среди лежащих зеленых исполинов наутро после бури. — Стихия слепа, для нее неважно, что там на пути, город или пустыня. Главное, жертв нет, а мусор убрать, деревца посадить недолго. Не горюй, лучше прежнего будет.

Лично его даже бодрил этот молодецкий выплеск силушки, наворотившей ни с того, ни с сего такой бурелом.

— Ты не знаешь, Викентий, и никто не знает... — сокрушенно вздыхал майор, доставая из кармана затертый носовой платок, — эх, беда, беда неминуемая...

Ему было жарко в прохладный ветреный день. Сна и покоя лишила его догадка о причине разгула стихии над Москвой. Как ее растолкуешь? Засмеют.

Первая часть сокрушившей его нынешней догадки уходила в прошлое. Лет сорок назад он читал дневник немецкого танкового генерала Гудериана, бригада которого была остановлена под самой Москвой зимой сорок первого года. С удивлением отмечал тогда противник, что, несмотря на близость русской столицы, уже видимой в полевой бинокль, его танки словно уперлись в невидимую прозрачную стену, стоявшую вокруг Москвы. Ничто не могло пробить ее.

Читая об этом, молодой лейтенант Семен Колыванов со знанием дела покивал головой.

— Это Родина-мать стояла стеной, потому что моральный дух народа был высок, как никогда. Шутка ли, Москва за нами!

Вторую часть довелось услышать этой весной от друга-товарища из Специального строительного управления при Министерстве обороны. Они сидели у того в кабинете, наказав секретарше не беспокоить их звонками.

— Американцы смеются над нами, Семен, — чуть не плача, говорил старый друг. — Вы, говорят, разорили свою великую страну согласно тайному плану Даллеса и Бжезинского. «Мы, — обещали те, — за одно поколение покончим с крепостью русской нации, с ее знаменитой духовностью, и так растлим русскую молодежь, искадим ее сознание, что родина станет им ненавистна, и они разрушат ее от стыда и позора, от чувства неполноценности и самоуничужения перед Америкой и Европой. Русская нация перестанет существовать вообще».

«Вот что случилось с нами, доверчивыми, — не находил места старый защитник отечества. — Родина-мать, стена нерушимая, отвернулась от нас, вероломных. Вот о чем смерч-то ревел, а мы, как дети неразумные, опять ничему не внемлем.

Куда пойти теперь солдату,
Кому нести печаль свою?

— и снова вздыхал, и качал головой. — Никому, никому. Скажут, чудись, старик, болтаешь курам на смех».

— Да ты что как в воду опущенный? — тормозил его Викентий Матвеевич, — какова на твой взгляд обстановочка в стране? Давай обсудим.

— Плохая, — нехотя отвечал майор, — хуже не бывает. Так оно и было.

Тридцать пять областей были охвачены засухой, в других пылали забастовки. Словно пожарная команда, члены правительства мотались по стране, пытаясь стащить шахтеров с рельсов, отправить в отпуск учителей, вернуть больным врачей «Скорой помощи». Другая часть правительства боролись за иностранные займы и собираемость налогов. Доходность ГКО достигла ста процентов, поглощая по пять миллиардов долларов в месяц. До-

ходы иссякли нацело, акции Газпрома и Лукойла дешевели со скоростью горящих путевок. Напрасно грозили богатым и несознательным самыми страшными карами, напрасно пытались экономить на спичках — слово *дефолт* уже обозначилось. Оно появилось в газетных и журнальных финансовых изданиях в виде раздумчивых предположений, за которыми проглядывали лихорадочные поиски выхода. Доходность ГКО скакнула до немыслимых ста двадцати процентов, до ста сорока... «Русская рулетка» — ужаснулись иностранцы. Из-за рубежа, из-за океана уже не раздавались указующие окрики и советы, там устали от игры в демократию, реформы, семерки и восьмерки, от бесконечной потери денег в этой непредсказуемой стране. Теперь их устраивал любой режим, который обеспечит возврат капиталов и ракетную безопасность.

— Это ваша страна, — развели они руками и вытерли пот со лба. — У нас нет ответов на вопросы, которые вы должны решать сами.

Семен Семенович мрачно торжествовал.

— Забирайте назад свою заморскую невесту, нашим женихам она не по нраву.

Так говорил он еще три дня назад. Сегодня кроме «хуже не бывает» от него не удалось услышать ничего. Викентий Матвеевич заметил на лице его сеточку красных сосудиков, помаргивание, общую мрачность и полный упадок душевных сил.

— Тебе нехорошо, Семен Семенович? Выпей таблетку. Давай сядем-посидим, слава богу, пней и бревен вокруг навалом, — он засмеялся и с удовольствием сел на толстенный, охвата в полтора, ствол светлого тополя, уже очищенного от ветвей.

Со стоном опустился рядом и его спутник. Они помолчали, созерцая кипучую суету лесорубов. Вокруг останавливались мамы с детишками, пенсионеры, собачники. Всех занимали последствия разгула стихии, вывороченные древесные корни, запах земли и листвы, оказавшейся вдруг на земле под ногами, у каждого москвича было что рассказать о вчерашних переживаниях.

— Смотри-ка, Семен, — поделился Викентий Матвеевич. — Не все деревья упали, но лишь те, что были с гнильцой в се-

редке или корнях. Смотри, смотри! На вид могучие, не хуже других, а проверку-то не выдержали, повалились.

— Да? — майор повеселел. — На тех-то негодяев, что страну разорили, напустить бы такой ураган. Рыба тухнет с головы.

Они плавно перешли к политике.

— Будет, будет ураган, кризис приближается, — вздохнул Викентий Матвеевич. — Все кривые как сломались вдруг, одни отвесно падают вниз, другие летят вверх... Нехорошо.

— Что будет-то, Викентий Матвеевич? Повалимся, как те деревья. А народ-то, смотри, забавляется, ни о чем и не думает, — голос майора был нервен.

— Это самое странное, — подхватил Викентий Матвеевич, — Никому не интересно! Им кажется, что раз нет у них долларов, то и беспокоиться не о чем. Как раз наоборот! Пострадает-то рубль, а не доллар.

— А и думай, не думай, делать-то что? — Семен Семенович повернулся к нему. — Делать-то, делать? Чем спастись? У меня семья, дети, внуки, всем из военной пенсии помогаю. Научи меня, Викентий. Я что-то совсем раскис, ни одно лекарство не помогает.

— Не убивайся, Семен Семенович, переживем. Деньги с книжки срочно снять, доллары эти подлые купить, засунуть в чулок и спрятать подальше, чтобы не нашли. Помнишь: «храните деньги в банке, а банку в огороде». Больше ничего и не остается.

— Уже спрятано.

— Ну и все. В первый раз, что ли? Как народ, так и мы, авось не пропадем. Мы на своей земле, Семен Семенович.

Тот снова достал платок и вытер лицо. Посмотрел на поваленный тополь под собою, поковырял пальцем серый ствол, растер в ладонях, поднес к лицу.

— Свежестью пахнет. Хороша жизнь-то, Викентий, ах, хороша! Только эти олигархи дурят нашего брата, как хотят.

— Не говори.

— Когда, на твой взгляд, все начнется?

— Каркать не буду, но все плохое у нас случается в августе. Где-то в середине объявят дефолт и отменят ГКО. Доллар взле-

тит, цены за ним. Я говорил с Валентиной, она согласна со мною. Предупрежден — значит, вооружен.

— А дальше?

— Грустно быть пророком, Семен Семенович, сам видишь, что делается. Откуда денег брать? Старикам, как всегда, будет туже всех... — Викентий Матвеевич посмотрел вокруг, на оживленный сквер, на молодых женщин с детишками, на сидящих пенсионеров. — Почему все так спокойны? Мне даже не по себе.

— Отвыкли думать. Раньше государству доверяли, теперь телевизору. Веруют и блаженны.

— Вера и доверие — разные вещи. Лишь доверие подразумевает проверку, — сказал Викентий Матвеевич.

— Зато с верой спокойнее.

— Верно.

Оба усмехнулись.

Они сидели, поглядывая вокруг. Огромные, отпиленные от бревен обрубки, как прикинули друзья, впрямую годились в мясные лавки, остальные дровишки увозились на машинах неизвестно куда, но тоже, надо думать, на чью-то пользу. Расходиться не хотелось.

— Как жена? — нежно спросил Семен Семенович.

— Анечка в отпуске, на даче. Звонила сегодня по мобильному, ничего, обошлось с ураганом. Интересно: в отпуск проводили, а отпускных ни копейки не дали. Гуляй, как знаешь!

— Как же вы крутитесь?

— Да так, — Викентий Матвеевич неловко усмехнулся. — У девочек там и кухарка, и гувернантка. Поселок дачный, без медпункта. Анечка всем вместо доктора.

— Как все унижены, Викентий Матвеевич! Врач, драгоценный специалист, без копейки денег! Когда так было? — майор заморгал и вновь полез за платком.

— Не начинай, Семен Семенович, тебе вредно. Пойдем на пруды, полюбуемся. Уток заодно покормим, у меня булка с собой.

— Так ведь обидно! За державу, как говорится.

Шли недели. Наступил июль.

И тут над всей планетой разразился Чемпионат мира по футболу.

Махнув рукой: «Черт побери все!», Россия принялась наслаждаться мировым футболом. Го-о-ол! Объеденье! Го-о-ол! Бразилия, Англия, Италия... Го-о-ол! Сколько всего сразу! И то, и другое, каждый вечер! А единственный мяч, пропущенный на последней секунде Парагваем, и то, как молча стояли игроки вокруг плачущего вратаря, «отца» команды... А серии заключительных пенальти, это безмерное одиночество вратаря в воротах! А болельщики, их дивная детская радость! И что за античная мощь в этих современных футбольных трагедиях, разрывающих сердца зрителей на переполненных стадионах! Неужели столь суетлива и мелка наша жизнь, что жаждешь забыть ее во взрывах искусственных страстей? А победа французской команды в финале над бразильцами! Она стала для Франции праздником, сплотившим нацию в единую душу. После бесславных поражений в мировой войне и серенького полувекового прозябания страна вновь стала великой нацией, полной свежести и готовности к мировым свершениям. Viva, прекрасная Франция!

Ах, как нужна нам в России такая же блистательная победа!

После Чемпионата Алекс с сыновьями покинул Францию и переехал в Кембридж. Держался он молодцом. Растянутая лодыжка болезненно горела под утягивающими бинтами, отдавая болью при каждом шаге, на левой кисти тоже красовался толстый бинт. Но подобные раны лишь украшают мужчину. Сыновья после первых же слов рассказывали знакомым, что отец попал в аварию во время ужасного смерча, «от которого погибло много-много автогонщиков».

Всей семьей они сняли частный дом в пригороде университетской столицы, купили автомобиль. С поступлением в старейшее учебное заведение сложностей не возникло, ребята были подготовлены много лучше других. Лишь мелкие странности «русского менталитета» удивили приемную комиссию при вольном собеседовании. Так, на просьбу описать свои хорошие и пло-

хие качества, разделив лист бумаги пополам, русские юноши почти ничего не сказали о себе хорошего, зато недостатков насыпали столько, что хватило бы на всех студентов сразу. Достоевщина, да и только! Ровесники из других стран поступили с точностью наоборот.

Из трех братьев англичанам понравился Сила, младший.

— Что ты хочешь от жизни, к чему стремишься? — спросили его.

— Я хочу успеха и денег, — ответил он.

— А познавать себя, познать мир вокруг?

— Сейчас мне этого не нужно, сэр, — твердо ответил юноша.

Ольга осталась с детьми на все время учебы. Матерью, но не домохозяйкой, отнюдь нет! Она надеялась перевести в Англию часть своего бизнеса или открыть здесь новый.

Алекс открыл им счет в солидном банке под скромные, но твердые проценты. Его семья должна быть обеспечена не хуже других.

На рынках во всю продавали клубнику, а у Шурочки она поспела еще в прошлом месяце, раньше всех. Новая рассада, голландская технология сработали в ее хозяйстве как на заказ. Тридцать корзиночек по оптовой цене купило «Заречье», остальную мать за три дня продала на базаре в Тайнинке. Это была ощутимая выгода.

А счастья не было. Второй мужчина срывался, как незадавшийся клиент в газетной рекламе.

...Жара не спадала. Постукивая каблучками, Шурочка вошла в прохладные покои туристического агентства, полная смешливого любопытства. Ну-ка, ну-ка, пусть-ка на нее поработают! Ей нужна путевка в Париж дней на десять-пятнадцать. Да-да, путевка во Францию, в хороший отель, с рестораном и прочими радостями должна быть у нее в кармане, но полную стоимость она, разумеется, выкладывать не собирается. На то и бартер, чтобы ездить по заграницам за третью часть их цены, в обмен на две-три публикации в газете о парижских удовольствиях,

которыми осыплет туристов туроператор «Стрела амура». Достопримечательности мировой столицы не заботили Шурочку. Она ехала в Ля Бурже к Игорю. Он, естественно, об этом и не догадывался, но этого и не требовалось, Шурочка... нет, столь далеко ее уверенность не простиралась. Более того, она старалась не думать о том, что может произойти, задвигала предчувствие в самые потаенные уголки.

Несколько свиданий, эти ночные пожары, полыхали в крови третью неделю. Те ночи они проводили в его машине, тоже в чаще леса. Это было «обалденное» удовлетворение, они были сильны и молчаливы, как тигры. Всего несколько встреч! Шурочка только-только поняла его, ах, как поняла!...только раскрылась сама, ах, как раскрылась!... и все, время кончилось. Полеты, доводка, подготовка, будь они неладны! С тех пор она словно сошла с ума. Все вокруг горело безумием, имя которому Игорь. Видимо, и сама она светилась таким излучением, что встречные мужчины вздрагивали и замирали на месте.

— Я б вам отдался, девушка!

И лишь Игорь не появлялся, даже не звонил. Она злилась, звонила сама в Жуковский, передавала приветы, наказы... пустое. Она уже ничего не могла сделать. Не ехать же туда! Она бы и решилась, да... В общем, возлюбленный ускользал.

Отстучав каблучками путь до стола генерального директора, Шурочка опустилась на стул и подала визитную карточку. Медно-рыжие кудри под золотой сеточкой и желто-зеленые узоры платья делало ее похожей на драгоценную ящерицу.

— Чем могу быть полезен вам лично и газете «Городская новь»? — взглянув на ее визитку, улыбнулся молодой мужчина, тоже рыжий, но светлее, чем она, похожий на известного политика.

Ядреная самочья прелесть, исходящая от нее, ударила и в него тоже, как волна. Он даже поправился на стуле.

— Мне лично, — подчеркнула Шурочка и поправила зеленую оборку на груди. Его взгляд с неизбежностью скользнул туда же. — Мне нужна путевка в Париж на две недели. На бартер. Одна путевка в обмен на ... четыре публикации в газете.

— Мы не размещаемся в газетах, очаровательная Александра Никаноровна, — снова взглянув на ее визитку, сказал он. — Лучше всего на нас работает телевидение. Видели наш ролик?

— У вас прекрасная реклама, — она в самом деле видела ее, потому и обратилась именно к ним. — Но «Городская новь» — газета Московского Правительства и мэрии, ее читают все чиновники столицы. Если разместиться подряд четыре раза — увидите, сколько будет звонков и туристов.

Шурочке необходима была путевка, за которую ей лично не надо было платить больше тридцати процентов наличными, как делается в газете в случае бартера, а будет толк от публикации или нет, ее уже не касалось. Гори он огнем, этот «политик», похожий на другого политика!

— Одна путевка или две? — тая свою мысль, спросил директор.

— Одна, — вызывающе ответила Шурочка.

— После двадцатого июля подойдет?

— Почему не раньше?

— Во Франции чемпионат мира по футболу. Все продано еще зимой.

Она этого не знала. Игорь говорил, что улетает в июле и все.

— Согласна, — решила она. — Составляем договор?

— Да. Попробуем вашу газету, — он повернулся к сотруднику, сидящему у окна. — Дима! Выпиши одну путевку в Париж с двадцатого июля.

— У нас только с двадцать первого.

— С двадцать первого. И проведи инструктаж.

Шурочка с достоинством пересела к другому столу.

— Не забудьте об осторожности, — тихонько заговорил молоденький клерк, заполняя красочный буклет под названием «путевка». — Во Франции вас оценят, вот увидите, что начнется вокруг вас, там вы сможете вкусить все радости жизни, поэтому... шу-шу-шу, шу-шу-шу, вы меня понимаете? Счастливого отдыха!

Через несколько дней, безучастная, как лунатик, она сидела в самолете, слушая внутреннюю тревогу. Оживилась, лишь когда

стюардесса подала белое вино. Выпила залпом, попросила еще. Группа подобралась подготовленная, на губах шелестели имена великих художников, музеев и дворцов, из рук в руки перелетали альбомы, каталоги, путеводители. В Париже она окинула уважительным взглядом отель, ресторан, бассейн.

— Как проехать в Ля Бурже? — поинтересовалась у гида.

Он объяснил. Уточнив у портье, она тщательно записала и наутро уже сидела в автобусе. Волнение сжимало ее. Игорь, Игорь... Все же чистые, красочные пригороды, виноградники, огороды, опрятные фермы, загородные виллы с цветниками не остались незамеченными ею, она разглядывала их поверх своего волнения, с жадностью и знанием дела. Живут же люди!

Авиасалон открылся накануне. Она не опоздала. Серое летное поле издали предварялось высокими флагами стран-участниц. Их яркие полотнища полоскались в волнах теплого ветра под солнцем, светившим из голубизны, тоже украшенной мелкими облачками, белыми, кудрявыми, словно выпущенными для оживления места событий. «Если бы на каждое да по рекламному щиту», — усмехнулась она и тут же увидела ее, вездесущую рекламу, прямо на зеленой траве, в виде ковриков для уставших стоять на ногах, и над головой на воздушных шарах, и на майках, бейсболках, козырьках посетителей, на всех напитках, закусках, темных очках, разных мелочах, которые продавались на каждом шагу, даже на хорошеньких урнах для мусора — всемирно известные фирмы и корпорации, ни разу не давшие заработать ей, Шурочке. DAEWOO, Pepsi, Motorola, COLA, Kodak, STIMOROL... На широкой автомобильной стоянке пестрели автомобили со всего мира, автобусы подвозили и подвозили зрителей.

Общий парад участников закончился вчера, сегодня шли выступления каждой страны. В воздухе проносились легкие самолеты, зависали, кувыркались, устремлялись на зрителей с грозным ревом и плавно взлетали «в гору», блеснув крыльями. Неподалеку у летного поля стояли сквозные голубые домики, с легкими белыми перегородками. Каждый из них принадлежал своей летной компании. Шурочка направилась к российскому.

Пророчество московского служащего сбывалось на глазах. Пока она шла по газону, вертя в пальцах солнцезащитный зонтик, отчего над ее плечами словно крутилась цветная карусель, все встречные мужчины смотрели на нее как на диву и даже аплодировали. Пришлось подтянуться, сделать задорное лицо, егзлившую походку, раскачивать на ходу пышную короткую юбку. Это добавило *шарма* и напитало отвагой перед тем, что предстояло через несколько минут.

К российскому павильону она подошла почти спокойной.

Внутри него находились мужчины в белых рубашках, галстуках, светло-голубых форменных брюках, на их рукавах и нагрудных карманчиках виднелись значки и нашивки. Один из них стоял на пороге, в холодке и сквознячке, за его плечами виднелся проход на летное поле.

— Мне нужен Игорь Стрельцов, — сказала она после приветствия.

— Кто вы? — как и все, он окинул ее остро-внимательным взглядом.

— Знакомая. Из Москвы. Можно к нему пройти?

— Исключено. Завтра его полет, он занят под завязку, — мужчина взглянул на нее, подумал. — Сейчас попытаюсь, авось отзовется, — он связался по мобильному телефону. — Игорь! Тебя тут спрашивают. Дама... О-о, весьма!... Сейчас будет, подождите.

Игорь подъехал на низком велосипеде, потемневший от загара, с посветлевшими усами и бровями, одетый в синий комбинезон с теми же значками и нашивками, что у других.

— Ты? Откуда? — настороженно удивился он.

Все ее великолепие улетучилось вместе с уверенностью.

— А я на экскурсии в Париже. Вот, захала попроведать соотечественника. Ты что, не рад?

— Напрасно ты это сделала.

— Почему напрасно?

— Сейчас не до того. Завтра полет.

— Завтра... А потом?

— Что потом?

— Ну... вообще?

— И вообще не до того.

Они медленно шли в сторону автобусов. Под теплым ветром блестела порывами короткая густая трава, белела такая же, как у нас, мелкая кашка, пахло полями, под шагами взлетали синие мотыльки. Игорь вел за руль велосипед одной рукой, на загоревшей коже светлели волоски. Шурочка отвела глаза.

— Скажи что-нибудь, — собрав остатки надменности, проговорила она с тайной мукой.

Он молчал.

— Ты бросаешь меня? Почему? — злые вихри уже захлестывали ее. — Разве тебе было плохо со мной?

— Ты приносишь несчастье.

— Я?! Да пошел ты... Со своей образиной, что ли, будешь счастлив?

— Какой образиной? — невольно спросил он.

— Той самой, Ладой твоей. У нее на лице знаешь, что было? Насилу убрали.

Он вздрогнул. Дальний звон словно пронесся и улетел ввысь. Все сошлось.

Рывком развернув велосипед в обратную сторону, он крутанул педаль и вскочил в седло.

— Игорь! — взмолилась Шурочка. — Я тебя люблю. Не уходи.

— Ты дрянь. Ах, какая ты дрянь!

Он уже ехал прочь. Она звонко расхохоталась.

— Давай-давай, крути-наяривай, — Шурочка, наконец-то, дала волю всему, что бушевало в крови. — Целуйся со своей уродкой! Давай-давай! Ха-ха! Давай,

И прибавила по-русски такое, что даже он, мужчина, оглянулся через плечо и вильнул колесом.

Размашистым страстным шагом она заспешила к автобусам, не забывая раскачивать юбку.

— О-ля-ля! — кричали ей. — Bravo!

Склонившись над гладильной доской, Лада утюжила концертное платье. После первого конкурса из девяти человек оста-

лось трое самых сильных, все женщины. Молодой скрипач, вторая скрипка, намекнул ей, что выбор дирижера склоняется к ней. За это время оркестр уезжал на гастроли в Испанию и Бельгию. Теперь вернулся. Завтра предстояло играть с оркестром. Потом музыкальный коллектив снова выезжает на гастроли, и если она пройдет, то поедет с ними. Концертное турне по городам Волги.

Лада старалась не думать об этом, даже включила телевизор, уменьшив звук до полного молчания. Солнечный свет из открытого окна падал на экран, затмевая изображение. Лада задернула занавеску и вернулась к утюгу. Закончила платье, повесила на плечики и принялась было за другое, летнее, цветастое, из жатого ситца, когда случайно взглянула на экран..

«Авиасалон в Ля Бурже», — виднелась молчаливая надпись.

Она поскорей включила звук.

-...новый истребитель, которому нет равных в мире. Интерес к нему огромен. Впервые на глазах у зрителей машина поднимется в воздух и выполнит сложнейшую программу высшего пилотажа. В кабине летчик-испытатель высшего класса Игорь Стрельцов.

Мелькнуло зеленое поле с шестами-флагами, цветные павильоны, зрители, рассыпавшиеся вдоль летного поля. Вдали по серому покрытию пронесся самолет, взревели моторы, и вот уже весь обзор заполнила голубизна, мелкие белые облачка и самолет с длинным, точно у гуся, вытянутым носом, отведенными назад крыльями. Вон, вон в кабине отсвечивает шлем пилота. Она уже видела подобное, когда смотрела репортаж из Дубаи.

Самолет завис вертикально.

— «Кобра»! — воскликнул диктор. — «Кобра», гвоздь программы! Но почему не убраны шасси? Или это новое исполнение? Самолет закончил фигуру, перевернулся, летит вниз... Что случилось?

Болтаясь и крутясь, самолет несся к земле. Видно было, как разбегаются люди.

— Восемьсот метров, семьсот... Это падение! Почему он не катапультируется? Шестьсот, пятьсот... неужели? Почему он

медлит? Катастрофа неминуема. Двести, сто пятьдесят метров... Это конец.

— Нет! — Лада упала на колени с протянутыми руками. — Нет!

Необыкновенная ясность вспышкой озарила ее. Словно в алмазном кристалле увидела она, как истребитель вывернулся у самой земли, взмыл вверх, выровнялся и ушел на посадку. Диктор что-то кричал, видно было, как к самолету бегут журналисты, как Игорь, прыгнув, без шлема, молча уходит по серому полю.

Отключив все, уют и телевизор, она уселась с ногами в кресло. Что это было? Похожее иногда происходит во сне и всегда исчезает до пробуждения. Игорь... его она не забыла, хотя никогда, никогда уже не мечтала о встрече. То, что произошло сейчас, невозможно объяснить, она лишь пытается взрастить, войти в тот миг ясности, что соединил ее с молниеносными событиями в Ля Бурже.

Длинный междугородный звонок заставил ее вскочить с кресла.

— Лада! Здравствуй. Я звоню из Ля Бурже.

— Добрый день, Игорь.

— Лада, родная! Ты спасла меня. Я увидел тебя, увидел над самой землей, я уже траву различал! Ты спасла меня.

— Почему это случилось?

— Ночью кто-то побывал в кабине, сорвал тормоз. Конкуренция, не хотят допускать... Лада! Нам надо поговорить.

— Рада, что все обошлось. До свидания.

— Лада!

В Париже стояла жара. Она опускалась на город вскоре после восхода и заливала улицы ярким жаром. Тридцать пять, сорок градусов ежедневно! Сами парижане спасались в отпусках на морских побережьях, но тротуары не пустели. Несмотря на зной, красивая толпа по-прежнему колыхалась на Монмартре и Елисейских полях, люди сидели за столиками с мороженым и прохладительным, молодежь купалась в фонтанах, музеи были полны туристов.

Московская группа тоже не сидела, сложа руки. Вернувшись из Лувра и Версаля, и отдышавшись в овеваемых кондиционером номерах отеля, туристы отправлялись в Нотр Дам, подземные катакомбы или еще куда-нибудь. Время было расплывчато по минутам.

Шурочке было скучно. На второй же день после ужасного свидания ей захотелось домой. Она плохо спала, была нервозна, даже зля, ее раздражали умные разговоры об искусстве, которые велись за столом и в номере. В крови с новой силой бушевал молодой огонь. Ей казалось, что все лицемерят, что все хотят лишь одного, «того самого», особенно незамужние. Чего еще-то?

Как-то раз, проскучав в одиночестве большую часть душевного дня, она надела купальный костюм и спустилась к бассейну. Освежиться. Он был устроен в виде огромного сердца и наполнен прозрачной, чуть струящейся водой, подсвеченной розовыми подводными лучами. Его огибала золотая кайма, прерываемая бирюзовыми ступеньками, уходившими в воду. В середине водоема красовался островок в виде лилии, на каждом лепестке которой мог поместиться один человек. Вокруг бассейна стояли низкие мраморные скамьи, чуть поодаль, в глубине светился бутылками бар. На скамьях сидели мужчины.

Мужчины, мужчины, их везде так много!

Шурочка оробела. Как у них принято? Не опозориться бы. Присев с краю, стала ждать, чтобы кто-то показал пример. Дождалась. Дама в короткой тунике вышла к бортику, сбросила легкое одеяние, оставшись в двух блестящих полосочках, спустилась в воду и лениво поплавала несколько минут, за что удостоилась веселых аплодисментов.

— О-ля-ля!

Шурочке она показалась тощей и костлявой, точно ошипанная курица, без верха и низа, одни блески. «Олухи, — хмыкнула она. — Ужо я вам покажу». Смелость вернулась сторицей. С улыбкой красавицы из Тайнинки, теперь уже она приблизилась к бортику, попробовала воду белой ножкой с накрашенными ногтями. Потом медленно развязала халатик, обнажилась и, словно богиня, сошла по ступенькам в прохладные струи, оберегая от

влаги медно-рыжие кудри. Подплыла к лилии и улеглась на один из лепестков, опершись на белую ручку. О-ля-ля! Знай наших!

Бултых! — во все стороны полетели прозрачные брызги. В воду прыгнул мужчина и вмиг очутился возле островка, молодой, носатый, с черной порослью на груди.

— Бонжур! — радостно улыбнулся он из воды.

— Здрасьте, — смешливо ответила она, показав мелкие белые зубки.

— О, по-русски! — воскликнул он, взбираясь на соседний лепесток. — Меня зовут Тома. Я изучаю русскую литературу в Сорбонне. Рад познакомиться.

— Очень приятно, — Шура шевельнула ножкой, — Александра, Шура.

Она приняла еще более рискованную позу, увидев в его глазах, что все можно.

— И какие же наши писатели вам нравятся? — спросила, покачивая подбородок на белом кулачке.

Он махнул рукой.

— Моя тема — пролетарские поэты двадцатых годов, они малоизвестны, держу пари, вы о них не слыхали, — его акцент был забавен, как лепет ребенка.

Он придвинулся ближе.

— Вы одна?

— С группой.

— Где же группа?

— В Лувре.

— А что же вы?

— Я уже была. А вы... парижанин?

— Я снимаю квартиру. Мои родители живут в пригороде, мы владеем землей и выращиваем на продажу овощи и цветы.

— Как цветы?

Шурочка так и села от неожиданности.

Он радостно улыбнулся.

— Вы тоже? У вас грунт или теплица?

К бирюзовым ступенькам они вернулись полными друзьями. Потом перекусили в баре и долго гуляли по улицам, по вечернему Парижу, в веселой толчее, среди мигающих разноцвет-

ных огней, опять что-то ели, пили и целовались прямо посреди улицы. На другой день он пригласил ее к себе, в однокомнатную квартиру, «студио», где спальня, столовая, кухня и даже ванная присутствовали одновременно. Выгнутые решетки тесного, в два шага, но полного цветов, балкона выходили на мощеную улицу с обшарпанными домами, увитыми плющом и виноградом. Центр города был не близко, но у Тома был свой жучок-автомобильчик, зеленый разрисованный «рено» как раз на двоих.

И здесь, вдали от всего привычного и надоевшего, началась восхитительная экскурсия Шурочки во французский «*art-amour*», роскошное любовное служение женщине, игры и ласки великой школы, сладостные уроки французского друга. А его... его она воспламеняла распаленной и неумной русской страстностью, ночи напролет, с глотком вина в перерывах, но ни-ког-да! — тут Шурочка была строга и целомудренна, — никогда при свете дня!

Игорь если и вспоминался, то мстительно и с насмешкой, она просто перекинула, как бывает в юности, любовное покрывало с одной головы на другую. Зачем эти вечные трагедии?

Как истинный кавалер, Тома приглашал ее и в театр, и даже в ресторан, но Шурочка боялась своего застольного неумения и отказывалась. Страх опозорится перед иностранцами вообще доводит наших соотечественников до обморока, из-за него наши люди или вовсе отказываются от увеселений, или впадают в крайности излишеств и купеческого разгула. Поэтому Шурочка питалась в отеле, среди своих, где, кстати, было за все заплачено. И все же она немножко оконфузилась в кафе, куда ее затащил Тома. Седой скрипач с пышными бакенбардами, узнав, где ее родина, стал исполнять «Калинку» возле их столика, и, не зная, как вести себя в этом случае, Шурочка вежливо поднялась и немножко сплясала для всех, повода плечами. О, что тут поднялось!

Излишне упоминать, что она вычистила до блеска странную «студио», но главное, она далеко упрятала свою стервозность, была проста, мила и заботлива. Она даже побаловала Тома борщом и голубцами в сметане. Тот был счастлив. В один из дней он привез ее к родителям. Она вошла в прекрасный двухэтажный дом с верандами и мансардой, полный красивых вещей, с низкими цветочными вазами на ступеньках, с винным погребком. Ей

показали хозяйство с «европейской технологией». Намеками, не раскрываясь, она дала понять, что знает в этом толк и владеет таким же.

Тома со страхом ожидал окончания ее путевки.

— Мы поженимся в России, — мечтал он. — В начале августа я приеду в Новгород на Славянскую конференцию и увезу тебя в белой фате.

Она вздыхала от счастья. Если бы знал доверчивый Тома, какие исследования его личности, вкусов и привычек, склонностей и привязанностей, даже границы, до которой он уступает, предприняла она за это короткое время среди утех и поцелуев! — он был бы поражен их точностью. Третий мужчина не должен был сорваться. Обжегшись пару раз, Шурочка твердой рукой вела дело к венцу, не давая страсти ослепить себя.

В конце июля Алекс и Валентина появились на Селигере. Валдайское лето уже успело пропечь зеленый край ярким зноем, при котором на лесных опушках и вокруг полей покраснелась земляника, и от которого до самых глубоких придонных ключей прогрелись цепочки озер, и посечь грибным частым дождичком, при солнце и радугах, и даже возмутить спокойствие боковыми вихрями московского смерча, от которого полегло и благополучно поднялось нежно-зеленое поле льна, то самое, похожее на море полосами чуть разнящихся, светлых и темных, оттенков; в нем скоро добавился новый цвет, россыпь мелких голубеньких пятилистных в частых-частых рядках. Вершина лета отошла, припустили холодные дожди, еще не осенние, но упорные, затяжные. Приехав в ненастье, москвичи два первых дня гуляли под зонтами, жили без часовых стрелок в сумрачных длиннотах дня и просто отсыпались под объемный шорох дождевых капель по мокрой листве. Сверху лило, как из ведра, над озером висели низкие тучи, прекрасные виды затянуло туманом, и лишь хвойный бор на длинном мысу белёсо проглядывал с того берега сквозь надоевшую дождливую пелену. Шум всегда смирного озера казался неправдоподобно грозен, а волны его, косматые, желтые от песка, обрушивали на глыбовые завалы пирса ту

же непонятную для скромного водоема сердитую пенистую ярость.

«Глубина поднялась», — говорили местные.

Наконец, просветлело. Открылись лесистые увалы, над ними далеко и ровно повисли пухлые облака. Льняное поле постоянно-постояло под солнцем и отцвело. Деревенские готовились дергать лен и класть в валки, чтобы холодные августовские росы пали на них и превратили в волокнистое северное золото.

Но пока ночи стояли теплые. На западе раскаленно алел долгий закат, чуткое молчание дрожало над водой. Рассвет входил, как нечаянная радость. В блеске утра и ясного бледного неба над верхушками сосен, снизу доверху поросших сероватым мхом, весело проглядывали теплые солнечные лучи.

Они поселились в том же затерянном в лесах пансионате, что и в прошлом году, в двухэтажном коттедже. Алекс еще прихрамывал. В тот ураган он успел сгруппироваться при ударе и перевороте, но лодыжку все же растянул. После ураганной карусели вниз головой семь человек, словно раки, выползали на четвереньках из окон и дверей перевернутой машины, из-под добротной джиповой комплектации в виде сидений, ковриков, канISTR и всего прочего, которая завалила их с головой. Будто на стендовых испытаниях в условиях опрокидывания, на славу сработали пристяжные ремни и защитные шлемы. Они избежали, можно сказать, двух смертей сразу, и все же первое, что сделал почти каждый, выбравшийся из машины — ощупал лицо. Не порезано ли? В целом на круг оказались: один закрытый перелом предплечья, одно подозрение на трещину в позвоночнике, один вывих лодыжки и левой кисти, и бесчисленные ушибы спин, коленей и локтей. Сейчас Алекс терпеливо разрабатывал поврежденную стопу, заставлял себя играть в теннис, бегал по утрам, плавал на мыс и обратно.

Охраны на этажах, тех прошлогодних молчаливых стражей в камуфляже, почему-то не было, не попискивала круглосуточная связь, да и машин-иномарок не было видно. Лишь один-единственный раз появился Грач, с чем-то поздравил Алекса, и тоже уехал.

В остальном все было без изменений.

... Менялся сам Алекс. Здесь, на Селигере встретил он тридцать третий год своего рождения.

На некоторых людей возраст падает как приговор. Что ни говори, а лучшая половина жизни прожита. Что успел понять, насколько состоялся?

Алекс полюбил уединенные прогулки, поплавок в голубой ленивой воде. Раньше у него на это времени не было. В тихие часы утренней зорьки, когда сон еще объемлет оба берега, а по воде неслышно расходятся круги от играющей рыбы, далеко и неподвижно стояла на середине озера его низкая остроносая лодка с пеньком человеческой фигуры, едва заметная в легких туманах, влекущихся после растаявшей ночи. Рыбацкое счастье не баловало Алекса, ни разу не проявила интереса к его возвращению умная местная кошка.

— О чем ты думаешь, Алекс? — спрашивала Валентина по его возвращении.

— О себе, — не сразу отвечал он, покуривая сигару в кресле-качалке на светлой веранде второго этажа. — Посидишь в тишине на зорьке и, того и гляди, поменяешь мировоззрение...

Алекс уже поменял его. Он исподволь готовил Валентину.

Он уже не был президентом Компании. Это было громкое событие! Уход его встретил полное непонимание американских партнеров и совместного руководства, и он тоскливо готовился к неизбежным тупым вопросам.

— Вас пригласила другая Компания, мистер Мотовилов? Скажите ваши условия, и мы изыщем средства, втрое превышающие те, что предлагают наши конкуренты. Если, конечно, это не «Microsoft» Билла Гейтса.

— Нет, нет, — с вежливой улыбкой отвечал подтянутый, элегантный мистер Мотовилов, своим светлым умом так славно воплощавший Президента Компании. — Я вообще оставляю бизнес.

— О, так вы идете на государственную службу? Это другое дело! Очень уважаемо, очень престижно! В Америке многие поступают подобным образом. Это путь в сенаторы и даже... в президенты! Очень, очень осмотрительно, господин Мотовилов!

И только родные «лицейские» ребята, взрослые мужи, умудренные крутой, стремительной деловой жизнью, дорогие мальчишки, ближе и доверительнее которых не было у него в целом свете, молча обнялись с ним в кружок, голова к голове. Вечером в родном его доме, у матери, скромной учительницы немецкого языка, был вечер «Великого решения».

Пили и, конечно, пели Сергею Есенина.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне...

— Ты хоть в Переяславль-Залесский заскочи напоследок, Алекс, — говорили ребята. — Подузнай, что и как.

— Я уже был там. Наведаюсь еще разок.

В том заштатном городишке «быстрые разумом Невтоны» российские уже подключали пользователей к Интернету вне телефонных сетей. Это сулило новый взрыв интереса к WWW, прибыли и рекламную гонку (для Валентины).

— Еще споем? Вот эту:

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилица,
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной...

— Скажи, Алекс, у тебя есть... ну, не план, конечно, а хоть какие-то мысли о дальнейшей жизни?

— Когда я стану свободен, все получится само собой. Я, наконец-то, имею право быть один. Как пел когда-то Борис Гребенщиков:

«У меня есть Я,
И я хочу быть с Ним»

Ребята кивали. Конечно, Алекс обеспечил семью, и мать, и себя, он долго не позволял себе «ответить на зов». «Великое решение» состоялось. В добрый час!

— Давайте, ребята, последнюю песню, любимую. Где гитара?

Устал я жить в родном краю,
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

А месяц будет плыть и плыть,
Роня весла по озерам...
А Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

... Грач приезжал с победным известием об очередном успехе на выборах. Третий губернатор был поддержан и избран не

без помощи «Параскевы». Борьба шла грязная, нечестная, но спиртовые заводы и предприятия по нефтепереработке, на которые сразу клюнул прошлой осенью глава края, и которые с неукоснительной точностью поставил Роберт Кофман, уже давали продукцию, рабочие места и многие приятные для региона последствия. Во-вторых, расстарался и Виктор Селезнев. Алекс просмотрел запись его концерта. Очень неплохо!

... Вначале, разогревая публику, в главном концертном зале краевого центра, выступали сельские и городские самодеятельные ансамбли. Губернатор, крупный мужчина, твердая властная рука, сидел в первом ряду и вежливо хлопал всем. В зале виднелись сплоченные ряды и его соперников, местные воротилы. Телевидение снимало все подряд, до выборов оставались полторы недели.

И вот под самый конец, в заключение, в наивыгоднейшее концертное время, когда в памяти разгоряченного зрителя только и останется, что последнее выступление, на сцене поднялся еще один занавес. Два приятеля, одетые в камзолы восемнадцатого столетия, в париках, неспешно вышли из глубины. Старинным слогом и старомодной веселостью, подстроив реплики под местные события, они заговорили языком два века назад забытого «Бригадира», пьесы Фонвизина. Стало смешно. Зрители насторожились. Дальнейшие реплики шли под аплодисменты и сплошной хохот зала. И вдруг прокричал петух. Тут же разбойничий свист разорвал воздух, свист тот самый, Соловья-разбойника, когда « травушки-муравушки уплетаются, лазоревы цветочки осыпаются». А на зрителя, храпя и разбрасывая клочья пены, помчалась русская тройка, объемная, огромная! Вот это спецэффект! А ямщик-то кто? Батюшки, сам губернатор! за ними, вися, волочась, откатываясь — разбойники! И колокольцы-бубенцы, и песня, местная, знакомая до печенок, и вихрь танца вывернули душу, схватили за сердце. Эх, ты, удаль молодецкая, вековая-безоглядная...! Вдруг все стихло. По сцене, размышляя о делах района, вновь стали прогуливаться те двое в париках, а с ними и действующий губернатор края.

Успех был оглушительным. Зрители вскочили с мест, кричали, вызывали артистов. И губернатора.

Грачу тоже понравился тот концерт. Он видел его воочию.

— Потом его крутили чуть не каждый вечер, аж рекламы не хватало, кассеты продавали на каждом углу. А Витька носился по всему краю, как ястреб, показывал, зарабатывал. Удалой мужик! Всех забил. Жалко, на экране все бледнее, мельче как-то, в зале-то нас до костей пробрало. Талант! Что с ним делать, Андреич?

— Отпусти на все четыре стороны. Он себя показал, теперь его подхватят. Мало ли выборов впереди...

Грач молча смотрел на Алекса. Силен, спокоен, в чем-то уверен. Куда уходит?

— Давай прощаться, Алексей Андреевич. Мне будет не хватать тебя. Что-то понял я в тебе, доверие имею. Давай тебе бог!

Они обнялись.

— Счастливо оставаться, Василий Петрович. Еще встретимся. Гора с горой, как говорится...

— ... а человек с человеком всегда сойдется. Однако ведь и родство у нас с тобой имеется. Верушка-то моя вновь на сносях... Авось, сына дождусь.

— В добрый час.

Ягодный сезон почти отошел, начались грибы. В ближайшей деревне, пустоватой, опрятной, с резными наличниками, кружевными занавесками, цветами на подоконниках, для Валентины взялись засолить три ведра и засушить связку белых грибов.

— Черники не желаешь, дочка? Варенье будет ягодка к яголке. Для зрения помогает.

— Да, и варенье тоже. Как вам живется?

— Скучно. Только и света, что летом, когда вы все приезжаете. Из молодежи на зиму никто не остается, работы никакой. Старики одни. Так одиноко, так одиноко, и поговорить не с кем. Выйдешь на берег, снега, снега.

— А телевизор?

— От него только глаза болят. Человеку человек нужен.

Из этой деревни приносили к общей гостиной ягоды и свежую зелень, вкусный творог, пирожки и ватрушки, мужички предлагали горячих копченых угрей, щук, лещей и подлещиков.

Валентина отдыхала всей душой. Им было хорошо вдвоем. Их страсть достигла полноты, они словно взлетали, растворяясь друг в друге. Иногда, глядя на спящего Алекса, она ощущала себя неизмеримо старше него. «Это материнское»- отгоняла она. Ей хотелось быть просто любимой женщиной. Как он красив! Как соразмерен! Точно как царский сын, избранник!

О кризисе говорили много.

— Это будет очищение, — говорил Алекс, покачиваясь в кресле. — Первыми упадут крупные банки-паразиты, затем иностранцы. Так, Роберт Кофман наверное закроет представительство, а все совместные наработки останутся в России. Если делать все точно и жестко, без наглого воровства, наступит благоприятное время для отечественного производителя. Доллар подорожает и станет относительно недостижим, все расчеты вернутся к рублевому исчислению.

— А как же цены?

— Взлетят, разумеется, но не вдогонку, пониже.

— А народ?

— *Народ безмолвствует.* Мы так неистово наслаждались своими страхами и надеждами в течение двух-трех веков, что сейчас отдыхаем. Как только каждый ощутит самого себя на этой земле, все изменится в одну ночь. Ничто его не остановит.

Обнимая его, Валентина опустила руки ему на грудь, под рубашку, ниже.

— Что будет с рекламой?

Ей хотелось, чтобы он поработал и для нее тоже, прежде чем изменится настрой этой минуты.

Он повернул лицо, коснулся губами ее губ. Развел ее руки, вздохнул и поднялся.

— О делах поговорим на яхте. Оденься поскромнее, в платочек, длинную юбку. Мы плывем на дальний остров, через два водоема в ожерелье Селигера. В мужской монастырь.

— Ты им помогаешь?

— Им все помогают. Разруха несказанная. Поспеши, яхта на плаву.

Они спустились по влажной обрывающейся тропинке к пирсу. На воде, покачиваясь и отражаясь в волне полированными боками, стояло довольно крупное судно, напоминающее парусные гоночные суда прошлого века.

— «Улыбка», — прочитала Валентина. Она помнила ее с прошлого года. — Похожа на антиквариат, да, Алекс?

— Так оно и есть. Когда-то на подобной ей ходил страстный яхтсмен, знаменитый русский дипломат Горчаков, член всех европейских яхтклубов. А воспроизвел ее с точностью до деревянной заклепки его внук, Коля Горчаков, мой друг по МГИМО, тоже классный яхтсмен. Уже четвертый год, как он передал ее мне на пользование и бережное хранение до своих лучших времен. Классная посуда. Редкостное дерево, полировка, тщательность швейцарских мастеров.

Валентина с интересом выслушала его и промолчала. Под белым косым парусом, меняя галсы, они бесшумно и быстро заскользили по водной глади. По обеим сторонам то сходились, то расходились зеленые хвойные берега, поросшие светлой корабельной сосной.

— Кажется, я могу дополнить для тебя историю семьи Горчаковых, — проговорила она задумчиво, держась рукой за канат и глядя в небо.

— Каким образом? — удивился Алекс.

— Несколько дней назад моя сотрудница Агнесса, из дворянского рода Щербатовых, венчалась с Николаем Горчаковым в Елоховской церкви, после чего он увез ее в Швейцарию.

— Агнесса Щербатова? Мне известно это имя, — для Алекса в этом сообщении было несколько уровней сразу. — *Мой бедный Вертер* — Роберт Кофман! Он будет безутешен! Рад за Николая...

— Но вернемся к нашим баранам, — Валентина меняла тему. — Что будет с рекламой, Алекс?

Алекс сразу переменялся, в глазах появился тоскливый блеск.

— В посткризисной рекламе ничего хорошего ждать не приходится, — ровным голосом заговорил он. — Сократятся тиражи, почти исчезнет газетная подписка. Суди сама, какой интерес твоим клиентам вкладывать туда деньги? Зато могут остаться без присмотра целые участки, ныне принадлежащие крупным иностранным агентствам. Например, автомобили, связь. Особенно связь. Да твои щиты. Поэтому смотри в оба. Действуй быстро, агрессивно, поспеши, пока не поздно.

— Они вернутся?

— Без сомнений. Не те, так другие. Рынок-то бешеный. Делить прессу станут иностранцы либо наши через подставных лиц. Так делается во всем мире. Самодеятельность закончена, ты успела, и слава богу. Но главное в другом. В грядущие два года развернется звероподобная предвыборная схватка. Все превратятся в еду. Но если встать над ними, быть всевидящим и всеслышающим, иметь доверительную информацию со всех сторон и продавать ее по назначению в столицах и в регионах... эта игра может у тебя пойти. Скоро освободятся очень толковые ребята — газетчики, советчики, помощники, шептуны, с их связями можно вить веревки из любого депутата. И еще. Мои друзья из Аналитического Центра станут снабжать тебя информацией. Они предупреждены, но советую заключить с ними договор.

— Разве твоего слова недостаточно?

— Делай, как я предлагаю.

Алекс не решался ранить Валентину, открыть ей свой уход.

Она обеспокоилась. Это из-за кризиса, подумалось ей, конечно, из-за него. Экономический кризис — не шутка.

— Нам не следует тут задерживаться, — поежилась она зябко.

— Согласен.

— Уедем через два дня.

На другой день, очень мягко, умно и очень просто, Алекс посвятил Валентину в перемены в своей жизни.

Она поняла.

Она отпустила его также мягко, умно и просто. Но уехала первая, на поезде из Осташкова. В отдельном купе легла лицом в подушку и проплакала всю ночь.

Вечером четырнадцатого августа Валентина сидела за столом в своем кабинете. Со дня открытия «Каскада» прошел ровно год. Вместе с Екатериной Дмитриевной они вспомнили «старое доброе время», чудо первых договоров, подняли по рюмочке за прошлые и будущие успехи. Кроме нее, честной верной соратницы-сотрудницы, из прежнего состава не осталось ни одного человека. Последним ушел Максим Петрович. То ли нашел место повыгоднее, то ли, по мнению Екатерины Дмитриевны, не перенес разлуки с Агнессой, Бог его знает! Сама Агнесса прислала поздравительную телеграмму из Швейцарии. Юра поступил в МГУ сразу на два факультета. В составе оркестра уехала на гастроли арфистка Лада.

А Шурочка на прошлой неделе вышла замуж. Валентина и Екатерина Дмитриевна были у нее на свадьбе в Тайнинке. В подарок, по просьбе невесты, привезли стиральную машину. Было шумно и бестолково. Тома, горбоносый, черноволосый француз, ростом чуть выше Шурочки, казался испуганным убожеством обстановки и обилием бедных родственников. Но началось застолье, полилась русская водка, все сравнялось.

Щитовая реклама привилась. За нее ухватились местные округа, насыпали в нагрузку социальных объектов, все стало солиднее, цены поднялись. Валентина стала своим человеком в городской Мэрии. В агентстве с «наружкой» работали сорок три человека. Конечно, Екатерине Дмитриевне это не в подъем, ей бы справиться с газетной и журнальной рекламой, но, по мысли Валентины, еще чуть-чуть и высококлассных и недорогих менеджеров появится в избытке, хоть пруд пруди. Свекор с таблицами и графиками на руках показал ей, что следующей недели рынку не пережить. Час Икс приближался.

Сегодня, четырнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто восьмого года, в пятницу, Валентина задержалась в своем агентстве.

АСТРА

«КРЕПИТЕСЬ, ДРУГИ!»

роман

Собрание сочинений в шести книгах

Книга вторая

КРЕПИТЕСЬ, ДРУГИ!—М.: «Издательство «БПП»», 2009.—287 с.

ISBN 978-5-901746-07-3

©АСТРА, 2009

© Издательство «БПП», 2009